

ТРУДЫ

ПЕРЕРВИНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№23

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА 2022

ТРУДЫ ПЕРЕРВИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ ЖУРНАЛ

№23

Перервинская
духовная семинария

МОСКВА
2022

Редакционная коллегия

Главный редактор

иеромонах Аполлинарий (Панин)

ректор Перервинской духовной семинарии,
кандидат богословия

Ответственный редактор

иерей Герман Демидов

проректор по научно-богословской работе,
заведующий церковно-исторической кафедрой
Перервинской духовной семинарии,
кандидат богословия, кандидат философских наук

Редакционная коллегия:

Иерей Александр Тодиев,

проректор по учебной работе, заведующий кафедрой богословия
Перервинской духовной семинарии, кандидат богословия.

Иеромонах Афанасий (Иванов),

доцент кафедры богословия Перервинской духовной семинарии,
кандидат богословия.

Макарова Елена Владимировна,

старший преподаватель кафедры филологии
Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры
педагогике историко-филологического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
кандидат педагогических наук.

Ростовцева Юлия Александровна,

доцент кафедры рекламы и социально-культурных технологий
Института искусств и информационных технологий
Московского филиала Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов,
кандидат филологических наук.

Петрикова Анна,

доцент кафедры русистики философского факультета
Прешовского университета, член комиссии «Религиозный язык»
при Международном комитете славистов, PhD (Doctor of Philosophy).

Полетаева Татьяна Александровна,

заведующая учебно-методическим отделом,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Белгородской Православной Духовной семинарии
(с миссионерской направленностью); доцент кафедры
новых технологий в гуманитарном образовании
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
кандидат философских наук.

Феликсов Сергей Владимирович,

заведующий кафедрой филологии
Перервинской духовной семинарии,
доцент Перервинской духовной семинарии;
доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
кандидат филологических наук.

Чернова Анастасия Евгеньевна,

доцент кафедры филологии
Перервинской духовной семинарии,
доцент кафедры культурного наследия
Московского государственного института культуры,
кандидат филологических наук.

Содержание

Хроника научной жизни

Сергей Владимирович Феликсов III Всероссийская научно-практическая конференция школьников и абитуриентов с международным участием «Путь к Слову» кафедры филологии Перервинской духовной семинарии	15
--	----

Православие и литература

Владимир Алексеевич Воропаев Православная аскетика в жизни и творчестве Н.В. Гоголя.....	25
Владимир Иванович Мельник Отражение духовного опыта Н.А. Некрасова в сборнике «Мечты и звуки»	34
Алена Борисовна Шигурова, Илья Дмитриевич Лазарев. Религиозное осмысление преступления во благо в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	48
Алена Борисовна Шигурова, Елисей Андреевич Спиридонов. Осмысление петровских преобразований Ф.М. Достоевским	55
Екатерина Андреевна Вишнякова Религиозные идеи и сюжеты в рассказах А.П. Чехова	62
Ксения Борисовна Ермишина Из архива О.Н. Трубецкой: философская переписка братьев С. и Е. Трубецких как ключ к пониманию идейных истоков творчества братьев и русского религиозного возрождения нач. XX в.	72
Евгения Александровна Коршунова Священник Дурюлин как писатель	86

Максим Владимирович Скороходов Цикл С. А. Есенина «Под отчим кровом» в контексте иконной и библейской традиции	95
Анастасия Евгеньевна Чернова Русский провинциальный «Городок» Н.С. Гумилева и Н.И. Тряпкина как модель православного мира	109
Нина Сергеевна Ищенко Протестантская экклесиология в идеях Нильса Рунеберга (по рассказу Х. Л. Борхеса «Три версии предательства Иуды»)	119
Полина Павловна Ткачёва Мотив иконы и света в диптихе Владимира Высоцкого «Очи черные»	131
Елена Леонидовна Сузрюкова Семантика образа хлеба в романе П.П. Дедова «Светозары»	146
Лола Уткировна Звонарёва Православная составляющая в отечественной прозе XXI века.....	157
Екатерина Александровна Скоробогачева Природа человека: возможности и границы ее модификации в произведениях искусства рубежа XIX—XX вв. и современности	176

Contents

The chronicle of scientific life

Sergey Vladimirovich Feliksov

III All-Russian Scientific and Practical Conference
of Schoolchildren and Applicants with International
Participation «The Way to the Word» of the Department
of Philology of the Perervinskaya Theological Seminary..... 15

Orthodoxy and literature

Vladimir Alekseevich Voropaev

Orthodox asceticism in the life and work of n. V. Gogol 25

Vladimir Ivanovich Melnik

Reflection of n. A. Nekrasov's spiritual experience
in the collection «Dreams and sounds»..... 34

Alena Borisovna Shigurova, Ilya Dmitrievich Lazarev

Religious understanding of the crime for the good
in the novel by F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment»..... 48

Alena Borisovna Shigurova, Elisey Andreevich Spiridonov

Comprehension of Peter the Great's transformations
by F.M. Dostoevsky 55

Ekaterina Andreevna Vishnyakova

Religious ideas and plots in the stories of A.P. Chekhov..... 62

Ksenia Borisovna Ermishina

From the archive of O.N. Trubetskoy: the philosophical
correspondence of the brothers S. and E. Trubetskoy
as a key to understanding the ideological origins
of the brothers' work and the Russian religious revival.
XX century 72

Evgeniya Alexandrovna Korshunova

Priest Durylin as a writer..... 86

Maxim Vladimirovich Skorokhodov Sergey Esenin's cycle "Under the Father's Shelter" in the context of iconic and biblical tradition	95
Anastasia Evgenievna Chernova Russian provincial «Town» of N.S. Gumilyov and N.I. Tryapkin as a model of the orthodox world	109
Nina Sergeyevna Ishchenko Protestant ecclesiology in the ideas of Niels Runeberg (based on the story of H. L. Borges «Three versions of the betrayal of Judas»)	119
Polina Pavlovna Tkachova The motif of the icon and light in Vladimir Vysotsky's diptych «Black Eyes».....	131
Elena Leonidovna Suzryukova The semantics of the bread image in the novel «Svetozary» by P.P. Dedov	146
Lola Utkirovna Zvonareva The orthodox component in the russian prose of the xxi century	157
Ekaterina Aiexandrovna Skorobogacheva Human nature: the possibilities and limits of its modification in the works of art of the turn of the XIX—XX centuries and the present	176

Annotations

Voropaev Vladimir Alekseevich

Voropaev Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature at Lomonosov Moscow State University, member of the Union of Writers of Russia. E-mail: voropaevvl@bk.ru.

Orthodox asceticism in the life and work of n. V. Gogol

The article raises the question of the significance of Orthodox asceticism in the fate of N.V. Gogol. The facts of the writer's acquaintance with such classical monuments of patristic writing as the «Ladder» of the Rev. St. John of Sinai, «The Love of Kindness», the book of St. John of Sinai. Isaac Sirin et al. Both in life and in his work, Gogol followed the most difficult, most difficult path – the path of ecclesiastical asceticism – the restoration of the image of God in himself, the churchification of his writings.

Keywords: *Gogol, religious outlook, patristic legacy, excerpts from Holy Fathers and liturgical books, Orthodox ascetics, churching of oeuvre.*

Melnik Vladimir Ivanovich

Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: melnikvi1985@mail.ru.

Reflection of n. A. Nekrasov's spiritual experience in the collection «Dreams and sounds»

Annotation The appearance of the collection «Dreams and Sounds» is determined by the purely religious poems of Nekrasov, which reveal an unexpected spiritual experience in a sixteen-year-old boy. The peculiarity of his early poetic religiosity is its «theoretical» character, didacticism, and literal translation of patristic instructions into poems. It is noticeable that the moral principles adopted in the church environment and Christian dogmas are applied to their own life passionately, with a desire for spiritual asceticism. If in «Dreams and Sounds» the poet mainly masters the patristic teaching, then in his later work he turns to the Gospel, the parable, the genre of life.

Keywords: *Nekrasov, early poems, religiosity, spiritual experience, the teaching of the Holy Fathers of the Church.*

Shigurova Alena Borisovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Church History and Philosophy of the Penza Theological Seminary, Associate Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature of the Penza State University. E-mail: abshigurova@gmail.com

Lazarev Ilya Dmitrievich

Student of the Penza Theological Seminary. E-mail: lazarev_ilya01@mail.ru.

Religious understanding of the crime for the good in the novel by F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment». E-mail: melnikvi1985@mail.ru.

The article is devoted to the consideration of the theme of crime as a particular case of sin in the novel of F.M. Dostoevsky. The question of the existence of crime as such is associated with the concept of the abolition of sin. Questions of sin for good, crime for good and their Christian evaluation are raised. Thanks to the analysis of the ideological community for good in the Raskolnikov's theory and sin for good in Sacred History, the disclosure of the actualized significant meaning of the biblical context of the gospel episode about the resurrection of Lazarus, which is key for the novel, and putting forward assumptions about the probabilities of the source of the most important question of the permissibility of the case for good.

Keywords: *Dostoevsky, sin for the good, crime, resurrection of Lazarus, Raskolnikov's theory, Christianity.*

Shigurova Alena Borisovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Church History and Philosophy of the Penza Theological Seminary, Associate Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature of the Penza State University. E-mail: abshigurova@gmail.com

Spiridonov Elisay Andreevich

Student of the Penza Theological Seminary. E-mail: SpiridonovElisei2001@icloud.com

Comprehension of Peter the Great's transformations by F.M. Dostoevsky

The article is devoted to the disclosure of F.M. Dostoevsky's views on the problem of Peter the Great's transformations as a source of Russian liberalism, which, in the writer's opinion, is contrary to Christian doctrine. F.Dostoevsky understands liberalism as the basis of revolution, which can be seen not only from the writer's theoretical works, but also from how the Peter's theme is presented in his novels «Besy (Demons)» and «Prestupleniye i Nakazaniye (Crime and Punishment)».

Keywords: *Dostoevsky studies, liberalism, Peter's theme, Petersburg stories, Peter the Great.*

Vishnyakova Ekaterina Andreevna

Ph.D. in Philology, employee of JSC «SS «Gonets». E-mail: ekaterinav91@mail.ru.

Religious ideas and plots in the stories of A.P. Chekhov

The spiritual and moral potential of Russian classical literature of the 19th century is the subject of in-depth study. Answers to the eternal questions of Russian writers excite modern readers, prompting a thoughtful study of their heritage. Among the classical authors who carefully treated the moral origins of literature, developing secular themes, a special place is occupied by the work of A.P. Chekhov. The article examines religious ideas and plots in his stories, explores the writer's view of religious issues.

Keywords: *A.P. Chekhov, religious subjects, classical literature, Easter story, Christmas story, Orthodoxy, chronotope.*

Ermishina Ksenia Borisovna

Candidate of philosophical sciences, Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates. E-mail: xenia_ermishina@mail.ru.

From the archive of O.N. Trubetskoy: the philosophical correspondence of the brothers S. and E. Trubetskoy as a key to understanding the ideological origins of the brothers' work and the Russian religious revival. XX century

The question of the origin and content of the early, unpublished writings of the Russian philosopher S.N. Trubetskoy was raised by researchers more than 20 years ago, but until now there was not enough material to draw certain conclusions. In 2021, however, new material has surfaced in the book *From the Archive of Princess Olga Nikolaevna Trubetskoy. The Philosophical Correspondence of the Brothers Trubetskoy*. Here, letters of the two 20th century Russian thinkers are presented for the first time. The correspondence is a unique collection of previously unknown materials that shed light on the origins of the theological and philosophical creativity of Sergey and Evgeny Trubetskoy. Based on the published materials, a brief description of ideas from the previously almost unknown period of Sergey. Trubetskoy's creativity is presented with an analysis of the stages of the brothers' philosophical development. For the first time, the question of the source of inspiration for S. Trubetskoy's philosophical views is raised with authoritative substance and a new timeline of the creativity of the Trubetskoy brothers is proposed.

Keywords: *Russian religious revival at the beginning of the 20th century, synthesis of philosophy and theology, concrete idealism, philosophy of time and space, history of Russian philosophy.*

Korshunova Evgeniya Alexandrovna

Doctor of Philology, lecturer at the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. E-mail: zhenyakorshunova@gmail.com.

Priest Durylin as a writer

The article attempts to concisely and at the same time systematically consider the constitutive principles of the artistic system of S.N. Durylin on the material of his main prose texts ("In his corner", the cycle "Stories of Sergei Raevsky", "The Bells". "Sir Cat") other. Thus, ontologism, rootedness in myth, the importance of the "being-being" model, autobiography, marginality, etc.

Keywords: *myth, ontology, autobiography, marginality, realism in the highest sense.*

Skorokhodov Maxim Vladimirovich

PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: msk2002@rambler.ru.

Sergey Esenin's cycle "Under the Father's Shelter" in the context of iconic and biblical tradition

The article describes the symbolism of the name of the poetic cycle "Under the Father's Shelter" by Sergey Esenin, which consists of 15 poems and was published in the second issue of the almanac "Scythians" (1918). The author traces the evolution of biblical motifs and images in the cycle under consideration and demonstrates the topicality of iconic themes in the poetics of a number of his works. Esenin appears as an Orthodox Christian, who feels the unity of God's world, seeking to discover for himself and his readers its pristine beauty and diversity.

Keywords: Sergey Esenin, Bible, iconography, poetics, Russian literature, poetry, contexts, motifs, image system.

Anastasia Evgenievna Chernova

Candidate of Philological Sciences; Associate Professor of the Department of Philology of the Perervinskaya Theological Seminary, Associate Professor of the Department of Cultural Heritage of the Moscow State Institute of Culture. E-mail: litsot@yandex.ru.

Russian provincial «Town» of N.S. Gumilyov and N.I. Tryapkin as a model of the orthodox world

The article compares two provincial towns, represented in the poems of N.Gumilyov «Over the wide river» and N.Tryapkin's «Behind the old church». Using the technique of

«direct perspective» N.Gumilyov points to the true center of life – a temple with an Orthodox cross; N.Tryapkin, in turn, implements the same idea with other artistic means. The difference in approaches to the description of thematically related topics is associated with historical and spiritual reasons, as well as the time of writing the works. But Gumilyov and Tryapkin unanimously assert that only a church cross with bell ringing can transform everyday reality, filling it with spiritual meanings.

Keywords: *Artistic image, Silver Age, poetry, composition, lyrical hero, folklore motifs.*

Ishchenko Nina Sergeyevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: niofterna@gmail.com.

Protestant ecclesiology in the ideas of Niels Runeberg (based on the story of H.L. Borges «Three versions of the betrayal of Judas»)

The paper focuses on the ideas of Niels Runeberg, the character of Borges' story «Three Versions of the Betrayal of Judas», identifies the main ideas of Runeberg's theology: reliance on one Scripture, the elimination of Tradition, the use of the legal concept of original sin, the actual denial of communion with God in the Church. It is shown that these ideas are the essential features of the radical Protestant ecclesiology, which leaves a person alone with a godless world.

Keywords: *Bohes, Niels Runeberg, ecclesiology, Incarnation, Resurrection, Protestantism, original sin, hermeneutics.*

Tkachova Palina Pavlovna

PhD, docent, senior researcher State Museum Vladimir Vysotsky. E-mail: : polina.los@yandex.ru.

The motif of the icon and light in Vladimir Vysotsky's diptych «Black Eyes»

This work reveals the principle of the construction of the diptych «Black Eyes» (the first part: «Chase», the second part: «Old House»), based on the confrontation of light and darkness. Both executable and draft versions are considered, which allow analyzing the author's work on the text.

Keywords: *icon, light, motif, Christianity, manuscript, creativity, Vysotsky.*

Suzryukova Elena Leonidovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Humanitarian Disciplines Department at the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary. E-mail: sellns@mail.ru.

The semantics of the bread image in the novel «Svetozary» by P.P. Dedov

The article considers semantic aspects of the representation of bread in a trilogy of novels by Siberian writer P.P. Dedov. The title of the trilogy is conjugated at the semantic level with the image of bread: svetozary means sheet lightning appearing when the crop is ripening. Though the P. Dedov's novel is telling in the literal sense about cereal ears growing ripe, the Evangelical context is present in relation to the bread in the author's reflections on the subject that «man shall not live by bread alone». Both wheat and bread are associated in the novel with a moral ordeal for the main characters and a reason for survival in the hard wartime and postwar years.

Keywords: *P. Dedov, novel «Svetozary», semantics, artistic image, bread.*

Lola Utkirovna Zvonareva

Doctor of Historical Sciences, Professor at the Institute of World Civilizations and Moscow International University. E-mail: lzvonareva@mail.ru.

The orthodox component in the Russian prose of the XXI century. The ability of Russian writers to creatively live inside the immortal supporting images and symbols of Russian Orthodoxy, preserving artistic originality, is analyzed. These prose writers pay special attention to the Orthodox faith, the spiritual experience and life path of their characters can help form a moral vector in the soul of a young reader. It is proposed to introduce into the circle of family reading the listed books that can contribute to the patriotic education of our young contemporaries.

Keywords: *Paschal, conciliarity, Christian symbols, Orthodox faith, the Virgin Mary, moral assessment.*

Skorobogacheva Ekaterina Alekseevna

Doctor of Art History, Professor of the Department of General History of Arts of the Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture of Ilya Glazunov. E-mail: Skorobogacheva@mail.ru.

Human nature: the possibilities and limits of its modification in the works of art of the turn of the XIX–XX centuries and the present. In this article, the author, relying on the fundamental works of Russian art historians, cultural scientists, and philosophers, explores the possibilities and limits of the modification of human nature in works of art.

of the turn of the XIX–XX centuries and the present. The crisis state of modern culture, art as a part of it, according to the author, is obviously caused, firstly, by the loss of spiritual content; secondly, by the lack of a school of skill. This trend is inherent in a significant part of the works of modern art. The relevance of the research is determined by the need to understand the spiritual meanings expressed in the works of the turn of the XIX–XX centuries, which in many respects they are equivalent to the meanings of modern creativity. Methods of comparative analysis, art history analysis, as well as a comprehensive system approach are used. The study concludes that the development of a classical school based on traditions, including realistic art, is currently important. The author also comes to the conclusion that the concept of «believing mind» is the basis that determines the essence of the spiritual meaning of Russian national art. Based on the concept of «believing mind», it is necessary to determine the possibilities and limits of the modification of human nature in works of art.

Keywords: *art history, philosophy, believing mind, Russian national culture, classical traditions, realism.*

Хроника научной жизни

Сергей Владимирович Феликсов¹

III Всероссийская научно-практическая конференция школьников и абитуриентов с международным участием «Путь к Слову» кафедры филологии Перервинской духовной семинарии

14 апреля 2022 года в рамках Всероссийского научного гуманитарно-филологического форума с международным участием имени митрополита Григория (Постникова) кафедры филологии Перервинской духовной семинарии прошла **III Всероссийская научно-практическая конференция школьников и абитуриентов с международным участием «Путь к Слову»**.

Конференция была организована в рамках межвузовского сотрудничества между московскими духовными школами Русской Православной Церкви. Организаторами конференции выступили кафедра филологии Перервинской духовной семинарии и кафедра педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

С приветственным словом к участникам конференции обратились председатель конференции, заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета ПСТГУ **Сергей Владимирович Феликсов** и заведующая кафедрой педагогики историко-филологического факультета, доктор педагогических наук, профессор **Светлана Юрьевна Дивногорцева**.

В выступлениях было отмечено, что основной целью проведения конференции является развитие творческой активности школьников

¹ **Феликсов Сергей Владимирович** – заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат филологических наук. Адрес для корреспонденции: svfeliksov@gmail.com.

и абитуриентов, повышение уровня их филологической культуры, а также объединение научных инициатив педагогического сообщества для решения актуальных проблем в области школьного филологического образования в свете традиционных для отечественной культуры духовно-нравственных ценностей.

Конференция объединила юных исследователей из светских и православных общеобразовательных школ и колледжей Москвы, Московской, Ярославской, Нижегородской, Волгоградской, Свердловской областей, а также Республики Беларусь.

Работа конференции была организована в форме дискуссионных площадок, в рамках которых было представлено **24 доклада** школьников и абитуриентов, затрагивающих различные актуальные проблемы, касающиеся изучения филологии.

Дискуссионная площадка № 1 «Религиозный и нравственный мир произведений художественной литературы» была посвящена обсуждению вопросов, касающихся отражения религиозных тем, идей, сюжетов, образов и мотивов в произведениях русской и зарубежной литературы.

Открыл работу конференции и дискуссионной площадки доклад **Солодовниковой Арины**, учащейся 10 класса МОУ «Гимназия №2», Московская обл., г. Раменское (науч. руков. — Шашкина Наталья Александровна, учитель русского языка и литературы), на тему *«Под одним ли углом зрения смотрели на своих слушателей «сеятели» из Евангелия и из стихотворения А.С. Пушкина “Свободы сеятель пустынный...”?»*. Сопоставив в ходе выступления образ сеятеля, запечатленный в евангельской притче и в стихотворении А.С. Пушкина “Свободы сеятель пустынный...”, докладчиком был сделан вывод, согласно которому евангельский и пушкинский сеятели по-разному смотрят на своих слушателей: первый — с надеждой и верой, а второй — с огорчением и болью.

Берестень Иван и Адамович Диана, учащиеся 11 и 9 классов ГУО «Гимназия №17 г. Минска», Республика Беларусь (науч. руков. — Гурецкая Наталья Леонидовна и Постанкевич Светлана Александровна, учителя русского языка и литературы), представили доклад на тему *«Мотив наказания за жадность в произведениях о кладах Н.В. Гоголя и Яна Барщевского»*. Проанализировав произведения Н.В. Гоголя

и белорусско-польского писателя Я. Барщевского, докладчики пришли к выводу, в соответствии с которым утверждается, что оба писателя используют мотив наказания за жадность в своих произведениях с целью обратить внимание читателей на духовно-нравственную проблему выбора, предупредив об опасных последствиях получения неправедным путем богатства.

В докладе «*Лирическая дерзость*» А. Фета» **Адам Василиса**, учащаяся 10 класса ЧОУ «Православная гимназия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского № 11», Свердловская обл., г. Нижний Тагил (науч. рук. — Нагорнова Татьяна Викторовна, учитель русского языка и литературы), на примерах стихотворений А. Фета раскрыла понятие «лирическая дерзость», характеризующее особенности художественного мастерства известного поэта, суть которого состоит в искусном соединении в художественном мире произведения несоединимого.

Зудин Сергей, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий (науч. рук. — Львова Марина Альфредовна, учитель русского языка и литературы), в докладе «*Образ матери в произведениях Н.А. Некрасова и А.С. Гаврилова*» сделал вывод, согласно которому в произведениях Н.А. Некрасова и А.С. Гаврилова образ матери занимает особое место, поскольку для обоих авторов матери в жизни стали духовными руководителями.

В докладе «*Христианские мотивы в письмах А. П. Чехова*» **Быковская Анастасия**, учащаяся 10 класса АНОО «Гимназия Святителя Василия Великого», Московская обл., Одинцовский г.о., д. Зайцево (науч. рук. — Харитоновна Елена Вячеславовна, учитель русского языка и литературы), проанализировав вопрос, касающийся мировоззрения А.П. Чехова на основе его эпистолярного наследия, пришла к выводу, в соответствии с которым справедливо утверждать, что писатель в своей жизни и творчестве руководствовался христианскими взглядами.

Сердюков Иван, учащийся 11 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий (науч. рук. — Недодаева Светлана Борисовна, учитель русского языка и литературы),

в докладе *«Молитва и её отражение в литературном творчестве (на примере произведений ярославских авторов XIX века)»* на примере анализа произведений поэтов XIX в. ярославской земли, опубликованных в периодических изданиях, сделал вывод, констатируя, что через художественные произведения ярославские писатели выражали идею важности для человека приношения покаянной и благодарственной молитвы Богу.

Балабанова Екатерина, учащаяся 10 класса НЧУОО церковно-приходская школа «Косинская», г. Москва (науч. руков. — Каурова Любовь Анатольевна, учитель русского языка и литературы) в докладе *«История народа в художественных произведениях»* затронула актуальную для современного общества проблему исторической памяти народа на примере произведений Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова и др.

В докладе *«Образ преподобного Сергия Радонежского в русской литературе конца XIX-начала XX вв.: «Святой отрок» Лидии Чарской»* **Лазарь Святослав**, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий (науч. руков. — Львова Марина Альфредовна, учитель русского языка и литературы), были выявлены и описаны основные приемы создания Л. Чарской образа преподобного Сергия Радонежского в произведении «Святой отрок» — идеализирующий и лейтмотивный портреты, эмоционально окрашенное описание природы и др. В заключении выступающим был сделан вывод, согласно которому Л. Чарская стремилась не только подчеркнуть образцовость внешности и образа жизни своего героя, но и показать его с реальной стороны.

Бабич Иван, учащийся 10 класса АНОО «Православная Классическая Гимназия «Ковчег»», Московская обл., г. Балашиха (науч. руков. — **Бабич Татьяна Викторовна**, учитель русского языка и литературы), в докладе на тему *«Влияние нравственных уроков, полученных в детстве, на становление личности и творчества русского писателя И.С. Шмелева»* констатировал, что пережитые И.С. Шмелевым в жизни страдания не озлобили его, а, наоборот, укрепили писателя в православной вере, найдя глубокое отражение в написанных им произведениях.

Учащиеся 9 класса МОУ «СОШ № 65 Красноармейского района Волгограда» (г. Волгоград) **Багдасарян Светлана** и **Шпынова Дарья** (науч. руков. — Простова Алина Станиславовна и Гордеева Анна Алек-

сеевна, учителя русского языка и литературы) выступили с докладом на тему *«Двойничество как способ раскрытия образа князя Александра Невского в поэме Константина Симонова «Ледовое побоище»*, в ходе которого сделали вывод, согласно которому К. Симонов в своем произведении «Ледовое побоище» создает новый образ Александра Невского, показав его не как былинного героя, а как обычного человека.

В докладе *«Христианские мотивы в творчестве Андрея Тарковского (на примере фильма «Иваново детство»)»* **Тесля Анастасия**, учащаяся колледжа Московского педагогического государственного университета, г. Москва (науч. руков. — Манукян Эдуард Мгерович, преподаватель философии), сопоставила сюжет фильма «Иваново детство» с содержанием новозаветной библейской книги — Апокалипсис.

Бубнова Елизавета, учащаяся 11 класса ЧОУРО «Гнилицкая православная гимназия имени святителя Николая Чудотворца», Нижегородская обл., г. Нижний Новгород (науч. руков. — Леюшкина Татьяна Ивановна, учитель русского языка и литературы), выступила с докладом на тему *«Числовой символизм в «Божественной комедии» Данте Алигьери и «Инферно» Дэна Брауна»*. Докладчиком был сделан вывод, согласно которому в произведении «Инферно» современного американского писателя Д. Брауна наблюдается числовой символизм в форме аллюзий на произведение средневекового итальянского писателя Д. Алигьери «Божественная комедия», играющий для понимания идейно-художественного своеобразия данного произведения ключевую роль.

Лодыгин Савелий, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий (науч. руков. — Львова Марина Альфредовна, учитель русского языка и литературы), в докладе на тему *«Авторская позиция и средства ее выражения в сказке современного писателя Л. Улицкой «История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь»*, обратил внимание слушающих на актуальную проблему заботы человека о ближнем и членах своей семьи, которая остро ставится в творчестве современного писателя Л. Улицкой при помощи жанра сказки.

Дискуссионная площадка № 2 «Отражение в языке духовно-нравственной жизни народа и его культуры» была посвящена обсуждению вопросов, касающихся сохранению русского и церковнославянского языков в современных реалиях, а также проблеме отражения в языке миропонимания народа.

Открыл работу дискуссионной площадки доклад *«Русский язык — национальный язык русского народа»*, который сделал **Дубицкий Нил**, учащийся 11 класса НОЧУ «Гимназия имени митрополита Платона Левшина, г. Москва (науч. руков. — Семенова Ольга Андреевна, заместитель директора по УВР), обратив особое внимание слушающих на проблему засорения иностранными словами и жаргонной лексикой национального русского языка, а также поднял вопрос о способах его защиты от негативных современных влияний.

Тороева Юлия, учащаяся 9 класса НЧУОО церковно-приходская школа «Косинская», г. Москва (науч. руков. — Каурова Любовь Анатольевна, учитель русского языка и литературы), выступила с докладом на тему *«Русский язык — ключ к пониманию мировоззрения русского народа»*, указав на то, что для русской языковой картины мира ключевыми являются слова, отражающие христианскую нравственность, а именно: «правда», «совесть», «милосердие», «справедливость», «сострадание», «любовь» и др.

Доклад *«Выстраданное слово: подвиг, который остается жить в веках»* **Федосеевой Софии**, учащейся 11 класса ЧОУ «Православная гимназия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского № 11», Свердловская обл., г. Нижний Тагил (науч. руков. — Нагорнова Татьяна Викторовна, учитель русского языка и литературы), был посвящен анализу произведений периода Великой Отечественной войны, в которых наиболее ярко через художественное слово был запечатлен подвиг русского народа.

Лисовская Екатерина, учащаяся 11 класса НОЧУ «Гимназия имени митрополита Платона Левшина, г. Москва (науч. руков. — Семенова Ольга Андреевна, заместитель директора по УВР), представила доклад на тему *«Значение слова в жизни человека и общества»*, сосредоточив основное внимание слушателей на вопросе, связанном с ответственностью человека за свое слово в свете христианского вероучения.

Кукушкин Серафим, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий (науч. руков. — Львова Марина Альфредовна, учитель русского языка и литературы), в докладе *«Морально-этические концепты в пословицах Ростовского района Ярославской области»* представил результаты осмысления жителями г. Ростов Великий пословиц, выявив, что пословицы, выражающие понятия «труд» и «терпение», являются наиболее частотными в речи современных носителей русского языка в данной местности.

Новиков Иван, учащийся 11 класса НОЧУ «Гимназия имени митрополита Платона Левшина, г. Москва (науч. руков. — Семенова Ольга Андреевна, заместитель директора по УВР) в докладе на тему *«М.В. Ломоносов как автор академической нормативной грамматики русского языка»* проанализировал вклад М.В. Ломоносова в разработку учения о языке на примере «Российской грамматики» (1755 г.).

Чеховский Фёдор, учащийся 8 класса ЧОУ «Православная гимназия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского № 11», Свердловская обл., г. Нижний Тагил (науч. руков. — Раёва Людмила Ивановна, учитель русского языка и литературы) представил доклад на тему *«Наши имена написаны на небесах»*, ознакомив слушателей со значением наиболее употребительных в русской христианской культуре имен.

Вереютина Светлана, учащаяся 9 класса МОУ «СОШ № 65 Красноармейского района Волгограда», г. Волгоград (науч. руков. — Простова Алина Станиславовна, учитель русского языка и литературы) в докладе на тему *«Фразеологические единицы как средство создания комического в романе М.А. Шолохова «Они сражались за Родину»* были приведены и проанализированы выявленные в романе М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» фразеологические единицы, которые способствуют созданию образа непобедимого русского народа, способного смотреть в лицо смерти с улыбкой.

Опальный Богдан, учащийся 8 класса ЧОУ «Православная гимназия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского № 11», Свердловская обл., г. Нижний Тагил (науч. руков. — Раёва Людмила Ивановна, учитель русского языка и литературы) представил доклад на тему *«Исторические корни русских фразеологических*

оборотов и библейских выражений», рассказав об истории и значении наиболее употребительных в русском языке фразеологизмов, заимствованных из текстов Нового и Ветхого Заветов.

В докладе «*Откуда взялись менты, мусора и легавые*» **Кудряшова Арина**, учащаяся 8 класса МОУ «СОШ № 35», Московская обл., г. Подольск (науч. руков. — Корнеева Олеся Сергеевна, учитель русского языка и литературы), коснулась проблемы жаргонизации русского языка и рассказала слушающим о происхождении употребительных в настоящее время слов — «менты», «мусора» и «легавые».

Завершил работу дискуссионной площадки и конференции в целом доклад на тему «*Роль церковнославянского языка в XXI веке*», который представил **Акинфин Сергей**, учащийся 11 класса НОЧУ «Гимназия имени митрополита Платона Левшина, г. Москва (науч. руков. — Семенова Ольга Андреевна, заместитель директора по УВР). В выступлении докладчиком были приведены аргументы, связанные с необходимостью сохранения церковнославянского языка как богослужебного языка Русской Православной Церкви.

В заключительной части конференции были подведены итоги и состоялся обмен мнениями между участниками конференции.

По завершении конференции ее участникам была предложена культурная программа — виртуальная экскурсия «*Николо-Перевинский монастырь: его история и святыни*», которую провел студент 4 курса Перервинской духовной семинарии **Ковалев Вячеслав**.

Для определения лучших докладов, прозвучавших на конференции, было создано жюри, в состав которого вошли председатель оргкомитета конференции Сергей Владимирович Феликсов, кандидат филологических наук Екатерина Андреевна Вишнякова, а также магистранты историко-филологического факультета ПСТГУ — *Жаркова Галина Владимировна* (секретарь конференции), *Степанова Мария Викторовна*, *Комшина Татьяна Игоревна*, *Урсова Анна Геннадьевна*.

В результате конкурсного отбора докладов, проведенного с учетом их содержания и научной составляющей, композиционной стройности и логичности, культуры речи, использования наглядных средств, качества ответов на вопросы по теме доклада, лучшими были признаны выступления следующих участников конференции.

**По итогам общего конкурса
среди участников конференции:**

1 место

Быковская Анастасия, учащаяся 10 класса АНОО «Гимназия Святителя Василия Великого», Московская обл., Одинцовский г.о., д. Зайцево.

Лазарь Святослав, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий.

2 место

Бабич Иван, учащийся 10 класса АНОО «Православная Классическая Гимназия “Ковчег”», Московская обл., г. Балашиха.

Кукушкин Серафим, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий.

3 место

Федосеева София, учащаяся 11 класса ЧОУ «Православная гимназия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского № 11», Свердловская обл., г. Нижний Тагил.

Дискуссионная площадка № 1

**«Религиозный и нравственный мир произведений
художественной литературы»**

1 место

Быковская Анастасия, учащаяся 10 класса АНОО «Гимназия Святителя Василия Великого», Московская обл., Одинцовский г.о., д. Зайцево.

Лазарь Святослав, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий.

2 место

Бабич Иван, учащийся 10 класса АНОО «Православная Классическая Гимназия “Ковчег”», Московская обл., г. Балашиха.

3 место

Лодыгин Савелий, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий.

Дискуссионная площадка № 2

«Отражение в языке духовно-нравственной жизни народа и его культуры»

1 место

Кукушкин Серафим, учащийся 10 класса ЧОУ «Гимназия имени преподобного Сергия Радонежского при Троице-Сергиевом Варницком монастыре», Ярославская область, г. Ростов Великий.

Федосеева София, учащаяся 11 класса ЧОУ «Православная гимназия во имя святого благоверного великого князя Александра Невского № 11», Свердловская обл., г. Нижний Тагил.

2 место

Вереютина Светлана, учащаяся 9 класса МОУ «СОШ № 65 Красноармейского района Волгограда», г. Волгоград.

3 место

Кудряшова Арина, учащаяся 8 класса МОУ «СОШ № 35», Московская обл., г. Подольск.

Новиков Иван, учащийся 11 класса НОЧУ «Гимназия имени митрополита Платона Левшина, г. Москва.

По итогам конференции победители получили дипломы, участники конференции, не занявшие призовые места, — именные сертификаты, научные руководители — благодарственные письма.

Организаторы конференции выражают глубокое уважение и благодарность всем участникам конференции и их научным руководителям за труды и желают им дальнейших творческих успехов!

Православие и литература

Содержание предлагаемого вниманию читателей очередного выпуска журнала «Труды Перервинской православной духовной семинарии», подготовленного кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, составляют научные труды участников II Зимней всероссийской научно-практической школы-конференции с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ», секция «Православие и литература»¹.

Кафедра филологии Перервинской духовной семинарии выражает глубокое уважение и благодарность всем участникам Школы-конференции за понесенные труды и желает им дальнейших творческих успехов!

Владимир Алексеевич Воропаев²

Православная аскетика в жизни и творчестве Н.В. Гоголя

В статье ставится вопрос о значении православной аскетики в судьбе Н. В. Гоголя. Освещаются факты знакомства писателя с такими классическими памятниками святоотеческой письменности, как «Лествица» преп. Иоанна Синайского, «Добротолюбие», книга преп. Исаака Сирина и др. И в жизни, и в творчестве Гоголь шел самым трудным, самым сложным путем — путем церковной аскетики – восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, святоотеческое наследие, выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, православная аскетика, воцерковление творчества

¹ С научными трудами участников секции «Православие и язык» II Зимней всероссийской научно-практической школы-конференции с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» можно ознакомиться в следующем номере журнала: **Труды Перервинской православной духовной семинарии. Научно-богословский журнал. 2022. № 22.**

² **Воропаев Владимир Алексеевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член Союза писателей России. Адрес для корреспонденции: voropaevvl@bk.ru

Введение

Святоотеческое наследие, непосредственное общение с представителями традиционной монашеской аскетики во многом определили характер религиозного мирозерцания Гоголя, особенности его творчества. В «Авторской исповеди», рассказывая о том, как он пришел к осознанной, церковной вере, Гоголь писал о характере своего чтения: «Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека...»³.

Сразу после смерти Гоголя, разбирая уцелевшие от сожжения бумаги, его друзья обнаружили значительное количество выписок религиозного содержания. В свое время профессор Г.П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека), напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности его научных занятий. Выписки Гоголя из творений святых отцов и богослужебных книг заставляют пересмотреть многие традиционные представления о духовном облике писателя, открывают новое в его творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Результаты исследования

Большая часть этих выписок сделана Гоголем в середине 1840-х годов. Можно думать, однако, что уже в школьные годы он ознакомился с «Лестницей» преподобного Иоанна Синайского, одной из основных книг в монашеской аскетике. Образ лестницы, соединяющей землю с небом, один из любимейших у Гоголя. Он встречается уже

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Т. 6. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 225–226.

в одном из самых ранних его произведений — в повести «Майская ночь, или Утопленница». Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Светлое Воскресенье» — последнем напечатанном при жизни произведении Гоголя.

В православной святоотеческой литературе «лествица» — один из основных образов духовного возрастания. Он восходит к Библии, а именно к 28-й главе Книги Бытия (ст. 10—17), где описывается видение патриарха Иакова. В Священном Писании этот образ встречается также в Евангелии, где Господь Иисус Христос отождествляет Себя с Богом в этом видении (Ин. 1: 51). Этот фрагмент входит в паремии, читаемые в Церкви на Богородичные праздники, и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице; святителю Николаю, небесному покровителю Гоголя. Примеры такого словоупотребления мы находим и в выписках Гоголя из служебных Миней.

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки. Как глубоко жил этот духовный образ в сознании писателя, можно видеть, например, по его предсмертным словам: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!...»⁴. Подобные же слова о лестнице сказал перед кончиной святитель Тихон Задонский, один из любимых писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

Дошедший до нас автограф Гоголя, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге и датируемый приблизительно 1843 годом, включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 году с названием «Лествица, возводящая на небо». Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х годов. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им ранее рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (по всей видимости, от графа А. П. Толстого, в доме которого жил последние годы Гоголь) Т. И. Филиппов, который писал К. Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 года:

⁴ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 939.

«С высоты «Лестницы», которая особенно его (Гоголя. — В. В.) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в своей памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве»⁵.

При поступлении в Нежинскую гимназию в 1821 году двенадцатилетний Гоголь обнаружил хорошие познания только по Закону Божию. Нежин, по всей видимости, во многом определил характер духовного образования Гоголя. Законоучитель гимназии протоиерей Павел Волынский, помимо преподавания катехизиса и Священной истории с географией Святой Земли, читал в старших классах своеобразный курс нравственного богословия, знакомя воспитанников с творениями святых отцов и учителей Церкви — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, Амвросия Медиоланского и других.

После отъезда за границу в 1842 году в жизни Гоголя начинает преобладать аскетическое настроение. Он принимается за систематическое чтение книг духовного содержания, оказывая преимущественное внимание святоотеческой литературе. Его письма первой половины 1840-х годов наполнены просьбами о присылке книг по богословию, истории Церкви, русским древностям. Друзья и знакомые шлют ему творения святых отцов, издаваемые Московской Духовной академией, сочинения святителя Тихона Задонского, святителя Димитрия Ростовского, епископа Харьковского Иннокентия, номера журнала «Христианское Чтение». Присланное поэтом Н. М. Языковым «Добротолюбие» стало для Гоголя одной из самых насущных книг. Имеется в виду «Добротолюбие» на церковнославянском языке в переводе преподобного Паисия Величковского. Иногда в исследовательской литературе Гоголю неоправданно приписывается знакомство с «Добротолюбием» в переводе на русский язык святителя Феофана Затворника, получившем широкое распространение среди монашествующих и благочестивых мирян.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные пес-

⁵ Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подготовка текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 492–493.

ни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи названы церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя. Более того, можно утверждать, что гоголевская концепция истории русской литературы строится на учении святых отцов об умном делании или трезвении.

В какой степени «Добролюбие» повлияло на внутренний, духовный мир Гоголя? Судить об этом трудно, поскольку сам писатель на этот счет не высказывался (что совершенно естественно для него). Внутренняя, сокровенная жизнь Гоголя была сокрыта от окружающих. «Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге», — писал он нежинскому другу А. С. Данилевскому 20 июня (н. ст.) 1843 года из Эмса⁶.

По некоторым дошедшим до нас свидетельствам современников можно, однако, предположить, что Гоголь творил (непрестанно читал) Иисусову молитву (внимательная и частая умно-сердечная молитва приравнивается святыми отцами к непрестанной).

Умирал Гоголь с четками в руках. Это значит, что он постоянно внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню «*Непрестанно молитесь*» (1 Фес. 5: 17). В своей Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома) Гоголь на полях повторил этот и предшествующий стих: «всегда радуйтесь и непрестанно молитесь»⁷.

Зимой 1843/44 года в Ницце, живя у своих друзей Виельгорских, Гоголь делает выписки в особую тетрадь из творений святых отцов и учителей Церкви, пользуясь в основном академическим журналом «Христианское Чтение» за 1842 год. Помимо древних отцов Церкви — Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Афанасия Великого, Григория Нисского, Иоанна Дамаскина, Кирилла Александрийского и других — в этом сборнике содержатся также отрывки из сочинений современных Гоголю духовных писателей: святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, Задонского затворника Георгия, епископа Костромского и Галичского Владимира

⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. С. 252.

⁷ Там же. Т. 9. С. 157.

(Алявдина), епископа Полтавского Гедеона (Вишневского), протоиерея Стефана Сабинина.

Тогда же у Гоголя появляется потребность глубже войти в молитвенный опыт Церкви. В письме к С. Т. Аксакову из Рима от 18 марта (н. ст.) 1843 года он просит прислать ему «молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынниками и мучениками»⁸. Результатом этой духовной жажды явилась толстая тетрадь (около ста листов) переписанных Гоголем из служебных Миней церковных песней и канонов (ныне также хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома).

За границей Гоголь помечал выписки двойной датой: по старому и новому стилю. Разница между русским и европейским (новым) стилем в XIX веке составляла 12 дней; ныне эта разница составляет 13 дней. По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Евангелия, Апостола и Ветхого Завета, а также житие того святого, чья память празднуется Церковью в этот день. Кроме молитв утренних и вечерних, которые ежедневно читают все православные христиане, он прочитывал еще и Малое повечерие. По всей видимости, в его молитвенное правило входило также чтение тропарей, стихир и кондаков.

Эти выписки Гоголь делал не только для духовного самообразования, но и для предполагаемых писательских целей. В статье о русской поэзии он, в частности, замечал: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм — рождение верховной трезвости ума, — который исходит от наших церковных песней и канонов...»⁹. Тайна этого лиризма была открыта Гоголю и известна не понаслышке, а из личного опыта. Как явствует из содержания тетради, он внимательно прочел Минеи за полгода — с сентября по февраль — и сделал выдержки на каждый день.

Такой метод чтения Гоголя — с выписками — можно назвать «келейным», — им традиционно пользовались, например, многие монахи. Его смысл — уяснение сложных, не поддающихся точному пониманию с первого раза духовных вопросов. К тому же, переезжая с места на место, Гоголь не мог возить с собой много книг и имел при себе компактную походную библиотеку — рукописные сборники.

⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 12. С. 201.

⁹ Там же. Т. 6. С. 195.

Сохранившиеся тетради свидетельствуют о том, что Гоголю хорошо известна была христианская книжность. Судя по всему, он искал путей к тому, чтобы стать духовным писателем в собственном смысле этого слова. Суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии, и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам позднего творчества Гоголя можно отнести и систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви — труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора.

Выписки Гоголя проясняют также некоторые аспекты его биографии, например, аскетическое поведение в последние дни жизни. Так, широко распространено убеждение, что Гоголь, умерший на второй неделе Великого поста, уморил себя голодом. На этом настаивал еще Н. Г. Чернышевский на основании воспоминаний доктора А. Т. Тарасенкова, наблюдавшего Гоголя во время его предсмертной болезни. Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, профессор Киевской Духовной академии В. З. Завитневич писал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи»¹⁰.

Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А. В. Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма»¹¹. Литературовед Михаил Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы»¹².

¹⁰ Завитневич В. З. Религиозно-нравственное состояние Н. В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя: научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н. П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. II. С. 403.

¹¹ Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 289.

¹² Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М.: РГГУ, 2002. С. 656.

Однако Гоголь был православным христианином, исполняющим все церковные установления. Он знал, что такое смертный грех самоубийства. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов.

О том же говорят и пометы на принадлежавшей Гоголю Библии. «Пост не дверь к спасенью», — написал он карандашом на полях против слов святого апостола Павла: *«Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»*, 1 Кор. 8: 8)¹³.

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения. В один из приездов в Оптину Пустынь он прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — преподобного Исаака Сирина (с которой позднее старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу А. П. Толстому, а после его смерти переданный иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести, это вздор, природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах»¹⁴, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инокa. Здравую психологию и не кривое, а прямое пони-

¹³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем Т. 9. С. 152.

¹⁴ Это выражение св. апостола Павла (Ефес. 4: 29.) Ср. у Гоголя в статье «О том, что такое слово»: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово...» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 22).

мание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души»¹⁵.

Заключение

Итак, подводя предварительный итог сказанному, можно заключить, что и в жизни, и в творчестве Гоголь шел самым трудным, самым сложным путем — путем церковной аскетики — очищения, восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний. И он остался одиноким подвижником в литературе, почти никем не понятым. По словам новомученика протоиерея Иоанна Восторгова, такие творцы, как Гоголь, «по своему значению в истории слова подобны святым отцам в Православии...»¹⁶.

Источники и литература

1. *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М.: РГГУ, 2002. 686 с.
2. *Восторгов И.И., протоиерей.* Честный служитель слова / Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением // Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1995. С. 223–227.
3. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
4. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
5. *Завитневич В.* Религиозно-нравственное состояние Н. В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя: научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н. П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. II. С. 338–424.
6. *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 542 с.
7. Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: «Пушкинский Дом», 2012. 728 с.

¹⁵ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 258.

¹⁶ См.: *Восторгов И.И., протоиерей.* Честный служитель слова / Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением // Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1995. С. 226–227.

Владимир Иванович Мельник¹

Отражение духовного опыта Н.А. Некрасова в сборнике «Мечты и звуки»

Облик сборника «Мечты и звуки» определяют чисто религиозные стихи Некрасова, которые обнаруживают неожиданную в шестнадцатилетнем юноше духовную опытность. Особенностью его ранней поэтической религиозности является ее «теоретический» характер, дидактичность, буквальное переложение святоотеческих наставлений в стихи. Ощутимо, что нравственные установления, принятые в церковной среде, и христианские догматы прилагаются им к собственной жизни страстно, с желанием духовного подвижничества. Если в «Мечтах и звуках» поэт осваивает в основном святоотеческое учение, то в позднейшем творчестве он обращается к Евангелию, притче, к жанру жития.

Ключевые слова: Некрасов, ранние стихи, религиозность, духовный опыт, учение Святых Отцов Церкви.

Введение

Постановка проблемы

Н. А. Некрасов начал писать стихи очень рано. В гимназии у него накопилась «толстая тетрадь» стихотворений, которые он намеревался опубликовать. По приезду в Петербург в шестнадцатилетнем возрасте он опубликовал целый ряд стихотворений в журналах («Сын отечества», «Библиотека для чтения» и др.). В это же время он продолжал пополнять свою тетрадь новыми стихами. В январе 1840 г. была отпечатана в «листах» (т. е. без брошюровки) его первая книга «Мечты и звуки». Эти «листы» юный Некрасов отнес и дал посмотреть В. А. Жуковскому. Старый поэт не посоветовал Некрасову публиковать книгу: «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи»². Тем не менее, Некрасов все-таки издал книгу, хотя и под псевдонимом.

В «Мечтах и звуках» мы почти не узнаем того поэта, который известен нам под именем «Некрасов»:

¹ **Мельник Владимир Иванович** — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Республики Татарстан. Адрес для корреспонденции: melnikov1985@mail.ru.

² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. В 15-ти т. Л.; СПб., 1981 – 2000. Т. XIII. Ч. 2. С. 46 – 47.

Когда взойдет денница золотая
 На небосвод
 И, красотой торжественно сияя,
 Мрак разнесет,
 Когда звонят, к молитве созывая,
 И в храм идут,
 И в нем стоят, моление совершая,
 И гимн поют, —
 Тогда и я, с душою умиленной,
 Меж всех стою
 И Богу гимн, коленопреклоненный,
 Тогда пою.

С легкой руки Жуковского и уничижительного, в несколько слов, отзыва В. Г. Белинского, ранний сборник Некрасова принято считать слабым и ученическим. Да и сам он в примечании к изданию «Стихотворений» 1864 года наложил авторское вето на перепечатку книги «Мечты и звуки» после его смерти³. Современные исследователи, по сути, замалчивают его как неудачный ранний опыт великого поэта и обходят его своим вниманием. Об этом явственно свидетельствуют комментарии к первому тому Полного собрания сочинений Некрасова, в котором помещены стихотворения, входившие в сборник «Мечты и звуки». Многие из них сводятся лишь к упоминанию места и времени издания стихотворения, или, в лучшем случае, еще к указанию источника поэтического мотива.

Трудность состояла в том, что общий облик сборника «Мечты и звуки» определяют чисто религиозные стихи Некрасова, которые некрасоведы 1980-х гг. квалифицированно прокомментировать были просто не в состоянии, тем более, что акцентировка религиозной темы разрушала бы ставший традиционным образ Некрасова как поэта-революционера, друга и сподвижника Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. К большому сожалению, эта традиция восприятия Некрасова укоренилась и в современной науке. Подавляющее большинство исследователей и слышать не хотят о религиозности

³ Прозоров Ю. М. Классика. Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2013. С. 171.

поэта, поскольку это приведет к существенному пересмотру объективности и ценности существующих научных разработок в Некрасоведении.

В свое время мы издали ряд статей⁴ и монографию⁵ о религиозности Некрасова. Указанные работы посвящены зрелому творчеству поэта. Настало время обратиться к сборнику «Мечты и звуки», который едва ли не в наибольшей степени проясняет вопрос о религиозности поэта. Здесь нельзя не упомянуть одного из первых исследователей Некрасова В. Е. Евгеньева-Максимова, посвятившего этому сборнику главу в своей книге «Литературные дебюты Н. А. Некрасова»⁶ и обратившему внимание на религиозные мотивы в ранней лирике поэта. Заслугой исследователя является то, что он первым зафиксировал наличие этих мотивов в «Мечтах и звуках» и попытался их анализировать. К сожалению, ученый не был подготовлен к сколько-нибудь серьезному анализу духовной стороны творчества Некрасова, в его работе просматривается несложная схема эволюции Некрасова от ранней религиозности ко все большему сомнению в религиозных истинах и, впоследствии, к социальным мотивам: «...характеризуя юношеское мировоззрение Некрасова, мы вправе заключить, что оно эволюционизировало от меланхолической мечтательности мистика-христианина к страстному обличению желающего верить, но уже сомневающегося человека»⁷. Схема, предложенная В. Евгеньевым-Максимовым, была удобна для объяснения неожиданного перехода Некрасова от сугубо религиозных стихов к социальным, протестным. Казалось логичным увидеть следы этого перехода уже в самих «Мечтах и звуках». Однако схема оказалась ложной. Не будучи в силах

⁴ Мельник В. И.: О специфике христианского сознания Н. А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры. Тезисы конференции. Ярославль. 1999. С. 3–8; Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. Т. XIII. СПб.: Наука, 2001. С. 59–65; «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания в поэме // Некрасовский сборник. Т. XIII. СПб.: Наука, 2001. С. 126–134; Христианская святость и христианские подвижники в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» // Некрасовский сборник. Т. XIV. СПб.: Наука, 2008. С. 68–73 и др.

⁵ Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. М.: Изд-во «Дарь». 2007.

⁶ Максимов В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908. С. 28–125.

⁷ Максимов В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908. С. 65–66.

глубоко уяснить духовные вопросы, поднимаемые Некрасовым, исследователь не мог предположить, что автор сборника пережил совсем другую эволюцию: поэт нашел в себе силы перейти от сравнительно поверхностного прямого выражения религиозных мотивов и проблем к поэзии, в которой религиозность залегает в глубине, определяет глубинный пафос творчества и взгляд автора на жизнь и далеко не всегда прорывается в открытом виде. Хотя подобная мысль закрадывалась в голову исследователя и была бегло выражена: «Обращаемся к религиозным мотивам в “Мечтах и звуках”. Они, в свою очередь, нашли себе несомненное отражение в некрасовской поэзии позднейшего времени»⁸.

Для В. Евгеньева-Максимова не встал вопрос, почему Некрасов отправился брать «благословение» на издание книги к Жуковскому и почему, несмотря на его плохой отзыв, все-таки решился издать книгу. В «Мечтах и звуках» встречаются мотивы стихотворений Жуковского, который не мог не быть для Некрасова большим авторитетом. Тем не менее, Некрасов, как можно увидеть, в своем первом сборнике выбирает не ученическую интонацию, а во многих случаях, напротив, учительную, корректируя в духовных вопросах не только Жуковского, но и Е. А. Боратынского, да отчасти и А. С. Пушкина. В. Э. Вацуρο в свое время отметил, что ученичество Некрасова «почти никогда не носило характера прямого заимствования или подражания конкретному образцу. Даже в первом сборнике Некрасова — “Мечты и звуки” такие заимствования и подражания исключительно редки»⁹.

Его решение издавать сборник диктовалось не только материальными обстоятельствами, сложившимися вокруг издания, но и тем, что Некрасов, как представляется, мог рассчитывать на успех, поскольку он хорошо знал, что «Мечты и звуки» должны быть замечены из-за очевидной оригинальности, выделяющей сборник на фоне современной поэзии. Свидетельства положительной оценки этой оригинальности у Некрасова были: об отдельных стихотворениях,

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Вацуро В. Э. К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сб. Т. V. Л.: Наука, 1973. С. 276.

появившихся в печати еще до издания сборника, имелись хорошие отзывы в критике. Особенную прозорливость проявил религиозно настроенный критик Н. Ф. Менцов: «Не первоклассное, но весьма замечательное дарование нашли мы в г. Некрасове, молодом поэте, только в нынешнем году выступившем на литературную арену. С особенным удовольствием прочитали мы две пьесы его: Смерти (Сын От <ечества>. № 1) и Моя судьба (Лит <ературные> Приб <авления>. № 12); из них особенно хороша первая... Приятно надеяться, что г. Некрасов окажет дальнейшие успехи в поэзии, в дарах которой не отказала ему природа»¹⁰. В дальнейшем критик продолжал следить за творчеством Некрасова и поощрять его, не обращая внимания на уничижительный отзыв Белинского. Причем он дает положительные отзывы не только о стихах, но и о прозе поэта¹¹. Подобные отзывы, уже известные Некрасову, и внушали ему надежду на успех первого сборника.

О религиозном характере поэзии раннего Некрасова

Религиозные стихотворения в «Мечтах и звуках» многочисленны и обнаруживают неожиданную в шестнадцатилетнем юноше духовную опытность. В их основание положены каждый раз новые религиозные истины, догматы, которые автор пытается превратить в предмет поэзии, репродуцирует устоявшиеся религиозные формулы на жизненные ситуации, вносит элемент самостоятельного осмысления, по-своему богословствует, полемизирует с теми современными поэтами, которые, по его мнению, отошли от живой веры (Е. А. Боратынский), углубляет и корректирует тех, с которыми чувствует духовное родство (В. Ф. Бенедиктов, М. Воскресенский и др.).

¹⁰ Менцов Н. Ф. Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. Отд. VI. С. 79–80.

¹¹ «Укажем еще на необыкновенный комический талант г. Перепельского (псевдоним), обнаружившийся в рассказах его, которые были помещаемы в Литературной газете. Многие журналы наши отдали уже ему должную справедливость, и мы можем пожелать только, чтобы он, подобно г. Гоголю, первому из всех современных наших юмористов, прилагал более старания на обработку своих произведений» (Менцов Н. Ф. Изящная словесность // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. № 7. Т. XXXI. Отд. VI. С. 28).

Так, например, в основание стихотворения «Смерти» Некрасов положил известное высказывание «В чем застану, в том и сужу». В сущности, это художественная разработка аграфы, приписывающей указанные слова Иисусу Христу. Указанная аграфы восходит к сочинению раннехристианского мученика и апологета Иустина Философа (ок. 100–165 гг.) «Разговор с Трифоном иудеем». В основу стихотворения «Разговор» положено святоотеческое представление о постоянной «духовной брани» между стремлением телесного человека к гедонистическим ценностям и духовного человека к ценностям вечным. Несомненно, он читал послание апостола Павла к Галатам: «Я же говорю: поступайте по Духу и вы не будете совершать похоти плоти. Ибо плоть желает противного Духу, а Дух — противного плоти; они друг другу противятся...» (Гал. 5: 16 – 17).

Человек, устремленный к Небу, ведет «невидимую брань» со страстями, которые гнездятся как раз в его телесной оболочке. Собственно говоря, Некрасов должен был назвать свое стихотворение не «Разговор», а «Спор Души с Телом». Некрасов в поэтической форме пересказывает учение Святых Отцов о борьбе со страстями.

Тело всегда пытается соблазнить Душу:

По мне — на шумном пире света
 Нам много радости дано.
 Есть упоенье в сне мятежном,
 В похвальных отзывах толпы,
 В труде, в недуге неизбежном,
 В грозе и милости судьбы;
 Есть упоенье в вихре танца,
 В игре, обеде и вине,
 И в краске робкого румянца
 Любимой девы при луне.
 На темный жребий свой не сетуй,
 Со мной радушно помирись.
 На пир за мной охотно следуй,
 Моим весельем веселись.
 Вкушай земные наслажденья —
 И, верь, счастлива будешь ты
 Без этой выпренней мечты
 О неземном предназначеньи...

На это Душа отвечает:
Прочь, искуситель! не напрасно
Бессмертьем я освящена.
Одной враждой, враждой ужасной
Тебе до гроба я должна...

Таким образом, разговор Тела и Души развивается в рамках классического святоотеческого канона о «духовной брани».

Пафос стихотворения «Сомнение» состоит в опасении сомнения, способного разрушить в человеке искреннюю веру в Бога. Очевидно, Некрасов и сам мог проявлять подобные сомнения, но некоторые переключки со стихотворением Боратынского «Когда исчезнет омраченье...» (1834) показывают, как и стихотворение «Час молитвы», что Некрасов активно не принимает рефлекторный характер поэзии Боратынского, противопоставляя расслабленной рефлексии и сомнению искреннюю и твердую веру новоначального прихожанина православного храма. В стихотворении «Изгнанник» ясно прочитывается утверждение святоотеческого учения о земных страданиях как средстве спасения души:

Счастливицу прежде без границы,
Теперь отрадно мне страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастий пот с чела стирать.

Не станем перечислять всех попыток Некрасова передать в ранних, порою весьма далеких от совершенства, стихах главные нравственные установки и догматы христианской веры. В контексте сегодняшних господствующих представлений о революционной настроенности и чуть ли не атеизме Некрасова важнее выяснить истоки его веры и источники его религиозных представлений. Совершенно очевидно, что Некрасов с детства воспитывался в религиозной атмосфере.

Истоки веры Некрасова

Ф. М. Достоевский после кончины Некрасова вспоминал: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспо-

минал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившем его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю...»¹². Действительно, первый исток религиозности Некрасова — это его мать, женщина кроткая и высокого духовного настроения. Все поэтические высказывания Некрасова о матери показывают, что он боготворил ее и даже наделял святостью. Н. Н. Скотов подметил, что «в одном из последних уже почти предсмертных стихотворений “Баюшки-баю” само обращение к матери оказывается чуть ли не обращением к Матери Божьей»¹³. А в поэме «Мать» Некрасов говорит о ее «святых муках», то есть считает ее мученицей Христа ради, а далее называет ее «подвижницей»¹⁴. Вероятно, высокий религиозный настрой матери передался мальчику и соединился в его душе с желанием романтического жизненного подвига. Порывистое желание подвижничества (в котором милосердие к «меньшим братьям» было возведено в степень религиозной идеи) прошло через всю жизнь Некрасова.

Весьма важную роль играла в религиозном становлении поэта церковь, которую семья посещала по воскресным и праздничным дням. Недалеко от дома, на противоположном берегу Волги, находился Николо-Бабаевский монастырь, который неоднократно посещал Некрасов и который упомянут им в стихотворении «Горе старого Наума»: «Вблизи — Бабайский монастырь, село Большие Соли...». Родовое некрасовское Грешнево было селцом небольшим, поэтому своей церкви здесь не было. В стороне от дороги находилась церковь села Абакумцева. Туда и ходили Некрасовы по праздникам и числились прихожанами Благовещенской церкви, выстроенной в 1791 г.

¹² Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 томах. Ленинград: Наука, 1972 – 1988. Т. 26. С. 111–112.

¹³ Николай Скотов. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994. С. 26.

¹⁴ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Л.: Наука, 1981–2000. Т. 4. С. 252.

Известно, что в ближайших окрестностях Грешнева, на расстоянии 10–15 верст, находилось более 20 храмов¹⁵. Судя по тем духовным вопросам, которые поднимает Некрасов в сборнике «Мечты и звуки», он проникся церковной атмосферой, внимательно слушал церковные проповеди и обсуждал с матерью или духовником простые, но наиболее важные вопросы (духовная цель жизни, пути спасения души, борьба со страстями и пр.) христианской догматики.

Об эволюции религиозной поэзии Некрасова

Особенностью религиозных стихов, написанных Некрасовым в возрасте пятнадцати — семнадцати лет и размещенных в его первом поэтическом сборнике, является их «теоретический» характер, несколько прямолинейная дидактичность, отражающая процесс почти буквального переложения святоотеческих наставлений в стихи. У юного Некрасова еще нет ни жизненного опыта, ни собственного предмета художественного исследования. Нравственные установления, принятые в церковной среде, и христианские догматы прилагаются Некрасовым к собственной жизни страстно, с ощутимым желанием духовного подвижничества, хотя и вне описания жизненной конкретики.

Принято считать, что столь явно выраженная религиозность Некрасова быстро сменилась настроениями социального бунтарства и тяготения к революционно-демократическому лагерю русской литературы, что, якобы, не позволяет более говорить о Некрасове как о религиозно настроенном поэте. Недостаток социального смирения, призыв к душевной и духовной свободе великого сына своей многострадальной родины в глазах многих делает его едва ли не атеистом. Однако сострадательный пафос поэзии Некрасова («уведи меня в стан умирающих за великое дело любви») при видимом «бунтарстве» субъективно подпитывается живыми токами Евангелия. Зрелый Некрасов, уже нашедший свою стезю в поэзии, ставший печальником и сострадающим певцом своего народа, в своем представлении никогда не отступал от сугубо религиозного мировоззрения, глубинно

¹⁵ Паршина В. К употреблению слов «церковь», «храм» в поэтических текстах Н. А. Некрасова // III Некрасовские чтения (Тезисы выступлений). Ярославль, 1988. С. 81.

определяющего весь характер его лирического творчества. Усвоенная им с юности христианская догматика более не будет проявляться в открытом и дидактическом виде. Некрасов не растерял своих ранних духовных уроков, но от «теоретических» вопросов, решаемых (или, вернее, иллюстрируемых) им в «Мечтах и звуках», обратился к Евангелию, превратив свою поэзию в неустанное напоминание о Христе, о его любви, сострадании и милосердии. Со временем поэт стал уходить от «теории» христианского учения к живому чувству его переживания, от абстрактного выражения догматов к созданию портретов подвижников, тяготеющих к житийной реализации собственной жизни. Все, кто готов принести себя в жертву за народ, а тем самым и за родину, оваяны у Некрасова ореолом Евангелия. Так, например, Гриша Добросклонов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» о своем служении народу мыслит исключительно в евангельских категориях. Учась в семинарии, он «певал» о вахлячине «голосом молитвенным». В самой песне Гриши Добросклонова отражается евангельское мировидение, и прежде всего учение Христа о двух возможных путях жизни человеческой:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

.....
Одна просторная
Дорого — торная.
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

.....
Другая — тесная,
Дорога честная...

Это почти пересказ Евангелия от Матфея: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (гл. 7, ст. 13-14).

Если в «Мечтах и звуках» Некрасов осваивает в основном истины, выраженные у Святых Отцов Церкви, и осваивает их «теоретически», то в дальнейшем он прямо переходит к Евангелию, евангельской притче (например, о широких и узких вратах), к жанру жития. Это особенно хорошо видно в такой, например, поэме, как «Русские женщины», где декабристы изображаются как подвижники, пострадавшие ради Христа. Князь Волконский видится его жене не только в ореоле святости, но и — более того — в образе Самого Христа:

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Княгиня Волконская показана Некрасовым как молитвенница, исполнительница Божьей воли.

«Подумай!» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я Божию Матерь на помощь звала,
Совета просила у Бога.

Она уверена, что ее волю «Сам Господь подкреплял». Принимая твердое решение следовать за мужем на каторгу, она восклицает: «И верю я твердо: от Бога оно!».

В поэме «Дедушка», например, главный герой изображается Некрасовым как апостол нового времени:

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски просто,
Ровно всегда говорит...

.....
То-то улыбка святая....

Стихотворение “Памяти Добролюбова” (1864) содержит черты жития “преподобного” святого:

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья...

В стихотворении встречается и обычная для жития преподобного мысль о “памяти смертной” (“но более учил ты умирать”), и вообще характерная церковная лексика: “светильник” (“Светильник тела есть око” — Матф., II, 34), “светлый рай”, “перлы”, “венец”. Перед нами не революционер, а святой. Точно то же в стихотворении, посвященном памяти В. Г. Белинского:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

Заключение

Не будем множить примеры, поскольку в рамках статьи это невозможно. Подчеркнем, что мы не решаем вопрос о том, какой период творчества Некрасова более соответствует истине христианства: «евангельский» или «догматический». Если в «евангельский» период он возносил как святых тех, кто не только жертвовал собой, но и избирал насильственные методы изменения жизни, и считал это проявлением христианской любви, то он ошибался искренно. При этом стоит напомнить, что он никогда не призывал к насилию, но лишь не мог не отметить, что и в декабристах, и в революционных демократах, кроме бунтарства, есть столь ценное им принесение себя в жертву, т.е. духовное подвижничество. Кроме того, помимо пафоса милосердия и сострадания, поэзия Некрасова дышит пафосом самоуничтожения и покаяния. Порой его милосердие и сострадание становится воплем любви — и этот вопль Некрасова возможен только в Божьем храме — и нигде больше. В стихотворении «Тишина» (1857) он писал:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

Источники и литература

1. Вацуро В. Э. К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сб. Т. V. Л.: Наука, 1973.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 томах. Ленинград: Наука, 1972 – 1988. Т. 26.
3. Максимов В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908.
4. Мельник В. И. Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. Т. XIII. СПб.: Наука, 2001.

5. Мельник В. И. "Кому на Руси жить хорошо": проблема христианского сознания в поэме // Некрасовский сборник. Т. XIII. СПб.: Наука, 2001.
6. Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. М.: Изд-во «Дарь», 2007.
7. Мельник В. И. Христианская святость и христианские подвижники в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины» // Некрасовский сборник. Т. XIV. СПб.: Наука, 2008.
8. Менцов Н. Ф. Изящная словесность // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. № 7. Т. XXXI. Отд. VI.
9. Менцов Н. Ф. Обзорение русских газет и журналов за первые три месяца 1839 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. Отд. VI.
10. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. В 15-ти томах. Л.; СПб.: Наука, 1981 – 2000.
11. Паршина В. К употреблению слов «церковь», «храм» в поэтических текстах Н. А. Некрасова // III Некрасовские чтения (Тезисы выступлений). Ярославль, 1988.
12. Прозоров Ю. М. Классика. Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2013.
13. Николай Скотов. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994.

Алена Борисовна Шигурова¹,

Илья Дмитриевич Лазарев²

Религиозное осмысление преступления во благо в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Статья посвящена рассмотрению темы преступления как частного случая греха в романе Ф.М. Достоевского. Вопрос о существовании преступления как такового сопрягается с концепцией упразднения греха. Поднимаются вопросы греха во благо, преступления во благо и их христианской оценки. Благодаря анализу идейной близости преступления во благо в теории Раскольникова и греха во благо в Священной истории, удастся актуализировать смысл непосредственного библейского контекста ключевого для романа евангельского эпизода о воскрешении Лазаря и выдвинуть предположение о вероятном источнике самого вопроса о дозволенности преступления во благо.

Ключевые слова: Достоевский, грех во благо, преступление, воскрешение Лазаря, теория Раскольникова, христианство.

Введение. Постановка проблемы

В чем сущность преступления, что есть преступление — таков основополагающий вопрос теории Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Проблемы причин преступления, соразмерности и необходимости наказания глубоко волновали Достоевского. Данной теме посвящены многие записи «Дневника писателя», в которых Ф.М. Достоевский упоминает о существующих теориях объяснения преступлений, в том числе и тех, что утверждают «совсем, дескать, и нет преступления, ...преступление, видите ли, есть только болезнь, происходящая от ненормального состояния общества»³, а также нещадно критикует популярную сре-

¹ **Алена Борисовна Шигурова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры Церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета. E-mail: abshigurova@gmail.com.

² **Илья Дмитриевич Лазарев** – студент Пензенской духовной семинарии. E-mail: lazarev_ilya01@mail.ru.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. – СПб.: Тип. В. В. Оболенского, 1877. 336 с. – С. 61.

ди его современников теорию о скверной среде и несовершенстве общественного строя как первопричине преступлений: «Кто виноват? Среда виновата. Итак, есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе»⁴.

Сама постановка вопроса об идее преступления в творчестве писателя не является принципиально новой. Этой теме посвящено достаточное количество научных исследований философского и литературоведческого характера. Так, Д.С. Мережковский⁵ полагал, что исследование Ф.М. Достоевским преступления есть специфическая форма самопознания, А.З. Штейнберг⁶ определял преступление у Ф.М. Достоевского как «право на несчастье», а Н.О. Лосский⁷ сравнивал изображение Ф.М. Достоевским преступления с изображением зла христианскими подвижниками. А. Бем⁸ разводит понятия греха и преступления, указывая, что Ф.М. Достоевский часто прибегает к изображению чувства греховности «вне наличия конкретного преступления». Существует и социологическое истолкование преступления в художественном мире Ф.М. Достоевского как «акта выражения мелкобуржуазной личности, борющейся за свое индивидуальное существование против непонятных общественных сил»⁹. Современный исследователь данной темы В.А. Бачинин¹⁰ называет преступление предельной формой греха в художественном мире Ф.М. Достоевского.

Несмотря на достаточно серьезную разработанность в науке темы преступления у Ф.М. Достоевского, исследование проблематики творчества писателя на современном этапе, в эпоху переосмысления классического наследия, остается по-прежнему актуальным,

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 год. – СПб. : Тип. А. Траншеля, 1873. – С. 50.

⁵ Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. В 24 т. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 9. – 152 с.

⁶ Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского. – Берлин: Скифы, 1923. – С. 125

⁷ Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – С. 229.

⁸ Бем А. Проблема вины в художественном творчестве Достоевского // Сборник памяти д-ра Н. Е. Осипова «Жизнь и смерть». Т. II – Прага, 1936.

⁹ Покровский Г. А. Мученик богоискательства (Ф. Достоевский и религия). – М.: Атеист, 1929. – 102 с.

¹⁰ Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна) – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.

предоставляя возможности для нового прочтения его различных аспектов.

Целью данного исследования стал анализ специфики религиозного осмысления преступления, совершенного во благо кого- или чего-либо, который ставит Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание». Существует ли, по Ф.М. Достоевскому, преступление, если оно совершается во благо людей — данный аспект определяет и новизну исследования, которая достигается в том числе ранее не осуществлявшимся анализом идейной близости преступления во благо в теории Раскольникова и греха во благо в Священной истории, а также актуализацией смысла неисследованного ранее непосредственного библейского контекста ключевого для романа евангельского эпизода о воскрешении Лазаря.

Религиозное осмысление понятий греха и преступления

Совершить преступление (греч. *parabasis, parabates* — переступить границу) означает сознательно переступить закон, гражданский или духовный (именно последнее обстоятельство и становится причиной мучений главного героя романа «Преступление и наказание»). Учитывая многочисленные библейские аллюзии Ф.М. Достоевского в этом произведении, стоит говорить, в первую очередь, о преступлении, об убийстве, как о частном случае греха, как о нарушении закона Божия. Схожая мысль прослеживается в современной научной литературе, например, Бастрыкин А.И. пишет: «Благодаря православию институт преступления приобретает религиозный оттенок и понятия «преступление» и «грех» становятся близкозначимыми, хотя последнее, безусловно, значительно шире»¹¹.

Что же есть грех? Святитель Феофан Затворник дает ему следующее определение: «Грешное дело есть преступление повелевающей или запрещающей заповеди Божией или, как говорит апостол, «грех есть беззаконие» (1Ин. 3:4). Две особенно черты тотчас отражаются в грехе от слов: преступление и заповедь. Там он есть злоупотребление свободы, здесь — презрение закона. ... Грех есть преступление, или

¹¹ Бастрыкин А.И. И.М. Рагимов. Религия и наказание // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – №1. – 2021. – С. 171.

нарушение закона. Но закон сам в себе остается неизменным. Он разоряется только и нарушается в лице грешащего»¹². Само по себе преступление, как и грех в целом, является противоестественным человеку и несвойственным его природе. Таким образом, вопрос существования преступления, сформулированный Раскольниковым, можно интерпретировать шире как вопрос существования греха в целом.

Учение о законе Божьем, о договоре Творца и человека, христианин может черпать из Священного Писания: Ветхого и Нового Заветов. В Ветхом Завете грешников называют врагами Бога, которым благословения обращаются в проклятье. Например: первые люди Адам и Ева, согрешив, были изгнаны из Эдемского сада, и некогда благословение Бога: «Плодитесь и размножайтесь» переменилось в проклятье: «В болезни будешь рождать детей» (Быт. 3:16). На примере тех же прародителей можно увидеть, что до грехопадения люди с радостью ожидали встреч с Богом, после они не хотели больше Его видеть и даже стали прятаться от Него (Быт 3:8-10).

В Новом Завете Бог раскрывает Себя как абсолютную Любовь, даже воплощение Христа было совершено не для того, чтобы наказать преступников, но чтобы призвать их на покаяние (Мк. 2:17). Известно, что Христос не испытывает ненависти к грешникам, но в то же время Спаситель гневается на них. Например, изгоняя меновщиков и продающих в храме, Иисус Христос испытывает праведный гнев, который не считается грехом (Мф. 21:12,13). Апостол Павел в послании к ефесянам пишет: «Гневаясь, не согрешайте, солнце да не зайдет в гневе вашем» (Еф. 4:26).

Преступление во благо в теории Раскольникова и грех во благо в Священной истории

Вопрос об «обыкновенных» и «необыкновенных» людях, имеющих право на преступление, не новый, Ф.М. Достоевский лишь заново осмысляет эту проблему. Произведения европейских авторов: Макса Штирнера («Единственный и его собственность»), Теодора Моммзена

¹² Феофан (Говоров), Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. – М.: Правило веры, 2010. – С. 196–197.

(«Римская история»), Наполеона III («История Юлия Цезаря»), содержат теорию о вседозволенности «необыкновенных» людей.

Тему упразднения греха можно обнаружить и в русской литературе: например, Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» создает «катехизис» социалистов, согласно которому греха, если он совершен во благо общества, не существует. Ф.М. Достоевский и ранее полемизировал с Н.Г. Чернышевским по данному вопросу, поэтому можно предположить, что «Преступление и наказание» содержит в себе ответ роману «Что делать?», свидетельствуя об объективном характере греха и преступления в частности.

Главный герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» составил свою теорию, в которой разделил людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Первый тип людей — «твари дрожащие», которые созданы лишь для продолжения потомства, а вторые — это особые люди, к которым Раскольников причисляет Наполеона и многих других, в том числе, самого себя. По его версии, обыкновенные люди не могут совершать преступления, а необыкновенные, ради достижения благих целей, имеют право даже пролить кровь. Студент Раскольников, для того чтобы проверить свою теорию, решается на убийство старушки-процентщицы, которая, по его мнению, является олицетворением зла в мире. «Не загладится ли одно крошечное преступленье тысячи добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен»¹³.

В таком контексте следует привести рассуждения первосвященников, которые искали Иисуса Христа, чтобы предать Его смерти: «...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11:50). Осознавая, что Христос не заслуживает смерти, они решают убить Его, пойти на грех ради блага — спасения всего народа.

Примечательно, что эта цитата, описывающая образ мыслей первосвященников, в XI главе Евангелия от Иоанна следует сразу же после евангельского повествования о чуде воскрешения Христом

¹³ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука, 1989. Т. 5. — С. 65.

Лазаря. Вспомним известную в литературоведении параллель между Раскольниковым и Лазарем, а также то, что Соня Мармеладова читает главному герою именно евангельский эпизод о воскрешении Лазаря. Выдвинем предположение, что данный евангельский текст о грехе первосвященников мог послужить своеобразным импульсом к постановке самого вопроса о дозволенности греха во благо в романе Ф.Достоевского.

Если обратиться к Священному Писанию Ветхого Завета, то можно заметить, что среди богоизбранного еврейского народа были люди, которые совершали «грех во благо», а впоследствии Церковь причислила их к лику святых и считает праотцами, восхваляя их праведность, несмотря на совершенные ими преступления. Для примера можно привести сюжет, описанный в книге «Бытие», где Ревекка и Иаков покупают у старшего брата Исава первородство за чечевичную похлебку. Евангелие не оправдывает грех Иакова, всего лишь показывает, что человек спасается не только своими добрыми делами, но и благодатью Божией и покаянием, к которому Иаков приходит позже, будучи сам обманут Лаваном в истории с Лией и Рахилью (Быт. 27). Из Ветхого Завета также известно и об убийствах, которые совершались в согласии с иудейским законом, законом кровной мести. Но такой закон дал им Моисей по их жестокосердию, как ограничение для жестоких людей.

Заключение

Таким образом, путем сопоставления понятий греха и преступления, а также следуя уже имеющейся в достоевсковедении традиции религиозного понимания преступления, можно прийти к заключению о том, что мысли Ф.М. Достоевского относительно преступления во благо, изложенные им в романе «Преступление и наказание», близки к библейскому осмыслению. Вопрос существования преступления, сформулированный Раскольниковым в его теории, можно интерпретировать шире как вопрос существования греха в целом. Ф.М. Достоевскому удастся показать, что преступление и грех существуют независимо от того, совершены ли они ради благой цели, а также что нарушать заповеданное Спасителем не имеет право ни один человек, вне зависимости от его «необыкновенности».

Благодаря анализу идейной близости преступления во благо в теории Раскольникова и греха во благо в Священной истории, удастся актуализировать смысл непосредственного библейского контекста ключевого для романа евангельского эпизода о воскрешении Лазаря и выдвинуть предположение о вероятном источнике самого вопроса о дозволенности преступления во благо: в Евангелии Распятие Христа, Его убийство, было спланировано первосвященниками именно как грех во благо — ради спасения всего народа. Несмотря на то, что сам отрывок о Лазаре общепризнанно является ключевым текстом для романа Ф.М.Достоевского, именно в его продолжении звучит мысль о возможности греха во благо.

Источники и литература

1. *Бастрыкин А.И. И.М. Рагимов. Религия и наказание // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* – №1. – 2021. – С. 171.
2. *Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна).* – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.
3. *Бем А. Проблема вины в художественном творчестве Достоевского // Сборник памяти д-ра Н. Е. Осипова «Жизнь и смерть». Т. II.* – Прага, 1936.
4. *Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 год.* – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1873.
5. *Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г.* – СПб.: Тип. В. В. Оболенского, 1877. – 336 с.
6. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах.* – Л.: Наука, 1989. Т. 5. – 520 с.
7. *Илариона (Фунтова), мон. «Преступление» и «грех»: соотношение понятий // Духовно-нравственное воспитание.* 2015. №1. – С. 19-25.
8. *Касаткина Т.А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы.* – 2003 – №1. – С. 176-208.
9. *Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание.* – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 406 с.
10. *Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. В 24 т.* – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 9. – 152 с.
11. *Покровский Г. А. Мученик богоискательства (Ф. Достоевский и религия).* – М.: Атеист, 1929. – 102 с.
12. *Феофан (Говоров), Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения.* – М.: Правило веры, 2010. – 686 с.
13. *Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского.* – Берлин: Скифы, 1923. – 144 с.

Алена Борисовна Шигурова¹,

Елисей Андреевич Спиридонов²

Осмысление петровских преобразований Ф.М. Достоевским

Статья посвящена раскрытию взглядов Ф.М.Достоевского на проблему петровских преобразований как источника российского либерализма, противного, по мнению писателя, христианскому учению. Либерализм понимается Ф.М.Достоевским как основа революционного «бесовства», что видно не только из теоретических трудов писателя, но и из того, как представлена петровская тема в его романах «Бесы» и «Преступление и наказание».

Ключевые слова: *достоевскоеведение, либерализм, петровская тема, петербургские повести, Петр Великий.*

Введение. Постановка проблемы

Оценка петровских преобразований, основанных на идее насильственного прогресса, до настоящего времени остается вопросом неоднозначным, предполагающим диаметрально противоположные точки зрения. Данный факт определяет актуальность исследования мнений выдающихся мыслителей, в числе которых писатель, философ, публицист, классик мировой литературы Федор Михайлович Достоевский.

Целью данной статьи является раскрытие взглядов Ф.М.Достоевского на проблему петровских преобразований путем анализа данного вопроса в отдельных теоретических трудах и художественных произведениях писателя.

Следует отметить, что данная тема в литературоведении разработана фрагментарно. Отношение Достоевского к петровским преобразованиям и личности Петра I традиционно рассматривалось внутри историософских проблем публицистики писателя и его идейного

¹ **Алена Борисовна Шигурова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры Церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета. E-mail: abshigurova@gmail.com

² **Елисей Андреевич Спиридонов** – студент Пензенской духовной семинарии. E-mail: Spiridonovelisei2001@icloud.com

противостояния с либералами (Лесевицкий А.В.³, Баталова Т.П.⁴) или в рамках анализа «петербургского» текста русской литературы (Дилакторская О.Г.⁵) и никогда не становилось темой самостоятельного исследования. Данным фактом определяется новизна представленного материала, систематизирующего взгляды Ф.Достоевского на личность Петра I и его вклад в развитие истории и культуры русского народа, содержащиеся как в теоретико-публицистическом, так и в художественном творчестве классика мировой литературы. В процессе анализа художественного творчества используются малоизвестные факты, в частности, недавно опубликованная рукопись романа «Преступление и наказание» с изображением Петра I, сделанная самим Ф.М. Достоевским, а также некоторые замечания сербского литературоведа и слависта М. Йовановича по петровской теме в романе Ф.Достоевского «Бесы».

Осмысление петровских преобразований в теоретико-публицистическом наследии Ф.Достоевского

Известно, что Ф.М. Достоевский родился спустя век после правления императора Петра I, но великий русский писатель не мог оставить без внимания те реформы XVIII века, которые, согласно высказыванию В.О.Ключевского, стали «центральным пунктом нашей истории»⁶ и практически полностью изменили культурные ценности России.

В своих сочинениях Ф.М. Достоевский не раз упоминает о политике и реформах Петра Великого. Из биографии классика видно, что его жизнь заметно разделяется на «до» и «после» каторги. В свои

³ Лесевицкий А.В. Реформы Петра Великого в восприятии Ф.М. Достоевского и идеологов евразийства // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 9. – URL: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (дата обращения: 04.10.2021).

⁴ Баталова Т.П. Историософские проблемы в публицистике Ф.М. Достоевского 1860-1865 годов // Вестник КГУ. 2012. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofskie-problemy-v-publitsistike-f-m-dostoevskogo-1860-1865-godov> (дата обращения: 04.01.2021).

⁵ Дилакторская О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский) : дис. доктора филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2000. – 691 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/peterburgskaya-povest-v-russkoi-literature-xix-veka-pushkin-gogol-dostoevskii> (дата обращения: 04.10.2021).

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 68. – URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch68.htm> (дата обращения: 19.11.2021).

юные годы Ф.М. Достоевский, как и многие в то время молодые люди, восхищался идеологией императора Петра, а именно уничтожением национализма: «во имя всеобщего братства людей»⁷. Ф.М. Достоевский принадлежал к кружку петрашевцев, симпатизировавших преобразованиям Петра I. В 28 лет Ф.М. Достоевский попадает на каторгу в Сибирь, где проводит над собой серьезную внутреннюю работу. Отправившись в ссылку бунтарем и вольнодумцем, писатель вернулся из нее настоящим христианином. Он многое переосмыслил в своем мировоззрении и, по его словам, «излечился от этой либеральной болезни»⁸. Свои прежние суждения, классик стал называть глупостью и ошибками молодости.

Пройдя через определенные жизненные испытания, Ф.М. Достоевский осознал опасность либерализма для русского народа. Известно, что Ф.М. Достоевский пытался найти причину любви к западной болезни — либерализму: «Мы учились и приучали себя любить французов и немцев и всех, как будто те были нашими братьями, и, несмотря на то, что те никогда не любили нас, да и решили нас не любить никогда. Но в этом состояла наша реформа, все Петрово дело», — такое обоснование политики Петра I дал сам Ф.М. Достоевский в знаменитом «Дневнике писателя»⁹.

Для того чтобы более подробно разобраться в отношении Ф.М. Достоевского к Петру I можно обратиться к его статье «Два лагеря теоретиков»¹⁰, где он достаточно подробно рассматривает суть и последствия петровских реформ. Главной проблемой преобразований Петра Великого писатель считает раскол русского общества, поскольку не все люди были согласны с его реформами. По мнению Ф.М. Достоевского, император своей политикой заложил «заряд страшной и разрушительной силы». Эта сила, действительно, покажет себя в октябрьской революции 1917 года. В результате европеизации

⁷ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков. // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1980. Т. 20. – С. 15.

⁸ Там же.

⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Июнь. Глава вторая. IV. Утопическое понимание истории // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. – СПб.: Наука, 1994. Т. 13. – С. 206–211.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1980. Т. 20. – С. 15.

население перестало ценить родную русскую культуру и стало больше ориентироваться на Запад.

В данном сочинении Федор Михайлович Достоевский поднимает серьезный вопрос, можно ли императора Петра I назвать человеком народным? По мнению писателя: «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться; дать более простору жизни — но только до сих пор он и был народен... Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна». В то же время Достоевский утверждает, что император настолько народен, насколько он выражал своими делами стремление обновить народ, и таким образом Петр становится антинароден. Данный тезис классик доказывает в нескольких пунктах:

1. Петр I изменил народному духу потому, что сделал реформацию лишь своей прихотью, но не делом всего народа;
2. Деспотизм вовсе не в духе русского народа, ведь русские люди миролюбивы и кротки, но император Петр I уничтожил всех своих оппонентов, которые были не согласны с ним и с его реформами;
3. «Русский народ не любит гоняться за внешностью: он больше всего ценит дух, мысль, суть дела. ... Народ и отрекся от своих доброжелателей-реформаторов, не потому, конечно, чтобы любил бороду, гонялся за одеждой, а потому, что такой преобразовательный прием был далеко не в его духе»¹¹.

Осмысление петровских преобразований в художественных произведениях Ф. Достоевского

Присутствует петровская тема и в художественном творчестве Ф.М. Достоевского. Именно Ф.М. Достоевский, наряду с А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем, внес вклад в развитие жанра петербургской повести, которая характеризуется специфической исторической перспективой, обращением к наследию петровской цивилизации. По утверждению известного достоевсковеда О.Г. Дилакторской, «петербургская повесть как художественное явление, как своеобразный феномен появилась в момент осмысления всего пути, пройденного Россией под влияни-

¹¹ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1980. Т. 20. – С. 15.

ем петровских реформ»¹². Среди петербургских повестей Ф.М. Достоевского: «Двойник», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Записки из подполья», «Крокодил». В них диалог русской и европейской культуры решается прежде всего как диалог русской и европейской философии, Ф.М. Достоевский привлекает и сталкивает идеи французских социалистов-утопистов, русских западников и славянофилов.

Как и в петербургских повестях, в Санкт-Петербурге, то есть городе Петра, совершается действие и других произведений Ф.М. Достоевского, в частности «Белых ночей», «Преступления и наказания». Столица описана городом серых, узких улиц и грязных, мрачных дворов. В таком угнетающем городе живут герои романов, бедняки, пьяницы, попрошайки, женщины легкого поведения.

В романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского Петр I не упоминается, однако на размышления о нем наталкивает тот малоизвестный факт, что на листах недавно опубликованной рукописи романа сам писатель в процессе работы изобразил портрет императора¹³. Тогда, обращаясь к теории Раскольникова, можно выдвинуть предположение, что в разряд «ликургов» и «наполеонов» автор относит и Петра Великого, как «право имеющего», готового преступить сложившиеся традиции и законы ради общественного блага.

О петровской теме в другом романе Ф.М. Достоевского «Бесы» существуют интересные замечания известного сербского литературоведа и слависта Миливое Йовановича. М. Йованович пишет: «Последние «тайны» «Бесов» разгадываются лишь только на уровне «исторических» параллелей. Роман Достоевского представляется в данном отношении пародией на эпоху Петра Великого и его продолжателей»¹⁴. В защиту своей гипотезы литературовед приводит следующие аргументы. Во-первых, в черновых набросках романа один из «бесов» прямо заявляет: «Мы же народ вакантный. Петр Великий нас упразднил от дел, и потому мы прямо за великую светлую мысль разруше-

¹² Дилакторская О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский) : дис. доктора филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2000. – 691 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/peterburgskaya-povest-v-russkoi-literature-xix-veka-pushkin-gogol-dostoevskii> (дата обращения: 04.10.2021).

¹³ Ф. М. Достоевский (1821–1881) (Мир Достоевского) // Президентская библиотека : электронный портал. – URL: https://www.prlib.ru/collection_Dostoevsky (дата обращения: 04.10.2021).

¹⁴ Йованович М. Техника романа тайн в «Бесах». – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/05/003.shtml> (дата обращения: 19.11.2021).

ния. Мы последствие Петра Великого». Во-вторых, в одной из своих статей («Щекотливый вопрос») Ф.М. Достоевский прямо называет нигилистов «крошечными Петрами Великими». Отсюда, по заключению литературоведа, и стоит исходить при трактовке имени Петра Верховенского (а не связывать его с апостолом Петром). Действительно, герой романа подобен императору Петру в своем обращении к западным идеалам, отвергает традиции русского народа и искажает идеалы отцовского поколения.

Заключение

Таким образом, благодаря анализу отдельных теоретических трудов и художественных произведений Ф.М. Достоевского, а также привлечению литературоведческого материала, можно сделать вывод о негативном отношении писателя к реформам Петра I.

Петровские преобразования рассматриваются Ф.М. Достоевским в качестве источника российского либерализма, противного, по мнению писателя, христианскому учению. Либерализм понимается Ф.М. Достоевским как основа революционного «бесовства», что видно не только из теоретических трудов писателя, но и из того, как представлена петровская тема в его романах «Бесы» и «Преступление и наказание».

Ф.М. Достоевский ставил в вину Петру I раскол русского общества и уничтожение национальной культуры, а также считал его политику антинародной, заложившей основы «раскольниковства», революционного разгула и направленной на уничтожение духовного наследия русской нации.

Источники и литература

1. Баталова Т.П. Историософские проблемы в публицистике Ф.М. Достоевского 1860-1865 годов // Вестник КГУ. 2012. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofskie-problemy-v-publitsistike-f-m-dostoevskogo-1860-1865-godov> (дата обращения: 04.01.2021).
2. Дилакторская О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский) : дис. доктора филол. наук : 10.01.01. – Москва, 2000. – 691 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/peterburgskaya-povest-v-russkoi-literature-xix-veka-pushkin-gogol-dostoevskii> (дата обращения: 04.10.2021).

3. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876. Июнь. Глава вторая. IV. Утопическое понимание истории // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. – СПб.: Наука, 1994. Т. 13. – С. 206–211.
4. *Достоевский Ф.М.* Два лагеря теоретиков. // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1980. Т. 20. – С. 15.
5. Достоевский о конфликте русской традиции и реформ Петра I. – URL: <http://russiahistory.ru/dostoevskij-o-petre-i/> (дата обращения 12.11.2021).
6. *Йованович М.* Техника романа тайн в «Бесах». – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/05/003.shtml> (дата обращения: 19.11.2021).
7. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция 68. – URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch68.htm> (дата обращения: 19.11.2021).
8. *Лесевицкий А.В.* Реформы Петра Великого в восприятии Ф.М. Достоевского и идеологов евразийства // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 9. – URL: <https://human.snauka.ru/2013/09/3635> (дата обращения: 04.10.2021).
9. *Ф. М. Достоевский (1821–1881) (Мир Достоевского)* // Президентская библиотека: электронный портал. – URL: https://www.prilib.ru/collection_Dostoevsky (дата обращения: 04.10.2021).

Екатерина Андреевна Вишнякова¹

Религиозные идеи и сюжеты в рассказах А.П. Чехова

Духовно-нравственный потенциал русской классической литературы XIX века является предметом углубленного изучения. Ответы на вечные вопросы русских писателей волнуют современных читателей, побуждая к вдумчивому изучению их наследия. В ряду классических авторов, которые бережно относились к нравственным истокам литературы, разрабатывая светские темы, особое место занимает творчество А.П. Чехова. В статье рассматриваются религиозные идеи и сюжеты в его рассказах, исследуется взгляд писателя на религиозную проблематику.

Ключевые слова. *А.П. Чехов, религиозные сюжеты, классическая литература, пасхальный рассказ, рождественский рассказ, православие, хронотоп.*

Введение

Духовно-нравственный потенциал русской классической литературы XIX века является предметом углубленного изучения. Ответы на вечные вопросы русских писателей волнуют и современных читателей, побуждая к вдумчивому изучению их наследия. В ряду классических авторов, которые бережно относились к нравственным истокам литературы, разрабатывая светские темы, особое место занимает А.П. Чехов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в рассказах А.П. Чехова религиозные идеи и сюжеты присутствуют не только на уровне художественной образности, закрепившей важнейшие философско-этические принципы, но и во внутренней структуре произведения.

Проблема религиозных идей и сюжетов в творчестве А.П. Чехова получила освещение в мемуарной литературе и в целом ряде научных исследований таких авторов, как М.М. Степанов, О. А Сергеева, М.А. Протопопов, Л. Шестов, Б.И. Сыромятников, И. Гурвич, А.С. Собенников, В.Б. Катаев, В.Я. Линков, В.И. Камянов, М.М. Дунаев. Это обу-

¹ **Вишнякова Екатерина Андреевна** – кандидат филологических наук; сотрудник АО «СС «Гонец». Адрес для корреспонденции: ekaterinav91@mail.ru.

словлено, с одной стороны, наличием противоположных точек зрения на религиозность А.П. Чехова, с другой стороны, возрастающим интересом к исследованию его творчества через обращение к христианской традиции.

Так, М.М. Дунаев анализирует творческий метод писателя, заключая, что его подлинный гуманизм приводит к религиозному осмыслению бытия. И. Гурвич изучал прозу писателя и подчеркивал, что для А.П. Чехова важны «первичные ценности», которые отражены в евангельском тексте. О.И. Родионова исследует записные книжки писателя на предмет религиозности. Г. П. Бердников не склонен рассматривать творчество писателя с религиозной точки зрения, а В.Я. Линков, напротив, отмечает, что проблема человеческого достоинства в творчестве А.А. Чехова рассматривается в христианском смысле. В. Н. Захаров исследует евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв., уделяя особое внимание мотивам и сюжетам в творчестве писателя, в том числе его пасхальным рассказам. А.С. Собенников всесторонне исследует творчество А.П. Чехова, обозначая важную роль ектlesiастических мотивов, особенностей художественной аксиологии, библейской образности и христианских архетипов в формировании творческого мира писателя. Таким образом, рассматриваемая проблема требует пристального изучения.

Целью исследования является исследование рассказов писателя через призму религиозного миропонимания.

Цель определяет задачи исследования: а) изучить творческий метод писателя на примере рассказов А.П. Чехова; б) выявить особенности религиозных идей и сюжетов в рассказах А.П. Чехова; в) исследовать нравственную художественную природу трактовки евангельских сюжетов и образов в его рассказах.

Цель и конкретные задачи обусловили выбор методов исследования: при общем конкретно-текстуальном анализе произведений были применены теоретический, культурно-исторический, сравнительный и литературно-критический методы.

Результаты исследования

Обозначая проблему религиозных идей и сюжетов в творчестве А.П. Чехова необходимо подробно рассмотреть два ключевых аспекта.

Во-первых, нравственная и художественная природа чеховской трактовки евангельских сюжетов и образов является способом эпического воплощения глубокого философского смысла произведений. Интерес А.П. Чехова к религиозным сюжетам был продиктован в первую очередь художественной практикой писателя. Поэтика зрелого писателя восходит к Библии через прямое обращение к сюжетам, образам, наконец, к эпическому библейскому тону, интонации.

Данный аспект раскрывается в таких рассказах, как «Святой ночью», «Убийство», «Степь», «Дуэль», «Студент», «Скрипка Ротшильда», «Архиерей», то есть в календарных рассказах, приуроченных к праздникам Пасхе, Рождеству, также в них описываются Святки. Это отдельный жанр, который появился в «малой прессе» с 1870-ых годов и исследуется в сборниках: «Христианство и русская литература»², «Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков»³, «Русская литература XIX в. и христианство»⁴.

Религиозные сюжеты с их глубочайшим нравственным содержанием, эпической масштабностью и исповедальным лиризмом в произведениях А.П. Чехова получили творческое развитие и подготовили почву для художественных открытий в прозе и поэзии уже новой эпохи.

Второй аспект изучения связан с проблемой веры А.П. Чехова, его отношением к христианской вере. Письма и художественное творчество писателя предоставляют достаточно большой и сложный материал, не позволяющий дать однозначного ответа на обозначенный вопрос. Сложность позиции А.П. Чехова состоит в том, что материалистическое мировоззрение писателя, защита им философских основ материализма от разного рода идеалистических концепций сочетаются с уважением к вере человека как важнейшему условию его нравственной самостоятельности.

Если в ранних письмах и художественных произведениях строки из Библии введены в юмористический контекст, то в письмах и произведениях 1900-х годов такие обращения малочисленны, они при-

² Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН; отв. ред. В. А. Котельников. СПб.: Наука, 1994. Сб. 1. 397 с.

³ Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет / Захаров В. Н. (отв. ред.) и др. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 8. 460 с.

⁴ Русская литература XIX века и христианство. М.: Изд-во МГУ, 1997. 292 с.

обредают глубокий философский смысл. В декабре 1901 года Чехов пишет: «Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своей совестью» (письмо Миролюбову).

Особого внимания заслуживают факт обращения Чехова к жанру пасхального рассказа в 1880-е годы, когда «малая пресса» ориентируется на православный календарь. Для пасхального рассказа обязательны два признака: «приуроченность времени действия к Пасхальному циклу праздников» и «душеспасительное» содержание. Пасхальный рассказ призван напомнить читателю евангельские истины. Его сюжеты — «духовное проникновение», «нравственное перерождение человека», прощение во имя спасения души, «воскрешение «мертвых душ», «восстановление человека»⁵.

Жанр пасхального рассказа органичен для А.П. Чехова именно тем, что позволит видеть в настоящем прошлое, придавая настоящему некий всеобъемлющий смысл. А. С. Собенников отмечает, «не вдаваясь в научно-философскую дискуссию о происхождении мира и человека, Чехов воспроизвел формы религиозного сознания как объективно существующие и ценностно-значимые. Евангельские истины, о которых должен напомнить читателям пасхальный рассказ, рассматриваются автором как феномены человеческой культуры, то, что человечество выработало в ходе поступательного развития, нравственно-духовного совершенствования. И христианство, и церковь, и служители культа — все это бытие»⁶. В рассказах А.П. Чехова находит отражение полнота бытия. Концентрация духовных и физических сил их героев зачастую приходится как раз на встречу, в большинстве случаев встречу человека с Богом, ведь часто она происходит в канун праздника Пасхи, Светлого Воскресения Христова.

Поскольку пасхальный хронотоп объединяет в себе время и отсутствие времени (вечность), то выбор героя может и должен быть рассмотрен на двух аксиологических уровнях — горизонтальном (человеческих взаимоотношений) и вертикальном (отношений человека со своей совестью, в конечном счете — с Богом).

⁵ Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 253.

⁶ Собенников А. С. «Между «есть Бог» и «нет Бога»...» // О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова, Иркутск, 1997. С. 92.

Так, герою небольшого рассказа «Казак», Максиму Торчакову, в Христово воскресенье дан этот дар — встретиться с человеком в степи после праздничной службы, на которой говорилось о любви Бога к человеку и о радости всех людей в день Пасхи. Казак — это обязательно православный человек, единовец, он же оказывается и ближним, попавшим в беду. Только что Максиму, «о чем бы он ни подумал, все представлялось светлым, радостным и счастливым»⁷, но на просьбу больного казака разговеться паской, герой отвечает отказом. И дело не в том, что он не отдал просящему часть освященного хлеба, он отказался разделить радость Воскресения, Пасхальную радость с ближним. На обратном пути жена Максима «все еще говорила, что резать кулич, не доехав до дому, — грех и не порядок, что все должно иметь свое место и время»⁸, только усугубляя муки совести.

Соглашаясь с ней поначалу (горизонтальный уровень ценностей), герой все же не может прийти к согласию со своей совестью (вертикальный уровень ценностей), потому что она правдиво говорит ему о том, что он совершил грех, когда не поделился паской с казаком в степи.

А.П. Чехов протягивает нити от кульминации к завязке: от встречи — к упадку в хозяйстве и в душе героя. Эта же встреча могла умножить радость Максима и его молодой жены, ведь возможность помочь человеку — это возможность возрождения, счастья. Но встречи в подлинном смысле не произошло, поэтому герой наказывается внутренней опустошенностью.

Рассказ А.П. Чехова 1886 года «Святой ночью» тоже о встрече в день Воскресения Христова. Герой-рассказчик — светский человек, он не религиозен, но стремится попасть на праздничную службу. В дороге ему приходится разговориться с монахом-послушником — Иеронимом. Рассказчик — в некотором роде загадка, потому что мы не знаем, кто он, откуда он и куда держит свой путь. Но известно нечто более важное — он, несомненно, тонко чувствующий человек, который способен видеть красоту и в мире, и, как мы узнаем впоследствии, в людях. «Было темно, но я все-таки видел и деревья, и во-

⁷ Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30-ти томах. Сочинения. М.: Наука. 1973–1984. Т. VI, С. 164.

⁸ Там же. С. 166.

ду, и людей... Мир освещался звездами, которые всплошную усыпали всё небо...»⁹.

На первый взгляд, встреча с Иеронимом, который скорбит в этот день о новопреставленном иеродьяконе Николае, вдохновенно рассказывает о сложности составления акафиста и умиленно вспоминает о торжественной, но близкой сердцу праздничной службе, никакого действия не производит в душе героя, это не так. В церкви ему, «было невыносимо больно за Иеронима. На всех {лицах} было живое выражение торжества; но ни один человек не вслушивался и не вникал в то, что пелось, и ни у кого не «захватывало духа»¹⁰. Несколько раз повторяется вопрос: «почему не сменяют Иеронима?», что свидетельствует о пробуждении внутреннего чувства. Герой в определенной мере страдает, потому что не может разделить радость от красоты песнопений с тем, кто почувствовал ее и достоин присутствовать, по мысли героя, на Пасхальной литургии.

Рассказ «На пути» принадлежит к рождественским рассказам А.П. Чехова¹¹. Важнейшим композиционным приемом здесь тоже является встреча. Так как по народным поверьям нечистая сила получает особую власть в Рождественский и Крещенский Сочельник, то это делает возможным чудеса, превращения, «перевертыши»: крупные и резкие черты русского лица в рассказе воспринимаются как мягкие и добродушные, узел превратился в маленькую, худенькую брюнетку и т.п.

Отметим, что Чехов отказался от чудесного и сверхъестественного в календарных рассказах, но это совсем не означало отказа от литературной игры, пародии на жанр и одновременно обращения к элементам этого жанра. Чехов не просто модернизировал, он усложнял картину мира.

Так, встреча сорокалетнего Григория Петровича Лихарева и молодой женщины Марии Михайловны Иловойской происходит в трактире, а название деревни — Рогачи («место пребывания тех, кто с рогами») — порождает прозрачные ассоциации. Этот топоним, однако,

⁹ Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30-ти томах. Сочинения. М.: Наука. 1973–1984. Т. V, С.92.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Там же. С. 468.

связан и с описанием погоды, которая представлена «зверем» в полном соответствии с рогатым зверем Апокалипсиса (Откр. 13): «Что-то бешеное, злобное, но глубоко несчастное с яростью зверя металось вокруг трактира и старалось ворваться вовнутрь»¹². Интересно, что в Рогачах место церкви определяется по отношению к трактиру: она находится в трехстах шагах от него. Трактир становится организующим пространство центром, в то время как эта роль обычно принадлежит церкви, которая являлась основным ориентиром в русских селах, ее колокола отмеряли время для всех в округе, предупреждали об опасности, не давали сбиться в метель и т.п.

На связь святого Георгия Победоносца, икона которого висит в красном углу, и главного героя ориентирует сравнение Иловайской со змейкой, что поддержано портретом героини: худенькая, черты лица острые, длинные. Внешность дочери Лихарева, которая страдает от его скитальчества, также может вызывать аналогичные ассоциации («плечи узки, все тело худо и жидко», «в коричневом платье и в длинных черных чулках»¹³).

Из всех картин в «проезжающей» наиболее заметной был портрет Насреддина. Он является постоянно присутствующим лицом и даже заменяет героя: вместо Лихарева Саша и Иловайская, просыпаясь, видят Насреддина. Доминирование образа персидского шаха в образе Лихарева связано с изменой героя настоящей русской вере. «Нечистота» трактира в рассказе — знак присутствия в нем чертовщины: как только хромой (!) мальчик снимает нагар со свечи, в церкви начинают бить полночь. А шах Насреддин, двойник Лихарева, — символ духовной «нечистоты» героя.

Причина скитальчества Григория Лихарева и остановка в «поганом трактире» в том, что герой определил, как проявление национальной черты, — в огромной способности русского человека веровать. Только такая способность не означает невозможность перемены объекта веры, и Лихарев говорит именно о переменах своих вер. Все они соответствуют тому, что в одной из его реплик было противопоставлено единственной и основной вере: «Если русский человек не верит

¹² Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30-ти томах. Сочинения. М.: Наука. 1973–1984. Т. V, С. 463.

¹³ Там же. С. 462.

в бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое»¹⁴. «Что-нибудь другое» имеет смысл неопределенности только в данной антитезе, контекст же рассказа подсказывает полную определенность того, что противопоставлено Богу, — чертовщина.

В то же время движение героя иллюзорно, призрачно, недаром в финале Лихарев не уезжает, а остается в трактире. В нем самом заключается неопределенность встречи, которая делает их расставание предрешенным. Он сбился с пути, выбирая очередную веру, очередную жизненную дорогу. Его счастье пока несбыточно, поэтому возможность любви остается всего лишь возможностью. Горизонтальный и вертикальный аксиологические уровни не реализованы и встреча, на первый взгляд, заканчивается ничем. Но автор акцентирует внимание на том, что после отъезда Иловойской «глаза его всё еще искали чего-то в облаках снега»¹⁵. Может быть, он переосмыслит свою жизнь и начнет движение снова теперь к настоящей цели, ведь встреча с Иловойской все-таки перевернула что-то в его душе. Автор дает понять, что такая возможность существует.

В рассказе «Студент» А.П. Чехов не только напоминает читателям о подлинном смысле религиозного праздника Пасхи (воскрешении Христа и обетовании жизни вечной), но и говорит о всеобщей связи явлений (образ цепи).

У студента Ивана Великопольского, в день Страстной Пятницы тяжело на душе, но не по причине крестный страданий Спасителя, а из-за собственного душевного мрака, уныния, безысходности.

Аллегория движения от тьмы к свету реализуется автором буквально — Иван выходит к костру, у которого его встречают две женщины, как жены-мироносицы. И весь ряд его нестройных переживаний из-за холодной зимы, голодного постного дня постепенно выстраивается в цельный рассказ о евангельских событиях. Он начинает вспоминать события того дня «девятнадцать веков назад». Их трое — Иван, Василиса и Лукерья, а где «двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них» (Мф., 18.20). Вместе они чувствуют страшную необходимость и важность совершаемого.

¹⁴ Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30-ти томах. Сочинения. М.: Наука. 1973–1984. Т. V, С. 468.

¹⁵ Там же. С.477.

Темнота сада, где Иуда предает Иисуса Христа, отблески костра, Петр и работники во дворе первосвященника — это так далеко и так близко от «вдовьих огородов». Живой отклик женщин не на его рассказ, а на сами события означает неразрывную связь прошлого и будущего. Значит, духовные ценности непреходящи, мир един в своей онтологической целостности. По мысли О.Н. Павляк, «история Петра, рассказанная студентом — это история восхождения к истинной вере, дающая надежду и самому студенту, и Василисе, и Лукерье. В этом и состоит ответ на вопрос, почему студент говорит в Страстную пятницу, в день смерти Спасителя, именно о Петре. Страдания и сострадание приводят героев рассказа к “соборному единению”»¹⁶.

Значит, мрак, чувство гнета, тоски, бесприютности ложатся грузом не только на плечи героя. Ведь их еще раньше принял Тот, Кто «правда и красота». Он безвинно принял и победил смерть, Воскрес. Значит, Воскресение, обновление возможно и для него, для Ивана. Поэтому отступал мрак и уныние, потому «жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»¹⁷ — встреча с людьми и Богом состоялась.

Заключение

Таким образом, А. П. Чехов обращается к сакральному времени величайших христианских праздников — Рождества и Пасхи. Пасхальный, святочный и рождественский рассказ стал в эпоху А.П. Чехова жанром массовой литературы. Это одна из причин, по которой творческий метод писателя включает и пародийное снижение, и перечисление сюжетных и стилистических клише, и попытки обновления жанра. В обращении писателя к святочным мотивам мы имеем дело не только с литературной игрой, но и с аксиологическим феноменом русского православия в форме народного христианства.

Выявлены особенности религиозных идей и сюжетов в рассказах А.П. Чехова. Аксиологические горизонтальный (отношения между людьми) и вертикальный (отношения между человеком и Богом)

¹⁶ Павляк О.Н. Человек живет для ушедших и грядущих // Балтийский филологический курьер, №5, 2005.

¹⁷ Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30-ти томах. Сочинения. М.: Наука. 1973–1984. Т. VIII, С. 309.

уровни выстраиваются в его творчестве в систему координат, ориентируясь на которую, герой получает возможность внутренне переродиться. Поэтому в пасхальных рассказах Чехов уделил особое внимание сюжету «восстановления человека», т.е. его возвращению в «дом Отца своего».

Исследована нравственная художественная природа трактовки евангельских сюжетов и образов в рассказах А.П. Чехова. Символика пасхального кануна позволила автору придать бытовым ситуациям универсальный всеобъемлющий смысл. А.П. Чехов побуждает читателя выйти из реального исторического линейного времени и стать сопричастным сакральному циклическому времени христианского мифа.

В Новом Завете писателя интересует та сторона учения Христа, которая помогает человеку ориентироваться в мире, строить взаимоотношения с другими людьми, искать сокровенный смысл жизни. Обращение к календарным рассказам крайне важно для культурного, нравственного самоопределения и понимания их роли в творчестве А.П. Чехова. Результаты исследования могут применяться в системе школьного и вузовского образования: в лекционных курсах, в спецкурсах и спецсеминарах.

Источники и литература

1. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // О русской литературе. Л., 1985. С. 155 –199.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: МП РПЦ, 2000.
3. Захаров В. Н. Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 8. 460 с.
4. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 249 – 261.
5. Котельников В. А. Христианство и русская литература / ИРЛИ РАН; отв. ред. СПб.: Наука, 1994. Сб. 1. 397 с.
6. Павляк О.Н. Человек живет для ушедших и грядущих // Балтийский филологический курьер, №5, 2005.
7. Русская литература XIX века и христианство. М.: Изд-во МГУ, 1997. 292 с.
8. Святочные рассказы / предисловие, составление, примечания и словарь М. Кучерской. М.: Детская литература, 1996. 245 с.
9. Собенников А. С. «Между «есть Бог» и «нет Бога»...» // О религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова, Иркутск, 1997. С. 89 – 95.
10. Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30-ти томах. Сочинения. М.: Наука. 1973-1984. 606 с.

Ксения Борисовна Ермишина¹

Из архива О.Н. Трубецкой: философская переписка братьев С. и Е. Трубецких как ключ к пониманию идейных истоков творчества братьев и русского религиозного возрождения нач. XX в.

Вопрос о стоках и содержании ранних, неопубликованных сочинений философа С.Н. Трубецкого был поставлен исследователями более 20 лет назад, но до настоящего времени не было достаточного количества материала, чтобы сделать корректные выводы. В 2021 г. вышла книга «Из архива кн. Ольги Николаевны Трубецкой. Философская переписка братьев Трубецких», в которой впервые представлены письма братьев-философов. Переписка – уникальный сборник архивных материалов, которые проливают свет на истоки богословско-философского творчества С. и Е. Трубецких. На основе опубликованных архивных материалов дается краткая характеристика идей ранее почти неизвестного периода творчества С. Трубецкого, дается анализ этапов философского творчества братьев. Впервые ставится вопрос о источнике философских взглядов Сергея и предлагается новая периодизация творчества братьев Трубецких.

Ключевые слова: *Русское религиозное возрождение нач. XX в., синтез философии и богословия, конкретный идеализм, философия времени и пространства, история русской философии.*

Письма, собранные кн. О.Н. Трубецкой, открывают множество интересных и важных для истории русской философии тем. Когда эти письма были написаны, до так называемого русского религиозного возрождения оставалось еще как минимум два десятилетия. Сущность внезапно наступившего времени возрождения духовных интересов в России нач. XX в. неуловима и таинственна: «У людей внезапно раскрылись глаза на вещи, доселе от них скрытые. Молодежь стали очаровывать цвет, звук и мистические интуиции, утраченные предшествующими поколениями. <...> крепость российского позитивизма начала рушиться под натиском молодых поэтов, критиков, художни-

¹ **Ермишина Ксения Борисовна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Адрес для корреспонденции: xenia_ermishina@mail.ru

ков, философов и богословов <...>. У противников имелось численное преимущество и сила устоявшихся традиций радикализма и атеизма; однако их позиции ослаблялись растущим дезертирством бывших бойцов, терявших веру в старые лозунги»².

Эти процессы проходили внутри «ордена русской интеллигенции», о сути и происхождении которого было написано немало, начиная от статьи И.С. Аксакова «Отчужденность интеллигенции от народной стихии» до работы Г.П. Федотова «Трагедия интеллигенции» и далее, вплоть до нашего времени (Д.С. Лихачев, А.И. Солженицын, В.В. Аксютин). Г.П. Федотов подчеркивал, что «сознание интеллигенции ощущает себя почти, как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс — чести, нравственности, — свое призвание, свои обеты»³. О феномене русской интеллигенции писал Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун, Л.А. Тихомиров и многие другие. Восхваляли русскую революционную интеллигенцию В.Г. Белинский, А.Н. Радищев, П.Н. Милюков. Строгой критике интеллигенцию подвергли авторы сборника «Вехи» в 1909 г. Во всяком случае, вокруг «ордена» всегда была распря. Под влиянием еще малоисследованных причин в начале XX в. внезапно происходит раскол внутри «ордена», из которого рождается, с одной стороны, русское религиозное возрождение, с другой — русское радикально-революционное движение, базирующееся на идеях атеизма и социальной справедливости, понятой в марксистском ключе. Возможен ли был консенсус между двумя крайними направлениями интеллигенции? Взоры многих были прикованы к фигуре кн. С.Н. Трубецкого, как способного осуществить синтез того и другого — религиозного возрождения и социальной активности, борьбы с произволом чиновников и строгого следования долгу перед Церковью и Родиной. Возможно, самая большая трагедия русской интеллигенции как раз и заключалась в том, что она не смогла соединить в себе эти два начала, поскольку высший синтез противоположностей есть дело не только сильного разума и благородной души, но и религиозного прозрения. Это дается немногим благородным — по рождению, или по воспитанию — душам.

² Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Имка-Пресс, Париж. 1974. С. 102.

³ Федотов Г.П. (Е. Богданов) Трагедия интеллигенции //Версты, Париж, 1927, № 2. С. 148.

Вопрос об истоках религиозно-философского возрождения — один из важнейших для истории русской философии. Поскольку у истоков этого процесса стоял С.Н. Трубецкой, то исследователи его раннего творчества не могли обойти стороной его ранние труды. Свои ранние произведения, о которых было известно из воспоминаний брата Е.Н. Трубецкого, Сергей не опубликовал и даже, по всей видимости, частично уничтожил. Биографы и исследователи творчества философа начала XX в. (Л.М. Лопатин⁴, Н.В. Давыдов⁵) не посчитали нужным обратиться к исследованию этого вопроса, поскольку в тот момент для общественности и философского сообщества более актуально было академическое творчество философа зрелого периода. Сестра О.Н. Трубецкая опубликовала в эмиграции статью С.Н. Трубецкого и его биографию, но в советское время они были практически недоступны исследователям, тем более, что Трубецкие были причислены к лагерю идеалистов, обращение к наследию которых не поощрялось в стране победившего коммунизма и «единственно верной» марксистской, материалистической философии. Поэтому только в начале 1990-х гг. исследователи получили возможность обратиться к философии братьев Трубецких. До настоящего времени существует только две работы, посвященные вопросу раннего творчества С.Н. Трубецкого. Исследователь И.В. Басин нашел в ГАРФе часть ранней рукописи Сергея Трубецкого и опубликовал ее под названием «О святой Софии, Премудрости Божией»⁶. Во вступительной статье к публикации⁷ И.В. Басин поставил вопрос о раннем творчестве Сергея, но он опирался только на доступные ему материалы: фрагментарно сохранившийся дневник Сергея, несколько ранних статей (в Отделе рукописей РГБ) и к седьмой и десятой главе сочинения о Святой Софии. А.П. Козырев в статье «“София” и “православный гнозис” Сергея Трубецкого» вновь ставит вопрос о раннем творчестве Сергея, подчер-

⁴ См. очерк Лопатина, которым открывается Полное собрание сочинений С.Н. Трубецкого: Лопатин Л.М. Кн. С.Н. Трубецкой/Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого Т. I. М. Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1907.

⁵ Давыдов Н.В. Из прошлого. М., 1917.

⁶ С.Н. Трубецкой О святой Софии, Премудрости Божией / Подготовка текста, публикация и примечания И.В. [Семенко]-Басин // Вопросы философии. 1995. № 9.

⁷ Басин И.В. Предыстория творческого пути князя С.Н. Трубецкого // Вопросы философии. 1995. № 9

кивая, что несмотря на то, что в 1995 г. было осуществлено издание рукописи Сергея о Святой Софии, «этот интереснейший текст <...> по-прежнему остается практически за горизонтом исследований по истории русской философии»⁸. Козырев подчеркнул, что православный гнозис Сергея противопоставлен аристотилевской эпистеме, и «связан преимущественно с раскрытием платонизма как философии идеала в лоне христианской культуры»⁹. Козырев указывает на аналогии в ранней философии Сергея и «Философии культа» свящ. Павла Флоренского, который был его учеником, а софийную тему связывает с общим для Соловьева и С. Трубецкого кругом чтения — Бёме, Пордеджа, Баадера. Истоки творчества Сергея, связанные с чтением немецких мистиков, в полной мере раскрываются именно в переписке братьев Трубецких, которая дает нам выход к новой теме — исток за «истоками» (то, что ранее считалось истоком творчества, то есть текст о Софии, Премудрости Божией). Оказывается, еще до сочинения о Св. Софии и ранних статей, о которых упоминал Басин, у Сергея был ряд религиозно-мистических сочинений, которые были им безжалостно уничтожены. Задача исследователя состоит в том, чтобы реконструировать, по возможности, наиболее полно, если не содержание, то основные темы этих ранних сочинений. Это возможно осуществить на основании писем, воспоминаний брата Е.Н. Трубецкого и ранее опубликованного исследователями материала. Именно в сочетании этих трех источников открывается возможность реконструкции взглядов философа.

В письмах мы можем проследить самое начало возрождения истоков русской религиозности, которая стала синтезом религиозной философии и богословия. Именно это составило формулу дальнейшего русского религиозного возрождения — теснейший союз богословия и философии. В первой биографии С.Н. Трубецкого, которая была издана в 2011 г., автор полагает, что истоки творческого становления Сергея — немецкая, английская и французская, а также классическая древнегреческая философия. Потом Сергей увлекается русской религиозной мыслью (славянофилы, Вл. Соловьев) и, уже

⁸ Козырев А.П. «София» и «православный гнозис» Сергея Трубецкого // Вопросы философии. № 11. 2007. С. 83.

⁹ Там же. С. 84.

отталкиваясь от этого, делает свои первые философские опыты: «вот названия основных его рукописных работ: “О святой Софии, Премудрости Божией”, “Конспект моей философии” (1881), “О счастье” (1881) ... “Найти только в Церкви”... “Род и его значение в жизни и познании” (1881, 1882-1883). Все эти рукописи имеют не только философское, но и биографическое значение: они дают возможность проследить истоки будущих философских идей»¹⁰. Тем не менее, об истоках творчества традиционно судили по воспоминаниям «Из прошлого» брата Евгения, предполагая, что он писал также и о Сергее: «который несколько упреждал меня в философском развитии, но в общем переживал с некоторыми вариантами стадии умственного процесса, очень близкие к только что описанному»¹¹. Между тем, умственное развитие братьев все же шло не в едином русле. Упомянутые «варианты» и нюансы отличий были весьма существенными. Письма содержат новый материал, который дает возможность заполнить лакуну, понять не вполне ясный переход от изучения классиков, истории философии, славянофилов и Вл. Соловьева к первым сочинениям Сергея Трубецкого.

Следует подчеркнуть, что в 1880-1890-е гг. (время написания писем), то есть еще до первых встреч интеллигенции и духовенства в 1901–1903 гг., которые организовали Д. Мережковский и З. Гиппиус, эти группы были едва ли не враждебны друг другу. Хотя и духовенство, и интеллигенция призваны были преумножать, хранить, транслировать русское интеллектуальное и духовное наследие. Даже после революции 1905 г., после дарования религиозных прав и свобод старообрядцам и некоторым другим религиозным меньшинствам, с объявлением свободы исповедания, что осуществил Царь Николай II, богословы и философы все еще с недоверием относились друг к другу. Именно поэтому опыт братьев Трубецких так важен: в них не было раскола на «светские», враждебные церкви и на клерикальные, духовно-институциональные начала. В себе самих они осуществили тот синтез, о котором мечтали устроители Религиозно-философских собраний в начале XX века.

¹⁰ Ермишин О.Т. Князь С.Н. Трубецкой. Жизнь и философия. М.: Синаксис, 2011. С. 13.

¹¹ Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 129.

Братья Трубецкие, которые стояли у истоков возрождения религиозной философии в России, совершили настоящий идейный переворот, выступили авторами новаторского проекта — религиозная философия и философское богословие. У Трубецких, несомненно, были предшественники — славянофилы и Вл. Соловьев. Но между ними имелась одна существенная разница: те не стремились заниматься богословием и философией профессионально, сделать академическую карьеру религиозного философа. Во многом и славянофилы и Соловьев в данном вопросе стояли на позициях публицистики. Академическая философия в России в конце 19 в. была тесно связана с позитивизмом, потом с немецкой классической философией. С.Н. Трубецкой пришел к мировоззрению, который определяют как конкретный идеализм: «В понятии конкретного идеализма для Трубецкого соединяются метафизика, нравственная философия и религия, так как идея конкретно понятого Абсолютного непосредственно соотносится с верой в личного Бога»¹². Конкретный идеализм С.Н. Трубецкого как мировоззрение и как исследовательский подход к основным религиозно-философским проблемам изложен им в самых известных работах «зрелого» периода — «Метафизика в Древней Греции» и «О природе человеческого сознания». Когда С.Н. Трубецкой защищал свою диссертацию о метафизике в Древней Греции, это вызвало невероятную сенсацию именно вследствие того, что философская тема была помещена в религиозный контекст. Что же предшествовало этим работам, каковы истоки творчества братьев Трубецких?

Главным истоком религиозности братьев было чтение Евангелия. Евангельские образы и лексика глубоко запечатлелись в сознании братьев, их письма наполнены евангельскими аллюзиями, фразовыми оборотами и отсылками. Евангелие читала им в детстве мама, кн. С.А. Трубецкая, которой братья посвятили свои диссертации — «Метафизика в Древней Греции» (С.Н. Трубецкой) и «Рабство в Древней Греции» (Е.Н. Трубецкой). Стоит отметить, что образов и отсылок к богослужебным церковным текстам в языковом тезаурусе братьев в ранний период крайне мало. В этом состоит существенное отличие

¹² Ермишин О.Т. Князь С.Н. Трубецкой в истории русской мысли // Соловьевские исследования. Вып. 3(55). 2017. С. 50.

от следующего поколения мыслителей. Так, например, в языковом тезаурусе сына С.Н. Трубецкого, основателя фонологии и евразийства Николая Сергеевича Трубецкого (1890-1938), богато представлены отсылки к богослужебным текстам (каноны, тропари, отдельные песнопения).

В самом начале 1880-х гг. братья решают вопрос о происхождении и сущности зла. Это исходная проблема, которая инициирует богословско-философские искания. От решения этого вопроса часто зависит выбор — атеизм или вера. Ранний С.Н. Трубецкой (на момент написания первого сохранившегося письма ему было 20 лет) определяет Бога как «всемогущий Разум», в котором «нет разделения на реальное и идеальное, внешнее и внутренне пространство»¹³. Также называет Бога «Отцом, не только Создателем, но и педагогом людей и природы»¹⁴. Его рассуждения основаны на изучении мистической литературы — Я. Беме, Ф. Баадер, Парацельс, Г.Т. Фехнер, каббалистическая традиция. В человеке была найдена центральная и критическая точка творения, с момента дарования ему души началась история, вместе с тем его свобода есть внутренняя бездна, через которую искушает его диавол. Эта бездна есть, одновременно, и начало смерти, источник самоубийства. Искушение самоубийством тождественно с искушением Адама (не ешьте с древа — ибо умрете). Сергей решает вопрос о добре и зле, о бытии мира до и после падения. Он полагает, что система мира радикально изменилась после падения человека. В падении для беса открылось, с одной стороны, власть над миром, с другой, определилось его окончательная погибель, его окончательное разделение с Богом и Светом. Это связано с творением, появление падшего времени-бывания, с вопросом о пространстве.

В Боге заключено прошедшее абсолютно, будущее Он носит в Себе, будучи вечным настоящим: «Он не во времени, но время в Нем»¹⁵. Абсолютная жизнь есть синтетические время и пространство. Проблему зла и падения Сергей решает с привлечением категорий времени и пространства, различая внутреннее, внешнее, абсолютное,

¹³ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 87.

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 91.

относительное время и пространство. В письме к сестре Антонине от кон. августа 1885 г. Сергей развивает сложное, даже утонченное учение о душе, двойнике, тени человека, об астральном теле, о связи человека с звездами, небесными светилами, основываясь на писаниях ап. Павла.

Е.Н. Трубецкой не был увлечен мистической традицией, его больше привлекала историко-философская литература, как он об это упоминал в воспоминаниях «Из прошлого»: «Уже в VI классе мы с братом ушли в философию целиком. Помнится уже тогда пятнадцатилетним мальчиком я успел прочитать и даже изложить письменно «Логику» Милля, его же «Политическую экономию», «Основные начала» Спенсера (по-французски) и его же «Психологию», изложение воззрений Конта в трудах Милля и Льюиса и «Происхождение видов» Дарвина»¹⁶. После увлечения англо-французским позитивизмом последовало, согласно Е.Н. Трубецкому, погружение в традицию классической немецкой философии. Целую эпоху составило знакомство с историей философии в изложении Куно Фишера и Генриха Риттера. Платон, Эдуард Гартман, Шопенгауэр, Достоевский, Вл. Соловьев, А. Хомяков и многие другие авторы, названные Евгением в числе тех, кто оказал влияние на его умственное становление, также входили в круг чтения Сергея. Тем не менее, у Сергея были свои предпочтения, он сформировался как философ раньше, а немецкие мистики, которые не привлекали внимания Евгения, составили для него важную основу для первичного философского базиса, на основе которого он строит свою первую религиозно-философскую систему.

В ранних письмах С.Н. Трубецкой предполагает, что весь ход европейской философии ведет ее к системе Гегеля, но начала этой философии ложны поскольку «коренная» формула их есть «ложный догмат об исхождении Святого Духа, положивший начало отпадению западного мира от Церкви»¹⁷. Вся история западноевропейской философии есть раскрытие этого «догмата». Позже об этом ярко писали А.Ф. Лосев и Вл. Лосский, предшественником которых можно назвать

¹⁶ Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 126.

¹⁷ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 95.

С.Н. Трубецкого. В отличие от Лосева и Лосского Трубецкой, высказав эту мысль, далее ее не развивает, в соответствии со своей идеей, которая все больше укореняется в его сознании, о том, что нельзя доверять своим субъективным прозрениям, но нужно настойчиво штудировать книги и выслушивать мнения авторитетных немецких профессоров, а на основании этого уже строить научный подход к истории философии. Время для богословского подхода к философии еще не пришло, еще ощущалось давление позитивизма, из-под глыб которого русская мысль выбралась только к самому началу XX века.

В письмах Евгений высказывает неоднократно мысль о том, что истина — едина и для науки и для богословия, поэтому, занимаясь наукой, он достигает богопознания: «истина науки есть то самое Слово Божие, ... только исполнившись этого Слова, наука становится истиною»¹⁸. Это краеугольное основание мысли Евгения, с позиции которого он спорит с Сергеем по важнейшим вопросам — богочеловечество, истина, соборное сознание и многие другие. Эту мысль Сергей не разделяет, для него истины науки — скорее достояние определенной группы индивидов (научное сообщество), которые достигли согласия относительно того или иного положения: «критерий истинности в науке есть логическая, т. е. всеобщая и безусловная достоверность»¹⁹. Высшее сообщество — все человечество, носитель всеобщего сознания. Внимание Сергея постепенно все больше смещается от мистической литературы к протестантизму (как к методу исследования) и истории греческой философии, в то время как Евгений все больше сосредотачивается на внутренней интуиции и постижении истин богочеловеческого сознания, одновременно с обращением к истории церкви и догматов.

Опираясь на мистиков и систему парапсихолога Густава Фехнера Сергей разрабатывает философию времени и пространства. Свои ранние работы он не опубликовал, ограничиваясь тем, что зачитывал брату Евгению отдельные главы своих творений («Помнишь ли ты, что я читал тебе о времени? Я до сих пор рассматривал вопрос лишь

¹⁸ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 124.

¹⁹ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 186.

с точки зрения пространства. Но дело тут о бытии...»²⁰. Эта система взглядов легла в основу сочинения о Святой Софии²¹. Е.Н. Трубецкой в воспоминаниях «Из прошлого» упоминал о рукописях брата: «Его юношеские вдохновения, философские мечты его студенческих годов, которым не было суждено созреть для печати, были полны образом любви, собирающей мир и претворяющей хаос в космос. Я знаю, что он незадолго до окончания университетского курса работал над сочинением о св. Софии, которое он считал главной своею философской задачей (здесь курсив мой — К.Е.). Но рукописи его я не видал и не знаю, уцелела ли она. Но небольшой этюд его об астрологии я читал в юности <...> Помнится, это было необыкновенно красивое необыкновенно характерное для него построение, навеянное ночным созерцанием бесчисленных миров»²². Е.Н. Трубецкой свидетельствовал, о том, что «центральные, первые его мысли — те мысли, которыми он жил, выразились именно в этих юношеских произведениях, а не в тех ученых трудах, которые увидели свет»²³. Таким образом, мы, похоже, не знаем главные, центральные идеи С.Н. Трубецкого, ту философию, которую он в юности считал главной философской задачей. По какой причине Сергей отказался от обнародования этих идей?

Ранние сочинения он, по всей видимости, считал как бы вводными упражнениями к «настоящей» религиозной философии. Вероятно, его могло беспокоить слишком прямая зависимость от мистиков в своих ранних богословских рассуждениях, в которых могло не доставать личного опыта и индивидуального творческого начала. Рассуждения о рае, падении, времени, пространстве (Сергей писал: «я признаю три пространства и три природы. Пространство триединое, пространство духовное и пространство физическое»²⁴), о воскресении, о смерти и т.д. составляли как бы его тайную, внутреннюю, интимную

²⁰ Там же. С. 91.

²¹ О.Н. Трубецкая — опубликовала единственный сохранившийся отрывок (12 глава) из ранней работы «О Церкви и Св. Софии»: *Трубецкая О.Н.* Кн. Сергей Н. Трубецкой о св. Софии, русской церкви и вере православной // *Путь*. Париж, № 47. Исследователь И.В. Басин установил, что это 10 глава, которая была атрибутирована неверно.

²² *Трубецкой Е.* Из прошлого. Указ. соч. С. 86.

²³ Там же. С. 87.

²⁴ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 107.

интеллектуальную жизнь, которой он делился только с братом, иногда — с сестрой Антониной или матерью. Да и само время еще не располагало к обнародованию подобных текстов, поскольку, по сути, они принадлежали будущему — эпохе русского религиозно-философского возрождения нач. XX в. Сергей опередил свое время и прожил слишком короткую жизнь, так что сначала его время не пришло, а потом он уже не успел догнать то самое время.

Его брат Евгений также не обнародовал своих ранних идей, которые обильно рассыпаны на страницах философской переписки, но ему суждено было прожить дольше, поэтому его ранние идеи нашли воплощение во многих работах позднего периода, таких, например, как «Смысл жизни» (1918) или «Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства» (1917). Если внимательно проанализировать библиографию работ Е.Н. Трубецкого, то станет понятно, что в определенном смысле его философский путь аналогичен пути брата. Сергей успел опубликовать работы по истории философии, политическую публицистику и несколько философских работ академического периода, в том числе две диссертации («О природе человеческого сознания» 1889, «Метафизика в Древней Греции» 1890, «Учение о Логосе в его истории» 1900). Отдельным блоком шли работы по истории философии, которые в определенном смысле дублировали академические занятия и преподавание в Университете. Таким образом, мы видим у Сергея Трубецкого три стадии философского развития — первая скрытая, религиозно-мистическая, следы которой остались в переписке и опубликованной О.Н. Трубецкой 12 главе сочинения о св. Софии. Потом последовал академический и публицистический периоды, которые закончились преждевременной смертью философа в 1905 г.

До Первой мировой войны и революции 1917 г. Евгений публиковал работы двух направлений — историко-философские, главными героями которых были блаж. Августин, Ницше, Вл. Соловьев, Платон и Аристотель и политическую публицистику. Отдельным блоком идут работы по философии права. И только с началом Первой мировой войны Евгений раскрывается как философ экзистенциальной мысли, как пророк грядущего и визионер скрытых смыслов («Умозрение в красках» 1916, «Два зверя (старое и новое)» 1918 и др. работы). В этих

работах экзистенциального периода он возвращается к ранним идеям, высказанным брату в письмах. Можно предположить, что если бы Сергей дожид до Первой мировой войны и революции, он также писал бы работы экзистенциального характера, в которых мистика, прозрения, религиозный и патриотический пафос звучали бы с полной силой. Таким образом, Сергей не дожид до полного раскрытия своего таланта, который бы мог реализоваться в экзистенциальном периоде. Начальный период в творчестве Евгения был слишком кратким и не оставил значительных следов, поэтому реконструировать этот период его творчества сложнее, поскольку в отличие от брата в юности он вовсе не писал, даже «в стол», сочинений на мистико-религиозные темы, ограничившись устными беседами с братом и отдельными мыслями, высказанными в переписке.

Сергей отверг свои первые религиозно-философские опыты. Он подвергает сомнению свои мысли и само направление, его темы, и приходит к выводу о необходимости отказа от мистического мировоззрения. Он полагает правильным следовать авторитетам классиков, главным образом, немецких, протестантских исследователей. Он неоднократно с тревогой отмечал: «Нет ничего опаснее частного мистицизма, особенно когда облакаешь эти частные интуиции в общую форму. Это может всего более повредить единству и цельности системы»²⁵. В дальнейшем это выльется в твердое убеждение об опасности и ненадежности своих собственных религиозно-мистических интуиций и богословских построений. Уже в начале 1890-х гг. он полагал, что для русского ученого абсолютно необходимо пройти выучку немецкой университетской школы, которая даст верный ориентир, трезвость суждениям: «прежде чем придать твоему труду окончательную форму приезжай сюда <...> не бойся писать но написавши проверь свой труд в Германии. А то нет ничего опаснее этого чисто субъективного, безапелляционного творчества без всякой другой проверки кроме книг»²⁶. Почему-то именно брата Евгения Сергей подозревал в недостаточном философском трезвении и увлечениях, то и дело останавливая его пытлиую мысль, доказывая, что Евгений

²⁵ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 102.

²⁶ Там же. С. 206.

пока не готов к серьезному богословию, или спору с Вл. Соловьевым, не готов к рассуждениям о сущности падения и зла и т.д. Евгений, между тем, придерживался совсем иной тактики: «я излагаю не только свои теории и догадки в самом примитивном виде, но даже вопросы, перед коими откровенно становлюсь в тупик»²⁷ Осторожность и опасения Сергея, с одной стороны, богословские дерзновения Евгения с другой — вот полюса религиозной мысли братьев этого раннего периода.

Заключение

На С.Н. Трубецкого огромное впечатление произвел протестантизм, вернее современные ему авторы и исследователи-протестанты (Адольф Гарнак, Рудольф Рохолл, Теодор Зиглер, Фердинанд Баур, Отто Пфлейдер, Адольф Лассон и многие другие), которые писали о церковной истории и истории догматических учений²⁸. Постепенно он начинает ориентироваться на их методы и стиль, что сильно формализовало его мысль, которая приняла формы строго академические. Вероятно, уже на последнем курсе университета он уничтожает свои ранние сочинения, истоком которых является немецкая мистическая литература и парапсихология, разочаровавшись в научной значимости подобных построений. Сергей делает ставку на строго академическую философию и новейшие, для его времени, методы исследования. Тем не менее, прикосновение к мистическим истокам познания, которое так тщательно выкорчевывал Сергей из всех позднейших своих сочинений, давали о себе знать, одушевляя суховатые научные тексты. В публицистических статьях Сергей позволял себе высказываться со всей страстностью, энергично и иронично, но для философии он избирает образцом методы профессоров-протестантов. Евгений остался свободен от авторитетов и академических ориентиров для своего творчества, возможно поэтому его философские взгляды стали так актуальны в XX и XXI веке. Они соответствуют ожиданиям и самому стилю философствования, которое стало эталонным после

²⁷ Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021. С. 98.

²⁸ В книге «Метафизика в Древней Греции имеются обширные списки немецких профессоров и протестантских теологов, работами которых пользовался С.Н. Трубецкой. См., например: *Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции*. Москва, 1890. С. 48, 62, 64 и др.

преодоления позитивизма, возвышения экзистенциализма и религиозно-философской мысли вообще. Таким образом, источником русского религиозно-философского возрождения начала XX в. можно считать не только Соловьева, славянофилов, обращение к церковному наследию, но и немецкую мистическую мысль, каббалу, парапсихологию, отчасти протестантскую теологическую мысль. Эти истоки можно проследить практически у всех деятелей русского религиозного возрождения (о. С. Булгаков, А.Н. Бердяев, о. Павел Флоренский и многие другие). Обращение собственно к православной мистической традиции (исихазм, имяславие) произошло позже, но это уже тема отдельного исследования.

Источники и литература

1. *Басин И.В.* Предыстория творческого пути князя С.Н. Трубецкого // Вопросы философии. 1995. № 9.
2. *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1917.
3. *Ермишин О.Т.* Князь С.Н. Трубецкой. Жизнь и философия. М.: Синаксис, 2011.
4. *Ермишин О.Т.* Князь С.Н. Трубецкой в истории русской мысли // Соловьевские исследования. Вып. 3(55). 2017.
5. *Козырев А.П.* “София” и “православный гнозис” Сергея Трубецкого // Вопросы философии. № 11. 2007.
6. *Лопатин Л.М.* Кн. С.Н. Трубецкой / Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. I. М. Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1907. С. III-XV.
7. *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Имка-Пресс, Париж. 1974.
8. *Трубецкой С.Н.* О святой Софии, Премудрости Божией / Подготовка текста, публикация и примечания И.В. [Семенко]-Басин // Вопросы философии. 1995. № 9.
9. *Трубецкой Е.Н.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000.
10. *Трубецкая О.Н.* Кн. Сергей Н. Трубецкой о св. Софии, русской церкви и вере православной // Путь. Париж, № 47.
11. *Федотов Г. П. (Е. Богданов)* Трагедия интеллигенции // Версты, Париж, 1927, № 2.
12. *Философская переписка братьев Трубецких.* Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синаксис, 2021.

Евгения Александровна Коршунова¹

Священник Дурылин как писатель

В статье предпринята попытка лаконично и в то же время системно рассмотреть конституирующие принципы художественной системы С.Н. Дурылина на материале основных его прозаических текстов («В своем углу», цикл «Рассказы Сергея Раевского», «Колокола», «Сударь кот» и др.). Так, выделяется онтологизм, укорененность в мифе, важность модели «бытия-бывания», автобиографизм, маргинальность и др.

Ключевые слова: миф, онтология, автобиографизм, маргинал, реализм в высшем смысле.

Введение

Литературное наследие Сергея Николаевича Дурылина (1886—1954) — писателя, философа, театроведа, искусствоведа, археолога, богослова, педагога — на рубеже XX и XXI столетий оказывается в активном читательском и исследовательском поле зрения. Учеными восстанавливается контур личности и творчества писателя², публикуется его «потаенная» проза, теоретические работы³, эпистолярный, лирика — то главное, что дает представление о целостном творческом портрете такой неординарной фигуры XX века, как Дурылин. Однако, несмотря на то, что в 2020 г. И.В. Мотеюнайте опубликовала монографию «Сергей Николаевич Дурылин — исследователь русской литературы»⁴, она представляет собой интересный сборник статей по различным аспектам поэтики писателя. И не дает представления о его художественной системе.

В данной статье я попробую сформулировать конституирующие для художественной системы С.Н. Дурылина принципы. Поэтому в

¹ **Коршунова Евгения Александровна** — преподаватель факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, преподаватель. Адрес для корреспонденции: zhenyakorshunova@gmail.com.

² С. Н. Дурылин и его время : Исследования. Тексты. Библиография. М. : Модест Колеров, 2010. Кн. 1 : Исследования / сост., ред., предисл. А. Резниченко. 512 с. (Исследования по истории русской мысли ; Т. 14).

³ Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х гг. / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб. : Владимир Даль, 2014. 895 с.

⁴ Мотеюнайте И.В. Сергей Николаевич Дурылин — исследователь русской литературы». М.: Литературный факт, 2020. 240 с.

центре работы я поставила то главное, что дает представление о целостном творческом портрете такой неординарной фигуры XX века, как Дурылин. Это «потаенная» проза («В своем углу», цикл «Рассказы Сергея Раевского», «Колокола». «Сударь кот»), теоретические работы⁵, эпистолярный, лирика.

Результаты исследования

Определяющие литературный облик писателя произведения, такие как цикл «Рассказы Сергея Раевского» (1914—1926), повесть «Сударь кот» (1924), роман-хроника «Колокола» (1928), мемуарные книги «В своем углу» (1939) и «В родном углу» (1954), прозаический цикл «Рассказы Сергея Раевского» (1914—1926), дневники («Оптинский дневник», «Троицкие записки», «Олонецкие записки» и др.) при жизни автора не были изданы, только некоторые ранние рассказы, в том числе любимый автором «Жалостник» (1917), увидели свет. Даже вместе с потоком так называемой «возвращенной» литературы в 1980-х гг. наследию Дурылина вернуться было не суждено. В настоящее время произведения Дурылина публикуются по материалам в основном двух архивов: РГАЛИ (Ф. 2980 (С. Н. Дурылин)) и отдела МБУК МОК «Мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина» (коллекция «Мемориальный архив»).

Чтобы у исследователя творчества Дурылина получился целостный творческий облик писателя, необходимо, на мой взгляд, применить такую оптику, которая позволит рассмотреть в процессе формирования картины мира писателя, **поэтики** его творчества взаимодействие дурылинских «структур повседневности» — «серебряного века» (раннее творчество) и модернизма 1920-1940-х гг. (художественные особенности «потаенной прозы») на фоне литературного творчества советского периода (хотя бы пунктирно). Поэтому применяется не хронологический принцип анализа.

Я рассматриваю не столько этапы творчества, сколько те составляющие художественной картины мира, которые были важнейшими для Дурылина и которые дают представление о своеобразии его

⁵ Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х гг. / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб. : Владимир Даль, 2014. 895 с.

поэтики. Например, орнаментальные и сказовые тенденции в прозе писателя 1920-х гг., которые сыграли важную роль в формировании лирической прозы автора. Особо мной выделена категория пространства, а не времени. Ведь говоря в предисловии к воспоминаниям «В родном углу» о родине, он называет ее «страной былого»: временные характеристики, описывающие прошлое, обозначаются пространственными понятиями («страна»). Говоря же об истоках творчества Дурылина, о том, как он формировался, я исследую символистские традиции в прозе и драматургии автора. В статье, насколько это возможно, отражен также *междисциплинарный подход* к рассмотрению творчества Дурылина, который применяется для анализа сложного литературно-философского дискурса прозаического цикла «Рассказы Сергея Раевского». При анализе книги «В своем углу» описываются не только литературные связи писателя с классиками и современниками, но и важнейшая мифологема «угла» и другие концептуальные принципы поэтики Дурылина. Поэтому уделяется внимание не столько изучению контактов писателя, сколько схождениям и расхождениям на уровне художественных принципов. Глава «Обитатели „своего угла“», как и некоторые другие, может быть развернута в монографическое или отдельное диссертационное исследование. На мой взгляд, в данном исследовании выделила то главное, что позволяет рассмотреть *художественное творчество* Дурылина как целостную систему со своими закономерностями. Статья и представляет попытку очертить хотя бы координаты данной системы.

Дурылина как писателя сформировал символизм, который стал не только эстетической, но и мировоззренческой школой. Именно миф, в котором для автора раскрывается смысл символа, станет путем и образом художественного мышления писателя в разные периоды творчества.

Картину мира писателя во многом определяет сквозной метасюжет всех художественных произведений Дурылина — предстояние человека смерти. Такой сюжет рассматривает человека в пространстве бытия-к-смерти. Поэтому Смерть в художественном мире Дурылина никогда не связана с мотивом *пустоты* или *ужаса*, она скорее естественна и наполнена великим смыслом. Она не «закрывает», а «открывает» двери бытия, что немислимо, например, для автора без *памяти* об ушедших родителях и близких, о смерти которых автор

неоднократно вспоминал, *воскрешая* их тем самым в своей памяти («Золотая очень», «В родном углу»). Воспоминание о смерти — это прежде всего память, способная воскресить былое и актуализировать, а с другой стороны — акт вечного бытия. Мотивы *смерти-воскресения* поэтому взаимопереходны. «Смертию смерть поправ» — один из лейтмотивов дурылинской прозы. Космос Дурылина антропоцентричен, в центре его художественного мира человек, который может бороться с тленом бывания и устремляться к бытию. Испытание смертью — главное испытание многих героев Дурылина. И отношение к смерти зачастую становится мерилем ценности человека как такового. Таким образом, ядро поэтики Дурылина на разных уровнях пронизывают стрелы танатоса⁶.

Специфика сюжета определяет основную коллизию и конфликт — человек между *быванием* и *бытием*. Сюжеты дурылинских произведений строятся зачастую как попытки, преодолевая тлен бывания, прорваться к бытию. Оппозиция «Бытие — бывание» раскрывается и художественно реализуется посредством введения разных оппозиций: сакрального / профанного, верха / низа, тепла / холода, света / тьмы, цветовой символики и др.

Литературное творчество Дурылина укоренено в онтологической проблематике и системе координат и от нее неотделимо. Прозу писателя можно определить как онтологическую. Поэтому можно утверждать, что важной особенностью и характеристикой художественного творчества автора является его *переходный* и *междисциплинарный* характер. Поэтому закономерно, что по стилю художественного мышления Дурылин сродни представителям изобразительного искусства, а принципы его поэтики — визуальность, музыкальность, которая ярко проявилась в орнаментализме романа «Колокола» (1928). Однако, несмотря на это, мы видим, что Дурылин — это прежде всего писатель, а не философ или искусствовед. И ядро его наследия составляют художественные тексты, которые выстраиваются в некое эстетическое единство.

⁶ Подробнее об этом см. Коршунова Е.А. Вариации русского модернизма: С.Н.Дурылин. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 389 с. Или Коршунова Е.А. Литературное творчество С.Н.Дурылина: поэтика, онтология, контекст...дис. на соискание ученой степени доктора наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. 489 с.

Человек интересен ему не сам по себе, а как «участник» бытийного конфликта, зачастую разворачивающегося за порогом жизни («Бабушкин бес», «Колокола», «Две статуи»). Поэтому иногда героев заменяют статуарные персонажи, которые «живут» в пространстве мифа, ими созданного, и «пахнут» контекстами, их породившими («Дон-Жуан»). Самым главным героем дурылинской прозы является сам автор — скрытый или очевидный автобиографизм есть почти во всех произведениях Дурылина.

Тип героя и характер коллизии определили специфику хронотопа. Наиболее частотным является вертикальный хронотоп; ангелы, бесы, посланцы из мира иного действуют в мире Дурылина так же свободно и непринужденно, как и реальные люди. Поэтому пространство вечности неотделимо от земного. Время у Дурылина зачастую не историческое, а тяготеет в большинстве текстов к циклизации, как и сюжет. Даже указание на исторический период, например середины или конца XIX века, выполняет функцию создания идиллического мира, которым для автора была дореволюционная Россия.

На материале главного прозаического цикла С. Н. Дурылина рассматриваются основные онтологические модели прозы писателя. Установлен также состав самого цикла, в него входят также рассказы «На чужой могиле» (1922), «В те дни» (1926) и «Сладость ангелов» (1924).

Исследованы те рассказы цикла, где интерес автора сосредоточен на человеке, сознание которого развернуто к «пограничным» областям бытия — жизни и смерти. Первая часть цикла строится симметричным расположением рассказов, так что в одних текстах центральной является христианская онтологическая модель угрозы тления и смерти, олицетворенная главным «героем» — демоном — и его экзистенциальными проекциями, в других, наоборот, автор представляет путь одоления бывания бытием в акте духовного воскресения личности. Тему «приражения бесовского» развивают «Жалостник», «Мышь беготня», «Три беса», «Бабушкин день» (во многом предвосхищающий «Бабушкин бес»), сюжет о воскресении — «Сладость ангелов», «На чужой могиле», «В те дни»⁷. Действие почти во всех рассказах

⁷ Та же оппозиция примерно в этот период выстраивается в лирических циклах «Бесы разны» (1912–1924): «В углу», «С бесом», «Банник», «Гнедке», «Простой» и др. и «Венец лета» (1910–1924): «Пр. Серафим», «Семь спящих отроков», «Пустынник и ангел», «Кто с кем христосуется» и др. Цикл «Бесы разны» фрагментарно привлекается нами для анализа.

этого важнейшего для автора цикла происходит в экзистенциальном мире, выраженном через вертикальный хронотоп. Само главное событие рассказов происходит зачастую в мире не реальном, а невидимом. Частый прием отсутствия яркого и занимательного сюжета, изображение потока сознания характерно для модернизма в целом. Для Дурылина это способ сконцентрировать внимание на вертикальной плоскости бытия, несводимой к миру видимого. Той плоскости бытия, где центральной является коллизия «борьбы с концами». Сюжеты этого цикла рассказов почти всегда содержат мортальный сюжет, автора наиболее волнует сам острый момент перехода человека от жизни к смерти. Поэтому на первом месте для автора не герой как таковой (мы не видим ярких, запоминающихся персонажей — характеров), а конфликт, сама коллизия борьбы личности с хаосом бытия. Именно этим автор привлекает внимание читателя и, соответственно, наполняет глубоким смыслом свои тексты, представляя разнообразные варианты размышления над тайной бытия. Характерно, что Дурылин склонен показывать полюса — крайние, пороговые точки бытия или бытия. Две группы текстов поэтому контрастны по отношению друг к другу: победа смерти в первой части своеобразно восполняется торжеством воскресения во второй. Смысл подобного авторского решения, вероятно, не в искусственном «проживании» идей, которыми вызваны к жизни эти тексты, не в том, что герои и коллизии вписываются в авторскую схему цикла, а, видимо, в том, что Дурылин отражает здесь свою, индивидуальную авторскую картину мира, в которой победа космоса над хаосом стала вневременным и внеисторическим сверхсмыслом. Если в раннем творчестве Дурылин пробует себя как символист, то начиная с «Рассказов Раевского» формируется особый стиль дурылинского письма, одновременно укорененного в философии, где важное место занимает изображение онтологического среза бытия. И бытие изображается зачастую не через быт, как у Шмелева, а через соприкосновение земного с небесным. Поэтому так важны явления духов, борьба с ними и т. д. И быт, и деталь, весь «вещный» мир тускнеет на страницах Дурылина, как и сами герои (за редким исключением). Они вторичны по отношению к изображению главной коллизии. Все это позволяет определить метод Дурылина как реализм в высшем смысле. Под этим термином я понимаю, вслед за К.А. Степаняном, «художественное воссоздание

реального мира в предельно объемном физическом и метафизическом измерении и изображение человеческой личности в максимально возможной онтологической глубине»⁸. Таким образом, имеется в виду художественная характеристика как небесной, так и земной реальности в «их взаимопроникновении». При этом этот метод учитывает прежде всего исследование не столько специфики мировоззрения, акт христианской веры как таковой, а рассмотрение воплощения такого типа сознания в художественном тексте. Такая характеристика метода внеисторична, она не исключает отнесение дурылинской прозы к модернистской (символистской, постсимволистской) и неореалистической.

Литературное творчество Дурылина отражает особенности *национального самосознания и национального бытия*, русский национальный образ мира.

Жанровая поэтика автора и специфика выражения авторской позиции определяются во многом комплексом маргинальности. Стремления порвать связи с литературой или «литературщиной», с литературным кругом зачастую вызывало желание бороться с литературой формами самой литературы: выбирать жанры, «размывающие» литературный канон. Отсюда внимание к жанру фрагмента, к эпистолярным формам, в целом — к нарушению литературного стандарта.

Насущной задачей является не только исследование поэтики его произведений, но и определение места писателя в литературном процессе XX века, которое предполагает рассмотрение литературных связей Дурылина с современниками и **контекста** в целом. Малоизученным является вопрос о «взаимоотношениях» прозы писателя как с творчеством авторов «серебряного века», так и с классическим наследием века XIX. Хотя в данной статье я не пытаюсь четко «вписать» литературное наследие автора в рамки какого-то одного метода, так как, на мой взгляд, очевидна полиморфность его картины мира. В нем удачно сочетаются черты символистской поэтики, постсимволистской и модернистской 1920—1940-х годов. Также в работе используется по отношению к прозе Дурылина термин «реализм в высшем смысле», который рассматривается в соположении с вышеуказанны-

⁸ Степанян К.А. «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского: автореф. на соискание ... д-ра филол.наук. М., 2007. С.6.

ми традиционными определениями метода, так как не связан с историко-литературным развитием литературы.

Таким образом, в «свой угол» его обитатель готов пригласить и известных братьев по перу и единомышленников, и тех, кто еще не прочтен и малоизвестен, но заслуживает внимания читателя: это В. Ф. Одоевский, Каролина Карловна Павлова, Аполлон. Александр. Григорьев, Конст. Конст. Случевский, Надежда. Степан. Кохановская. Таким образом, Дурылин создает не только картину современного литературного процесса, но и «историю непрочтенной русской словесности». Так «недомерок», маргинал, непризнанный писатель и сочинитель Дурылин смог своим творчеством создать часть истории Большой Литературы, тем самым сказав о ней нечто новое. Это и есть то самое главное, что хотел передать нам автор и что наконец вышло, вопреки его сомнениям, за «пределы стен <...> комнаты»⁹, пусть и в XXI в¹⁰.

Выводы

Таким образом, Дурылин, будучи модернистом-мифомыслителем и реалистом в высшем смысле одновременно, смог создать оригинальную метафизическую, онтологическую прозу, главным метасюжетом которой стало изображение пути к подлинному бытию.

Источники и литература

1. Дурылин С. Н. Николай Семенович Лесков: Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Творческое наследие С. Н. Дурылина. М., 2016. Вып. 2. С.193–224.
2. Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х гг. / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

⁹ Дурылин С. Н. Николай Семенович Лесков: Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Творческое наследие С. Н. Дурылина. М., 2016. Вып. 2. С. 224. Подробнее об этом см.: Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 394–395.

¹⁰ Сомнения были небезосновательны, так как на сегодняшний день в архивах таких государственных вузов и очагов культуры, как ИМЛИ им. А. М. Горького и МГУ им. М. В. Ломоносова, в которых трудился и читал лекции Дурылин, ни каких-либо следов работ самого автора, ни сведений об этих трудах не осталось. Все художественное творчество оставалось «под спудом». Внешняя прижизненная «реабилитация» Дурылина в роли одного из ведущих советских театральных критиков не означала признания того глубокого вклада, который Дурылин внес в русскую литературу и культуру и передал нам, своим культурным потомкам и читателям.

3. С. Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. 1: Исследования / сост., ред., предисл. А. Резниченко. 512 с. (Исследования по истории русской мысли; Т. 14).
4. Мотеюнайте И.В. Сергей Николаевич Дурылин – исследователь русской литературы». М.: Литературный факт, 2020. 240 с.
5. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 547 с.
6. Коршунова Е.А. Вариации русского модернизма: С.Н.Дурылин. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 389 с.
7. Коршунова Е.А. Литературное творчество С.Н.Дурылина: поэтика, онтология, контекст. Дис. на соискание ученой степени доктора наук. М., 2021. 489 с.
8. Степанян К.А. "Реализм в высшем смысле" как творческий метод Ф. М. Достоевского: автореф. на соискание ...д-ра филол.наук. М., 2007. 43 с.

Максим Владимирович Скороходов¹**Цикл С. А. Есенина «Под отчим кровом»
в контексте иконной и библейской традиции²**

В статье характеризуется символика названия поэтического цикла С. А. Есенина «Под отчим кровом», состоящего из 15 стихотворений и опубликованного во втором выпуске альманаха «Скифы» (1918). Прослеживается эволюция в рассматриваемом цикле библейских мотивов и образов, показано, что для поэтики ряда произведений актуальны иконные сюжеты. В произведениях цикла Есенин предстает как православный христианин, ощущающий единство Божьего мира, стремящийся раскрыть для себя и своих читателей его первозданную красоту и многообразие.

Ключевые слова: С. А. Есенин, Библия, иконопись, поэтика, русская литература, поэзия, контексты, мотивы, система образов.

Введение

Цикл С. А. Есенина «Под отчим кровом», опубликованный во втором выпуске альманаха «Скифы» (1918), состоял из 15 стихотворений (для удобства последующего анализа пронумеруем произведения; в альманахе нумерация отсутствует): 1) «Под красным вязом крыльцо и двор...», 2) «Твой глас незримый, как дым в избе...», 3) «Не напрасно дули ветры...», 4) «Ночь и поле, и звон облаков...» (поздний вариант — «Ночь и поле, и крик петухов...»), 5) «О край дождей и непогоды...», 6) «Табун», 7) «Не от холода рябинушка дрожит...», 8) «Песня, луг, реки затоны...» (поздний вариант — «Колокольчик среброзвонный...»), 9) «Алый мрак в небесной черни...», 10) «Гляну в поле, гляну в небо...», 11) «Заря над полем, как красный тын...», 12) «Там, где вечно дремлет тайна...», 13) «Проплясал, проплакал дождь весенний...», 14) «Покраснела рябина...», 15) «О Русь, взмахни крылами...». Эти произведения привлекали внимание как многих современников поэта — писателей и критиков, так и исследователей его творческого наследия, однако

¹ **Скороходов Максим Владимирович** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. Адрес для корреспонденции: 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а, msk2002@rambler.ru.

² Работа выполнена по проекту РФФИ № 20-012-00261 «Синтез искусств в творчестве С. А. Есенина и культуре Серебряного века: источники, жанры, поэтика».

до настоящего времени не рассматривались как авторский цикл. В связи с этим представляется актуальным проследить эволюцию в цикле значимых для Есенина библейских сюжетов и образов, а также влияние на вошедшие в цикл стихотворения иконной традиции.

Отметим, что для публикации в том же, втором, альманахе «Скифы» Есенин передал еще одну подборку своих произведений — «Стихослов», состоящий из четырех небольших по объему поэм (сам автор называл такие произведения маленькими поэмами): «Товарищ», «Ус», «Певущий зов» и «Отчарь».

Результаты исследования

Второй выпуск альманаха «Скифы» литературный критик и историк общественной мысли Р. В. Иванов-Разумник, с которым Есенин тесно общался в 1917 г., собирал в июле — августе. Книга была сдана в типографию в первой половине сентября, однако вышла в свет только во второй половине декабря того же года — уже после установления в России власти большевиков — и датирована 1918-м годом³.

В дальнейшем Есенин использовал понравившееся ему название «Под отчим кровом» при подготовке своих авторских книг, при этом полностью изменив состав собранных под этим заглавием текстов и структуру подборки. Так, в книгу «Голубень» (1918) Есенин включил соответствующий раздел, состоящий из следующих стихотворений: «Пропавший месяц», «Под красным вязом крыльцо и двор...», «Не напрасно дули ветры...», «Корова», «Твой глас незримый, как дым в избе...», «Заглушила засуха засевки...», «Не от холода рябинушка дрожит...», «Весна на радость не похожа...», «К теплему свету, на отчий порог...», «Заря над полем — как красный тын...», «Алый мрак в небесной черни...», «О товарищах веселых...»; некоторые стихотворения из одноименного раздела «Скифов» были перемещены в раздел «Златой посев», вобравший в себя и ряд других текстов. Дальнейшие изменения состава разделов были проведены при подготовке к печати второго издания книги «Голубень» (1920). Раздел «Под отчим кровом», который планировалось включить в готовившийся Есениным в 1919—1920 гг. сборник «Телец», вобрал в себя стихотворения «Голубень», «Желтый

³ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. (7 кн.). Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 49, 69–74.

лист звезды в затоне...», «Запели тесанные дроги...», «Не напрасно дули ветры...», «Корова», «Под красным вязом крыльцо и двор», «Табун», «О товарищах веселых...», «Весна на радость не похожа...», «Алый мрак в небесной черни...».

Как видим, состав цикла, трансформировавшегося со временем в раздел поэтических книг, существенно менялся. Обратимся к первому варианту, выстроенному Есениным летом 1917 г. — в тот период, когда не только формировался первоначальный состав и устанавливалась последовательность произведений, но и создавались некоторые из них.

В 1917 г. Есенин находился во власти образов древнерусской словесности и Библии. Об этом свидетельствуют современники поэта, среди которых его близкий друг того времени В. С. Чернявский, вспоминая: «Его любимыми книгами в это время были Библия, в растрепанном, замученном виде лежавшая на столе, и “Слово о полку Игореве”. Он по-новому открыл их для себя, носил их в сердце и постоянно возвращался к ним в разговорах...»⁴. Напомним, что интерес к Библии, православной истории, «Слову», а также к русской классике был привит Есенину в годы учебы в Константиновской земской школе (1904–1909) и находившейся в ведении Священного Синода Спас-Клепиковской второклассной учительской школе (1909–1912). Во время службы в 1916 г. санитаром Полевого Царскосельского военно-санитарного поезда № 143 ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны Есенин тесно общался с членами Общества возрождения художественной Руси, часто бывал в Царском Селе в Феодоровском Государевом соборе, настенные росписи которого ориентированы на древнерусскую иконописную традицию.

Остановимся на символике заглавия цикла, поскольку название циклических образований и книг было важно для поэта, о чем свидетельствует уже его первая книга «Радуница» (1916), заглавие которой глубоко символично, причем на это обратили внимание уже первые ее читатели⁵. Слово *отчий* однокоренное со словом *отчизна*

⁴ Чернявский В. С. Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 220–221.

⁵ Подробнее об этом см.: Скороходов М. В. Сергей Есенин: истоки творчества (вопросы научной биографии). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 296–357.

и есенинским неологизмом *отчарь*, ставшим заглавием маленькой поэмы (датирована автором июнем 1917 г.). Поэма «Отчарь», как уже отмечалось, замыкает есенинский «Стихослов», благодаря этому возникает смысловая перекличка между двумя поэтическими блоками, представленными Есениным и размещенными в разных частях альманаха: «Отчарь» — «Под отчим кровом». *Отчий кров* — дорогое для Есенина место, пространство, связанное с родиной, с общением с близкими, родными людьми, наполненное важными для него предметами быта. Неслучайно в «Отчаре» лирический герой Есенина заявляет: «Здравствуй, обновленный / Отчарь мой, мужик!»⁶. Здесь *отчарь*, созвучное *отцу*, — обращение к почитаемым предкам, основателям и хранителям рода — к тем людям, которые ушли в мир иной и выступают молитвенниками за своих ныне живущих потомков; поэтому обращение к *отчарю* включает призыв: «Пой, зови и требуй / Скрытые брега; / Не сорвется с неба / Звездная дуга!» (Ск.-2, 25). В третьей главке поэмы прослеживаются непосредственные переклички с сюжетами икон и фресковых росписей, на которых изображен спеленатый Младенец в яслях в окружении Богоматери, Иосифа, волхвов, пастухов, ангелов и животных.

Значимо для Есенина и второе слово заголовочного комплекса — *кров*. Среди значений, зафиксированных В. И. Далем, — *дом, изба, приют, защита от непогоды*⁷. Таким образом, под отчим кровом может пониматься как пространство, защищенное как духовно — живущими и умершими, ставшими молитвенниками предками, так и физически — родовой избой, спасающей от чужих людей, холода и ветров. О ценности для Есенина отчего крова свидетельствуют многие произведения зрелого периода творчества, его адресованная лирика последних лет жизни — «Письмо от матери» и «Ответ», «Письмо деду» (все — 1924), «Письмо к сестре», «Мой путь» (оба — <1925>).

Анализ включенных в цикл стихотворений позволяет значительно расширить семантику заголовочного комплекса, что мы покажем на конкретных примерах.

⁶ Скифы: Сб. 2-й. [Пг.], 1918. С. 25; далее при цитировании этого издания в тексте указываются выпуск и страница (Ск.-2, 25).

⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд.: в 4 т. Т. 2. М.-СПб., 1881. С. 199.

Открывает цикл «Под отчим кровом» стихотворение «Под красным вязом крыльцо и двор...» (Ск-2, 164)⁸. Заглавие — первая строка произведения — ограничивает пространство *отчего крова* размерами крестьянского двора, однако уже следующая строка существенно расширяет то пространство, которое поэт характеризует в своем цикле, — «Луна над крышей, как злат бугор» (Ск-2, 164). Луна находится *над* крышей, *над* домом, *над* отчим кровом; соответственно, пространство расширяется — теперь то, что находится *под* луной, можно рассматривать как *отчий кров*.

Во втором и третьем двустушиях мы находим подтверждения этому предположению:

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.
Он смуглой горстью меж тихих древ
Бросает звезды — озимый сев (Ск-2, 164).

Окна становятся иконными досками, сводами храма или же и вовсе неким пространством на тверди небесной, т. е. *над* отчим кровом — там, где происходят судьбоносные события. Синие окна уподобляются синим небесам (ср.: «синий плат небес» в стихотворении Есенина «Топи да болота...»⁹; авторская датировка — 1914 г., первая публикация в авторской книге «Радуница» 1916 г.), обрамляющим источник Божественного Света — седого Старика, разбрасывающего звезды. Это описание третьего дня Творения: «И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды» (Быт. 1, 16).

Поскольку звезды воспринимаются как «озимый сев», т. е. разбрасываются не только по небесной, но и по земной тверди, из них «Взращает нива и зерна душ / Со звоном неба спадают в глушь» (Ск.-2, 164). Уникальный есенинский образ *зерна душ* сопрягает земное и небесное пространства. Эти слова соотносимы с библейским текстом:

⁸ О нем и следующем стихотворении цикла см. также: Серегина С. А. К творческой истории стихотворений С. Есенина «Под красным вязом крыльцо и двор» и «Твой глас незримый, как дым в избе...» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 442–447.

⁹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). Т. 1. Стихотворения. М.: Наука; Голос, 1995. С. 65.

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт., 2, 7).

Лирический герой обращается к тем дням Творения, когда созданный Богом мир был еще очень подвижен, все находилось в периоде становления, лишь постепенно прояснялись и становились заметными отличия. Слова «Я был во злаке, но костный ум / Уж верил в поле и водный шум» (Ск.-2, 164) соотносимы с описываемым в Бытии периодом: «Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли» (Быт. 2, 4–5). Человек, созданный из «праха земного», по мысли лирического героя Есенина, был во *злаке*, верил в то, что будет дождь, и оживет бесплодная земля, и будет слышен *водный шум*, и *поле* покроется дающими зерна хлебами.

Бесплотный дух уже существует, он уже получил возможность преодолевать пространства, радоваться появлению и укреплению земной плоти:

И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рожденье в посеве слов (Ск.-2, 164).

Как видим, в первом стихотворении есенинского цикла хронотоп *отчего крова* обретает вселенские масштабы и соотносится с днями Творения, когда не только жизнь на земле, но земная и небесная твердь пребывали еще в периоде становления. *Отчий кров* — среда обитания человека — пока только формируется, Божественная сила создает и защищает человека, укрывает его от внешних угроз. Неслучайно у Есенина в написанном в августе 1917 г. «Октоихе» древнерусская форма *отче* использована в обращенном к деду призыве:

С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...» <...>
Не долетает голос
В его далекий брег...¹⁰.

¹⁰ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы). М.: Наука; Голос, 1997. С. 44.

Образ деда-предка, до которого невозможно докричаться с земли, даже с ее холмов, сближается с образом *седого Старика* из первого стихотворения цикла, со звучащими в его финале мыслями о *крае холмов*. Краем холмов является и реальная родина Есенина — расположенное на высоком берегу Оки село Константиново. Всякий раз, приезжая туда, вслед за Есениным, не представлявшим себе жизни без посещения родных мест, удивляешься множеству теряющихся вдали живописных холмов.

Дед вместе с внуком и бабушкой станут героями одиннадцатого стихотворения цикла — «Заря над полем — как красный тын...». *Внучек* — это *превечный сын*, явление которого бабушка воспринимает как Божественное видение:

Вот вышла бабушка кормить цыплят.
Горит на небе святой оклад (Ск.-2, 174).

Бабушка общается с внуком, сообщая ему, что деду «скоро девять десятков зим» и что он «чинит невод ловить ершей» (Ск.-2, 174). Характеристика деда как рыбака, ремонтирующего сети для ловли рыбы, сближает его с пророком Петром, который был рыбаком и сыном рыбака. Этого пророка Есенин неоднократно упоминает в другом написанном в те же месяцы, в октябре 1917 г., произведении — в поэме «Пришествие» («Симоне Петр... / Где ты? Приди. <...> Симоне Петр... / Где ты? Зову! <...> Крикнул — и громко / Вздрыбился мрак. / Вышел с котомкой / Рыжий рыбак»¹¹). И *внучек* «С душою деда поплыл в туман, / Где зреет полдень незримых стран» (Ск.-2, 174) — так тихо отошла в мир иной душа рыбака. Бабушка, дед, внучек — одна семья, живущая *под отчим кровом*, и для лирического героя Есенина не столь важно, где каждый из них находится в какой-то конкретный момент, ведь между мирами нет непреодолимой преграды — это единый мир (точнее — *миръ*; см. об этом словоупотреблении ниже), существующий в бесконечности.

Актуализированный в последней строке стихотворения «Под красным вязом крыльцо и двор...» мотив посева слов развивает следующее, второе, произведение цикла — «Твой глас незримый, как дым в избе...»:

¹¹ Там же. С. 49.

В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава (Ск.-2, 165).

Также два стихотворения сближают образы духа и зерна. Начинается же второе стихотворение с молитвы не названному Демиургу:

Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь тебе.
Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг (Ск.-2, 165).

Как невидимый дым, согревающий избу и обеспечивающий тепло *под отчим кровом*, важен для сохранения бытового благополучия в доме, так молитва, предстояние пред *овсяным ликом* иконного изображения питает дух. Для живого человека важны и плоть, и дух, духовная жизнь. Отметим, что *овсяный лик* корреспондирует со строкой «На синих окнах накапан лик» (Ск.-2, 174) первого стихотворения цикла.

Если героем первого стихотворения цикла был *седой Старик*, второго — обладатель гласа незримого, то третьего, «Не напрасно дули ветры...», — *Кто-то тайный*. Именно Он, не названный, столь же неуловимый, как *дым в избе*, становится главным героем этого произведения, именно Он в корне меняет само существование лирического героя Есенина.

В этом стихотворении возникает один из вариантов пространства *под отчим кровом* — *родительский очаг*, то место, которое нельзя не любить, именно со степенью любви к *родительскому очагу* можно соотносить все другие отношения и привязанности:

Полюбил я міръ и вечность,
Как родительский очаг (Ск.-2, 166).

Мы сохранили в данном случае дореформенное написание *міръ*, чтобы остановиться на многообразии значений слова, которые позволяют расширить пространство, находящееся *под отчим кровом*. *Міръ* — это и Вселенная; и земной шар; и все люди, весь свет, род человеческий; и община, общество крестьян¹². Всеобъемлющей лю-

¹² Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 337.

бовью, которая простирается на весь миръ, обладает Бог, Который есть Дух вечный и присносуший, для Него характерна Божественная вечность. Человек может стремиться к подобной любви, распространяя любовь к *родительскому очагу* на весь миръ. И это возможно, поскольку «Кто-то тайный тихим светом / Напоил мои глаза» (Ск.-2, 166).

Далее лирический герой Есенина заявляет:

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло (Ск.-2, 166).

В них — это в *мирѣ* и *вечности*. Божественная благостность, святость, Божественный Свет — это то, что делает наш миръ вместилищем Духа.

Только в четвертом стихотворении цикла — «Ночь, и поле, и звон облаков...» — появляется имя Бога: «С золотой тучки глядит Саваоф» (Ск.-2, 166). Саваоф (Господь Воинств как Израилевых, так и Ангельских) на иконах и в росписях храмов часто изображался сидящим на тучке. Именно оттуда Он *глядит* на окружающий мир. Отметим, что в уже упоминавшемся стихотворении «Заря над полем — как красный тын...» возникнет образ сидящего на тучке другого Лица Пресвятой Троицы — «Плывет на тучке превечный сын» (Ск.-2, 174). Здесь важно использование прилагательного *превечный*, т. е. вечный, не имеющий границ — ни начала, ни конца.

Мотив *отчего крова* развивают в четвертом тексте отчий дом («Тихо выплыл из ровных долин / Отчий дом под кустами стремнин») (Ск.-2, 167) и *родимый очаг* («Мирно грезит родимый очаг / О погибших во мраке плечах») (Ск.-2, 167). Развитие получает и мотив вечности, иллюстрацией сохраняющейся стабильности становятся строки: «Здесь все так же, как было тогда, / Те же реки и те же стада» (Ск.-2, 167). В стихотворении не уточняется, к какому именно времени относится неопределенное *тогда*, но по общему контексту понятно, что эта временная протяженность соотносима с *вечностью*. Здесь неважно, какие именно реки и стада, сопровождаемые пастухами, были *тогда* и теперь. Главное, что тварь земная и водная гладь созданы Богом и в сущности своей неизменны со времени Творения. Уходят люди («Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму, / Уж кому-то не петь на холму»; Ск.-2, 167), но само бытие, его порядок и законы неизменны.

Образ луны / месяца появляется как в четвертом («Месяц месит кутью на полу...»; Ск.-2, 167), так и в пятом — «О, край дождей и непо-

годы...» — стихотворениях цикла («Ковригой хлебною под сводом / Надломлена твоя луна!»; Ск.-2, 168), для последнего важны также образы *спелой звезды* и холмов («Неизреченностью животной / Напоены твои холмы»; Ск.-2, 168).

Если разбрасываемые седым Стариком звезды — *озимый сев*, то *спелые звезды* — это проросшие и созревающие хлебом, золотящиеся налившимися колосьями поля, а луна, находящаяся, как и звезды, на небесной тверди, уподобляется хлебной ковриге. В природе совершается круговой цикл: посев — всходы — созревание урожая — новые зерна — хлеб, который используется в пищу человеком. Как вечно происходит движение солнца, луны и звезд по небесной тверди, так и в природе, на земле, совершаются циклические процессы.

Как пример развертывания охарактеризованных выше мотивов приведем стихотворение «Гляну в поле, гляну в небо...», единственное датированное поэтом в рассматриваемом цикле: «Успенье 1917 г.» (Ск.-2, 173). В нем вновь подчеркивается единство земного и небесного миров:

Гляну в поле, гляну в небо,
И в полях и в небе рай (Ск.-2, 173).

Рай у Есенина объемлет всё пространство Вселенной, весь созданный Богом мир. Подчеркивается обилие урожая, заботе о котором посвящен весь годовой круг жизни земледельца, и множество стад:

Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.
Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада... (Ск.-2, 173).

Обратим внимание на важную особенность представленной картины: *край*, о котором пишет поэт, *незапаханный*, т. е. не обрабатываемый, а рощи, в которых пасутся неизбывные стада, *непасеные*, т. е. не предназначенные для пастбы. Как такое может произойти? Поэт описывает райские кущи, где возможен такой совершенно не приемлемый для ведения сельского хозяйства на земле вариант. Дважды в начале строки используется наречие *снова*, подчеркивающее, что речь идет о циклическом, многократно повторяющемся процес-

се. Раскрыть контексты этого произведения помогает обращение к уже процитированным строкам «Здесь все так же, как было тогда...» (Ск.-2, 167) стихотворения «Ночь, и поле, и звон облаков...». Наблюдается совмещение, наложение событий, происходивших в разные моменты — в дни Творения и в есенинское время.

В свою очередь мотивно-образная система стихотворения «Гляну в поле, гляну в небо...» позволяет прояснить смыслы других произведений цикла. Например, зная, что в цикле совмещаются райские и земные поля и стада, становятся понятными строки «Отелившееся небо / Лижет красного телка» («Не напрасно дули ветры...», Ск.-2, 166). Не только звезды, которые бросает *седой Старик*, прорастают колосьями, но и небесная твердь рождает *красного телка*, ведь небесный и земной миры тесно связаны и взаимодействуют друг с другом. Образ *красного телка* получит развитие в других произведениях Есенина того периода. Н. М. Солнцева, отмечая: «В поэме “Преображение” есть воспринятые современниками как кощунственное озорство строки: “Облаки лают, / Ревет златозубая высь... / Пою и зываю: / Господи, отелись!”», — констатирует: «Н. Д. Вольпин, близкий Есенину человек, в беседе со мной высказала уверенность в том, что рождение этого образа имело библейские корни»¹³. И рассматриваемые нами контексты подтверждают это мнение.

В шестом стихотворении цикла — «Табун» («В холмах зеленых табуны коней...») — одновременно в двух пространствах — земном и небесном — находятся кони:

Дрожат их головы над тихой водой
И ловит месяц их серебряной уздой (Ск.-2, 169).

Конечно, здесь можно говорить об отражении в водном зеркале и месяца, и голов коней, но, учитывая общие контексты цикла, уместно будет расширить хронотоп и этого произведения. Более того, эхо уносит думы коней «к неведомым лугам» (Ск.-2., 169) — *лугам*, таким же *непасеным*, как и *рощи*.

Героем стихотворения «Не от холода рябинушка дрожит...» (седьмое в цикле) становится «отрок, сын Иосифа, Иисус», ведущий «беседу-

¹³ Солнцева Н. М. Сергей Есенин. М.: Издательство Московского университета; Учебная литература, 2004. С. 25.

разговор» с *рыбешкой* (Ск-2., 170), а лирический герой восьмого стихотворения — «Песня, луг, реки затоны...» — заявляет:

Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок,
В плеске крыльев голубиных.
Сон мой радостен и кроток
На руках твоих невинных (Ск-2, 171).

Икона становится источником света, ретранслируя исходящий от Богоматери и Христа у Нее на руках Свет. Озарение иконным светом изменяет статус лирического героя, который как бы заходит на икону; преображаясь в *нежного отрока* на *руках невинных*¹⁴.

Уже упоминавшееся одиннадцатое стихотворение цикла — «Заря над полем — как красный тын...» — связано со следующим текстом — «Там, где вечно дремлет тайна...» — мотивом преходящего характера пребывания человека на земле. Если в первом из названных стихотворений *превечный сын*, он же *внучек*, унес в иной мир *деда*, то во втором о кратковременности земного бытия рассуждает лирический герой — и теперь в мотиве ухода человека начинает звучать трагическая нота:

Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля (Ск.-2, 175).

В еще более пессимистичном контексте предстает одна из центральных проблем мироздания и творчества Есенина — смертности человека — в тринадцатом стихотворении — «Проплясал, проплакал дождь весенний...», лирическим героем которого становится *Сергей Есенин*. Хотя во всех предыдущих текстах показано, что мир земной и небесный родственны друг другу и пересекаются, смерть родных оставляет горечь невозполнимой утраты. Те перемещения во времени и пространстве, которые возможны для *превечного сына*, недоступны для *Сергея Есенина*, констатирующего, что, хоть «есть рожде-

¹⁴ Подробнее об этом произведении см.: Скорыходов М. В. Произведения Есенина середины 1910-х годов в контексте вопроса о синтезе искусств в иконописи // Современное есениноведение. 2021. № 4 (59). С. 28–31.

ные в посеве слов» (Ск.-2, 164), но его слово не может вернуть к жизни умерших:

Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил! (Ск.-2, 176).

И поэтому лирический герой этого стихотворения обращается к своим современникам-поэтам — к *Брюсову* и *Блоку*, понимая при этом, что «не изменят лик земли напевы» (Ск.-2, 176). Рассматривая это стихотворение, С. Г. Семенова отметила: «Вот, оказывается, в чем самая потаенная причина внутренней тоски поэта! Он упирается в узкие пределы возможностей искусства как только духовного *воскрешения* и запечатления бывшей и существующей жизни лишь в идеальном художественном пространстве навеки остановленных лиц и мгновений. Искусство не сумело стать силой, реально творящей живое, восстанавливающей погибшее, преображающей мир...»¹⁵. Лирический герой следующего стихотворения — *Есенин Сергей*.

Заключительное стихотворение цикла — «Николаю Клюеву» («О Русь, взмахни крылами...»), наиболее пространное среди всех включенных в него произведений — определяет круг близких Есенину по духу писателей. Автор, давая характеристику не только своим предшественникам и современникам, но и самому себе, отмечает:

Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор (Ск.-2, 179).

Думается, что такой *спор* можно воспринимать как стремление к познанию истины, законов мироздания.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что Есенин, прекрасно знавший ветхозаветную и новозаветную историю, православную иконопись, церковные обряды и песнопения, в произведениях цикла «Под отчим кровом» предстает как православный христианин, ощущающий единство Божьего мира, стремящийся раскрыть для себя и своих читателей

¹⁵ Семенова С. Г. Полюса русской души и русской идеи в поэзии Сергея Есенина // Семенова С. Г. Метафизика русской литературы. Т. 1. М.: ПоРог, 2004. С. 375.

его первозданную красоту и многообразие. Для лирического героя поэта нет непреодолимой границы между земным и небесным мирами, со времен Творения они сохранили свое нерасторжимое единство. И все же для человека, обладающего не только душой, но и плотью, важен земной мир, поэтому смерть близких становится для него трагедией и невосполнимой утратой.

Источники и литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. М.-СПб., 1881. Т. 2. 779 с.
2. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1. Стихотворения. 672 с.
3. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1997. Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы). 464 с.
4. *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*: в 5 т. (7 кн.). М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2. 760 с.
5. *Семенова С. Г.* Полюса русской души и русской идеи в поэзии Сергея Есенина // *Семенова С. Г.* Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: ПоРог, 2004. Т. 1. С. 359–389.
6. *Серегина С. А.* К творческой истории стихотворений С. Есенина «Под красным вязом крыльцо и двор» и «Твой глас незримый, как дым в избе...» // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 442–447.
7. *Скифы*: Сб. 2-й. [Пг.], 1918. 232 с.
8. *Скороходов М. В.* Произведения Есенина середины 1910-х годов в контексте вопроса о синтезе искусств в иконописи // *Современное есениноведение*. 2021. № 4 (59). С. 24–33.
9. *Скороходов М. В.* Сергей Есенин: истоки творчества (вопросы научной биографии): моногр. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 383 с.
10. *Солнцева Н. М.* Сергей Есенин. М.: Издательство Московского университета; Учебная литература, 2004. 80 с.
11. *Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // *С. А. Есенин в воспоминаниях современников*: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 198–235.

Анастасия Евгеньевна Чернова¹

Русский провинциальный «Городок» Н.С. Гумилева и Н.И. Тряпкина как модель православного мира

В статье сравниваются два провинциальных городка, представленных в стихотворениях Н.Гумилева «Над широкою рекой» и Н.Тряпкина «За церковкой старинной». Используя прием «прямой перспективы» Н.Гумилев указывает на подлинный центр жизни – храм с православным крестом; Н. Тряпкин, в свою очередь, реализует эту же идею другими художественными средствами. Различие подходов при описании тематически близких тем связаны с исторически-духовными причинами, а также временем написания произведений. Но Гумилев и Тряпкин, единодушно утверждают, что только церковный крест с колокольным звоном способны преобразить обыденную реальность, наполнив ее духовными смыслами.

Ключевые слова: *Художественный образ, Серебряный век, поэзия, композиция, лирический герой, фольклорные мотивы*

Введение

В мировой литературе на протяжении многих времен отчетливо проступает наполненная духовным содержанием оппозиция — город и деревня, каменные джунгли и чудные раздолья дальнего села. В середине XX века такая оппозиция послужила даже основой для выделения двух направлений: «деревенская» и «городская» проза. Названных так условно и, пожалуй, по ряду причин, неудачно, однако, тем не менее, характерно. Причем, две этих области разграничиваются не только тематической спецификой, явной из названия, но и стилистическими, повествовательными и мировоззренческими особенностями.

В стихотворениях «Городок» Николая Гумилева и «За церковкой старинной» Николая Тряпкина предстает, однако, город иного типа, который не противостоит сельскому пространству, но являет собой

¹ **Анастасия Евгеньевна Чернова** – кандидат филологических наук; доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры. Адрес для корреспонденции: litsot@yandex.ru.

самобытный старинный мир. Два этих стихотворения близки по многим художественно-изобразительным параметрам, что особенно удивительно, поскольку Гумилев и Тряпкин принадлежат разным поколениям и разным литературным школам. Сами стихотворения написаны не просто в разные годы — а в разные эпохи. «Городок» Николая Гумилева — в самодержавной православной империи, в 1916 году. «За церковкой старинной» Николая Тряпкина — спустя почти полвека, в советской России, в 1968 году. Поэтому выявить общее духовное ядро, константы, родственные образы — представляется актуальной научной задачей. Ведь именно неизменные элементы произведения, на которые не влияет никакой «ветер перемен», будь то литературная мода или личное мнение автора, высвечивают традиционные основы национального искусства и народного религиозного сознания.

Творчество Н. Гумилева и Н. Тряпкина рассматривается в ряде работ известных ученых. О Николае Гумилеве писали В.П. Енишерлов, А.И. Павловский, Т.А. Ушакова, Е.В. Меркель, А.С. Полиевкая, В.Н. Климукова Ю.В. Зобнин и др. О поэзии Николая Тряпкина писали В.В. Кожин, Л.А. Аннинский, В.С. Камышан, Г.В. Иванов, А.М. Бойников, Д.В. Псурцев, А.В. Полубота, О.В. Блюмина и др. Однако, сравнительный анализ их поэзии, в том числе и в заявленном нами аспекте — русский провинциальный «городок» как модель православного мира — еще не проводился.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к сопоставлению произведений, напомним некоторые сведения из биографии авторов, это поможет нам вернее определить специфику их поэтической палитры. Николай Степанович Гумилев (1886 — 1921) — дворянин, русский поэт Серебряного века, офицер. По состоянию здоровья его не берут на военную службу, однако, когда начинается первая мировая война — он идет на фронт добровольцем. Много раз был за границей, учился в Сорбонне, совершал экспедиции в Африку, создатель нового художественного течения — акмеизм. Полагая, что поэзии можно научиться, как ремеслу, основал «Цех поэтов».

Николай Иванович Тряпкин (1918–1999) — из крестьянской семьи. По состоянию здоровья в годы Великой Отечественной войны на фронт не попал. Заграницей, пожалуй, ни разу не был. Собственную литературную школу не открывал и даже не оставил каких-либо теоретических размышлений или наработок, что-нибудь вроде наставлений начинающим поэтам. То, что Гумилев выстраивал логически, Тряпкин постигал интуитивно. И, если Гумилев активно творил свою жизнь, смело раздвигая границы возможного, то Тряпкин смиренно и скромно ходил по тем тропам, что однажды очертила судьба. Однако в стихотворениях «Городок» и «За церковкой старинной» обнаруживается родство их мировоззренческих позиций. Оказывается, существует фундамент, который объединяет дворянина и крестьянина, искателя опасных приключений и незаметного труженника. Что духовное родство — не во внешних фактах биографии, но — гораздо глубже...

Над широкою рекой, Пояском-мостком перетянутой, Городок стоит небольшой, Летописцем не раз помянутый².

Так начинается свое стихотворение Николай Степанович Гумилев. Всего в четырех строках определены пространственные координаты городка. Предлог «Над» четко указывает, что городок находится не просто на берегу широкой реки, но на возвышенности. Упоминание же летописи подводит к мысли, что Гумилев описывает Бежецк, город Тверской области, сведения о котором восходят к XII веку, сам же автор бывал в тех краях неоднократно.

Николай Иванович Тряпкин также описывает старинный город, «весь шатровый, княжой», располагающийся на холме:

И я туда поближе,
Повыше поднимусь:
Эгей, моя тверская
Да суздальская Русь!³

Не смотря на четкое обозначение Твери и Суздаля, перед нами скорее собирательный образ небольшого русского города, говорит-ся не столько про конкретную область, сколько про всю Русь, старин-

² Гумилев Н.А. Костер. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922. С.12.

³ Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 104

ную и самобытную. Кроме пространственной близости, два города объединяет и традиционный неспешный жизненный уклад. Вот как его описывает Н. Гумилев:

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза всё такие темные.

Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние;
Предводителей жеребец —
Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!»
И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой ⁴.

⁴ Гумилев Н.А. Указ. соч. С. 12–13.

Юрий Зобнин, автор книги «Николай Гумилев» обратил внимание на композиционные особенности этого стихотворения. «Картина, которую рисует гумилевское стихотворение, напоминает композиционное построение, организованное по законам прямой перспективы, линии которой, образованные картинками бытового уклада, сходятся в точке, расположенной в метафизической глубине русского провинциального быта, обозначенной у Гумилева изображением храма на погосте»⁵. Не сразу, но постепенно, раскрывается эта метафизическая глубина, через четкую иерархичность образов. «Вот эта иерархия: воинский гарнизон, торжище, дом, казенное присутствие, — продолжает Ю.Зобнин. — Образы, эмблематизирующие каждую из этих сторон русского провинциального городского уклада, сознательно травестированы Гумилевым, являя будничные проявления каждого»⁶.

Стихотворение Тряпкина строится по иному композиционному принципу. Если Гумилев венчает все построение — крестом над церковью, то Тряпкин с образа церкви начинает описание городка:

За церковкой старинной,
За насыпью крутой,
Играет пастушонок
На дудочке весной.

А там, на самой круче, —
Гляди со всех дорог, —
Стоит такой занятный
Музейный городок:

Сосновый да шатровый,
Посадский да княжой.
И все его соборы —
Над гривую лесной...

Далее, однако, описания не разворачиваются. Выясняется, что, на самом деле, нет здесь ни царских, ни княжеских палат:

⁵ Зобнин Ю.В. Николай Гумилев. М.: Вече, 2013. С. 378.

⁶ Зобнин Ю.В. Указ. соч. С. 378.

А впрочем, тут ни царских,
Ни княжеских палат,
И только с красных звонниц
Бубенчики звенят...⁷

Если у Гумилева лирический герой растворен в мирном существовании старинного городка; отстраненно, с доброй улыбкой наблюдает за его неспешным движением, то лирического героя Тряпкина пронизывают двойственные переживания и ощущения.

Пусть верю я в железо,
И в камень, и в стекло,
Но прежде верю в слово,
Что на сердце легло,

А больше — в эту землю,
Живую как свирель...
Ах, город, ты мой город
Серебряная трель!

Пуская ты весь шатровый,
Посадский да княжой,
Да что же я при этом
Поделаю с собой?

В конце же лирический герой вновь с горечью замечает:

А впрочем — тут ни царских,
Ни княжеских палат...
И только в этой песне
Бубенчики звенят⁸.

Еще одно важное различие: цель городка Гумилева — «ведома», т.е. известна, и связана она со спасением души: на базарах и распутьях дорог звучит слово Божие, а церковный звон возносится над всей житейской обыденностью. Тряпкину же говорить про особую цель не приходится. Княжий городок давно исчез, там, где была когда-то «на-

⁷ Тряпкин Н.И. Указ. соч. С.104

⁸ Тряпкин Н.И. Указ. соч. С. 105.

стоящая жизнь» теперь осталось музейное достояние. Такова судьба многих старинных русских городков в советское время. Например, в том же Бежецке в 1935–1937 годах по указанию советских властей были полностью разрушены десять православных храмов и колоколен. Из церковного кирпича планировали построить бежецкий льнокомбинат, который так, однако, и не построили. Еще семь церквей были обращены в хозяйственные объекты.

Перед нами разворачивается обширная панорама истории одного города — и одновременно история всей России. В первой части (стихотворение Гумилева) дается образ христианской жизни, подчиненной цели спасения, когда крест — являет собой символ «власти ясной, Отеческой», во второй части (стихотворение Тряпкина) эти символы ниспровергнуты, однако тоска, необъяснимая тяга к утраченному наследию сохраняется в душе лирического героя. Насыщенный некогда колокольный звон истончился до перезвона бубенчиков... У Гумилева — «гудит малиной звон», у Тряпкина — только «бубенчики звенят».

Звон бубенчиков — образ, из которого вырисовывается облик всего XX века. Как в песне Башлачева «Время колокольчиков». В тот исторический период, когда, «купола растеряли золото», а «колокола сбиты и расколоты», наступает — «время колокольчиков». За малыми колокольчиками грезится большой, еще не отлитый, колокол...

Бубенчики Тряпкина — те же колокольчики, и не под дугой лошадиной упряжи они звенят, но — «с красных звонниц». «Красных» — значит, красивых, этот эпитет дополняет ряд художественных примет народной песни. Народность, фольклорная стилизация, отличает оба стихотворения — и Тряпкина, и Гумилева. Например, для сказок и народных песен характерно использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Такие слова в изобилии встречаются в анализируемых стихотворениях: «Пояском-мостком», «городок», «лодочка», «солдатики» у Гумилева и «церковка», «пастушонок», «дудочка», «городок», «бубенчики» у Тряпкина. Все это создает общую, даже единую, тональность. Пасторальная безмятежность Гумилева кажется незыблемой. Но и в стихотворении Тряпкина проступают мотивы идиллии. Пастушонок, играющий на дудочке, отсылает читателя к жанру буколик, в которых воспевается простая жизнь на лоне природы. Пасторальное начало снимает и неизбежную, казалось бы,

оппозицию «город — село». Оба городка находятся вне подобного противопоставления, но представляют собой особую реальностью, сотканную из созвучий старинных колоколов.

Фольклорные мотивы для Тряпкина естественны: как сын крестьянина он чувствовал особую сопричастность «свирели земли». Гумилев же не обошел вниманием созревшую в Серебряный век эстетическую тенденцию — заинтересованность народным творчеством, которое становилось предметом художественного переживания.

Юрий Лотман в статье «Блок и народная культура города» подробно рассматривает истоки и особенности такого культурного сдвига начала XX века. Затем он обращается к творчеству Блока и отмечает его заинтересованность народным началом. Фольклор, однако, бывает разным — и именно такую народность, как у Гумилева, сам Блок категорически не принимал. Сохранились его пометы на полях книги Гумилева «Костер», где он разбирает это стихотворение. Блок подчеркивает слово «настоящая» и комментирует на полях: «Так вот что настоящее». Как справедливо замечает Ю. Зобнин: «Смысл блоковских маргиналий очевиден: его возмутило то, что убогая, мещанская русская провинциальная жизнь <...> почему-то объявляется «настоящей» (притом, очевидно, подразумевается, что жизнь иная хотя бы и возвышенно-духовная, ненастоящая)».⁹ Дело, однако, усложняется тем, что сама по себе убогость и мещанство не являются для Блока отрицательным явлением, напротив, как отмечает Лотман, для второго этапа его творчества характерна ситуация, когда мировые символы светят сквозь житейскую обыденность и каждодневную пошлость. «Отрицание «заревой ясности» соловьевской утопии подразумевает, что художник должен пройти через культуру современного города, окунуться в «сине-лиловый мировой сумрак <...> при раздирающем аккомпанементе скрипок и напевов, подобных цыганским песням»¹⁰. «Пошлость таинственно связана с глубинными смыслами», — так выходит по Блоку. И здесь уже приходится отделить пошлость, которая ищет «таинственные смыслы» внутри самой себя, не чуждается порока и даже возводит в некий культ «цветы зла», от явлений дей-

⁹ Зобнин Ю.В. Указ. соч. С. 382.

¹⁰ Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург, 1996.

ствительности, которые, несмотря ни на духовное несовершенство, даже убогость, содержат стремление разомкнуть душный круг прошлого. Это не только два разных образа жизни, но и два разных типа мышления.

Гумилев и Тряпкин предлагают второй путь. Только церковный крест с колокольным звоном способны преобразить обыденную реальность, наполнив ее духовными смыслами. Раздирающие напевы скрипок, как и сумрачные цвета палитры Врубеля здесь будут неуместны, светлые же тона Васнецова или Нестерова вполне подойдут.

Заключение

Стихотворения «Городок» Гумилева и «За церковкой старинной» Тряпкина словно продолжают друг друга. Обобщенный образ небольшого городка Тверской Руси создан средствами фольклорной выразительности, подчеркивающими песенно-сказочное измерение Иного царства. Несмотря на то, что звучит тема города — городской фольклор не представлен совсем, также как и прочие элементы низовой культуры, столь привлекающая авторов Серебряного века. Ясная «ведомая цель» определяет сотериологическую направленность «настоящей жизни», духовные скрепы которой в стихотворении Тряпкина частично будут разрушены. Частично — потому как даже в том случае, когда умолк колокол, а живая реальность сморщилась до музейного экспоната — остается сердце человека, душа, исполненная переживанием и памятью. «Слово Божие» звучит открыто в городке Гумилева, но и у Тряпкина лирический герой верит в слово «что на сердце легло». Можно, конечно, рассуждать о том, что на сердце человека ложатся помыслы и добрые, и злые, однако в контексте именно этого стихотворения проводится антитеза между верой в железо, камень, стекло (т.е. верой в технический прогресс), и верой в слово — исток всего Евангельского повествования. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.¹¹ Тогда даже простые бубенчики начинают благовествовать, ведь звучат они с красных звонниц, да и пастушонок нашел себе приют не у колхозного амбара, но подле старинной православной церкви... Из этого зерна вновь

¹¹ Новый Завет. М.: Издание Московской патриархии, 1994. С.119.

может вырасти городок во всем своем полноразвучии и древнерусской красоте, побеждая застывшие музейные формы. Случится ли это? И если да, то каким образом? На этот вопрос должны ответить уже не филологи, но поэты XXI века... Мы же однозначно можем констатировать: в русской культуре существует постоянное духовное начало, которое не зависит от времени и внешних обстоятельств, и этот идеал может быть близок каждому, кто стремится постичь основы христианского мирозерцания и наполнить обыденную реальность высокими смыслами.

Источники и литература

1. Гумилев Н.А. Костер. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922. С.12–13.
2. Зобнин Ю.В. Николай Гумилев. М.: Вече, 2013. 480 с.
3. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург, 1996. [Электронный ресурс]: URL: https://www.booksite.ru/localtxt/lot/man/lotman_u_m/o_po/etah/i_poe/zii/o_poetah_i_poezii/31.htm
4. Новый Завет. М.: издание Московской патриархии, 1994. 351 с.
5. Тряпкин Н.И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1980. С.104–105

Нина Сергеевна Ищенко¹

Протестантская экклесиология в идеях Нильса Рунеберга (по рассказу Х. Л. Борхеса «Три версии предательства Иуды»)

В статье проанализированы идеи Нильса Рунеберга, персонажа рассказа Борхеса «Три версии предательства Иуды», определены основные идеи теологии Рунеберга: опора на одно Писание, элиминация Предания, использование юридической концепции первородного греха, фактическое отрицание богообщения в Церкви. Показано, что эти идеи являются сущностными чертами радикальной протестантской экклесиологии, оставляющей человека наедине с обезбоженным миром.

Ключевые слова: Борхес, Нильс Рунеберг, экклесиология, Воплощение, Воскресение, протестантизм, первородный грех, герменевтика

Введение

Рассказ «Три версии предательства Иуды» опубликован аргентинским писателем Х. Л. Борхесом в 1944 году в составе сборника «Вымышленные истории»². В рассказе приводятся три версии деяний Иуды Искарриота, предложенные вымышленным персонажем Нильсом Рунебергом, скандинавским теологом начала XX века. Все три версии строятся на анализе евангельских рассказов и используют проверяемые логические построения. В то же время в каждой из трех версий Рунеберга анализ ограничивается историей земной жизни Христа и не учитывает истории Церкви как Тела Христова и сообщества верующих, общающихся непосредственно с Богом.

Аналогичная ситуация складывается в научных исследованиях борхесовского текста. Ученые следуют за Рунебергом и Борхесом, анализируя трактовки классика, останавливаются на личностном аспекте ситуации и не рассматривают ее социальные последствия, чрезвычайно важные для православного христианства.

¹ **Нина Сергеевна Ищенко** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. Адрес для корреспонденции: а/я 21, ст. Куйбышево, Ростовская область, 346 940, пер. Индустриальный, 8, 29019, niofterna@gmail.com.

² Борхес Х. Л. Три версии предательства Иуды / Собрание сочинений: в 4 т. / Хорхе Луис Борхес; [сост., предисл. и примеч. Б. Дубина]. Т. 2: Произведения 1942–1969 годов. 2-е изд., стер. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2011. С. 186–191.

Символическое уничтожение Церкви в художественной литературе на евангельские темы

В художественной литературе на евангельские темы вопрос создание Церкви, ее роли и сущности никогда не ставится. Не ставится этот вопрос и исследователями, литературоведами и филологами, которые занимаются анализом указанных сюжетов. Так, В. Флай в статье «Синдром Иуды» анализирует феномен предательства на межличностном уровне³. Наряду с рассказом Борхеса автор изучает произведения об Иуде Л. Андреева и Ю. Нагибина, привлекает концепты наказания и предательства, однако не касается социального аспекта. В статье нет ни слова о Церкви, которая возникла как Тело Христово, а не Иудино, и о возможных последствиях в истории Церкви, если версия Рунеберга о божественности Иуды окажется справедливой.

Образ Иуды после Борхеса, в литературе XX—XXI вв., исследовали А. Назмиева и О. Несмелова. В своей статье авторы рассматривают вариации на темы евангельских апокрифов, созданные такими выдающимися прозаиками как Э. Бёрджесс, Ж. Сарамато, Н. Мейлер, Э. Шмитт⁴. Проведенный анализ показывает, что во всех случаях современные писатели рассматривают евангельскую историю как материал для притчи и детектива на тему о предательстве одного человека другим. Судьба созданной Христом Церкви не прослеживается и не затрагивается, евангельская история предстает совершающейся в эпическом времени, которое не связано с настоящим моментом, когда автор пишет свой текст. Социальные последствия в виде возникновения Церкви для современных писателей не существуют, история Церкви вычеркивается из истории Христа, символически уничтожается.

Обращаясь к исследованию сюжета об Иуде, филолог Е. С. Никитина использует методологию диалогизма М. Бахтина, приводит несколько версий прочтения текста⁵. В частности, автор классифицирует возможные объяснения поведения Иуды, приводя следующую

³ Флай В. Синдром Иуды. Мгновения жизни. 2007. № 3. С. 179–184.

⁴ Назмиева А. А., Несмелова О. О. Образ Иуды в мировой литературе конца XX – начала XXI века (Э. Бёрджесс, Ж. Сарамато, Н. Мейлер, Э. Шмитт). Филология и культура. 2017. С. 189–193.

⁵ Никитина Е. С. Понимание и интерпретация на материале одного библейского сюжета. Вестник МГЛУ. Выпуск 18 (704). 2014. С. 33–45.

типологию: поступок Иуды выступает как способ вынудить Христа объявить о своей божественности и разжечь народное восстание против римского гнета, разочарование Иуды в учении Христа, Божья воля, служба в качестве тайного агента Рима или синедриона, самопожертвование. Анализируя все версии, исследователь не касается вопроса о Церкви и даже не употребляет это слово в работе.

Таким образом, в современном литературоведении и филологии сюжет об Иуде и Христе рассматривается как самозамкнутый, поднимающий экзистенциальные вопросы и теологические проблемы, среди которых, однако, нет проблемы Церкви. Церковь при исследовании сюжета не рассматривается, выводится за рамки анализа, символически уничтожается.

Эта фигура умолчания о Церкви не удивительна в современном секулярном мире, где протестантские установки ряда европейских культур принимаются по умолчанию как очевидные для всякого, обладающего здравым смыслом. В секулярной постхристианской культуре считается само собой разумеющимся, что Церковь не имеет никакого отношения к истории Христа, образ Церкви как Тела Христова и как носительницы живого опыта богообщения отсутствует в литературе, литературоведении и массовой культуре современности. Борхес, известный своим вниманием к ведущим философским идеям XX века, уловил и этот аспект современной культуры, отразив его в рассказе о Рунеберге, где полная смена субъекта Божественной мистерии никак не затрагивает вопроса о Церкви и ее роли в нашем мире.

Спектр возможных экклесиологий

Отраженное в популярной художественной литературе понимание Церкви, ее сущности и роли в истории человечества представляет собой протестантскую экклесиологию, которая отличается от принятой в православии. Рассмотрим существующие виды христианской экклесиологии, эксплицируем экклесиологию Рунеберга в каждой предложенной им версии, покажем ее основные черты и найдем место этого учения в христианском богословии.

Экклесиология — это учение о сущности Церкви. Православный митрополит Антоний Сурожский, основываясь на святоотеческом

восприятию Писания и Предания, утверждал, что Церковь должна жить в Боге так, чтобы она могла сама написать Библию, исходя из собственного опыта, а не просто повторять и пересказывать другим библейские истории. Церковь не должна быть почтальоном, приносящим чужие письма. Церковь, ее верующие сами своей жизнью должны являть Бога, а не просто информировать, как о Боге сказано в Библии⁶.

В православном богословии в настоящее время существует две эkkлeсиологии — универсальная и евхаристическая, причём господствующей является универсальная. В протестантских течениях развивается евхаристическая эkkлeсиология, однако центральной идеей протестантизма является отрицание церкви как таковой и регулятивное требование к индивиду самому общаться с Богом, игнорируя предыдущий опыт любых сообществ верующих.

Универсальная и евхаристическая эkkлeсиологии восходят к первым векам христианства: универсальная эkkлeсиология сформулирована священномучеником Киприаном Карфагенским в III веке н. э., евхаристическая эkkлeсиология строится на посланиях святого Игнатия⁷.

В универсальной эkkлeсиологии Церковь выступает как общность вселенского масштаба, охватывающая все существующие местные церкви. И именно к ней относятся все атрибуты Церкви: святость, единство, кафоличность, апостольство. Богослов Николай Афанасьев показывает, что в универсальной эkkлeсиологии «местные церкви, как части Церкви универсальной, не обладают сами этими атрибутами; они обладают ими только через церковь универсальную, при условии, что они являются частью её»⁸.

Радикальное различие между универсальной и евхаристической эkkлeсиологией заключается в том, что такие атрибуты Церкви, как единство, святость, соборность, апостоличность оказываются принадлежностью конкретной церкви, а не Церкви вообще.

⁶ Антоний Сурожский, митрополит. Труды. М.: Практика, 2002. С. 959–960

⁷ Кагарлыкский А. Б. Евхаристический аспект единства церкви и критика абсолютизации ее иерархически-канонического принципа единства. Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44(2). С. 313.

⁸ Афанасьев Н. Н. Una Sancta. Православная община. 1966. № 34. С. 62–112. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslav-naya-obshina.ru/1996/no34/article/protopresviter-nikolai-fanasevuna-sancta/> (дата обращения: 03.01.2022).

Евхаристическая эkkлeсиология стала инструментом попытки трансформации Православия в постмодернистскую идеологию⁹. Анализ этой либерал-православной идеологии проводит А. В. Щипков. Исследователь показывает её структурное родство с протестантской цивилизационной интуицией о самодостаточном индивиде, которому служат все сложные идейные структуры в культуре и цивилизации. В рамках этой эkkлeсиологии каждая церковная община является самостоятельной, центр этой системы постоянно перемещается от одного элемента к другому, а координирующая вертикаль церковной власти отсутствует¹⁰.

Развитие западноевропейской интуиции о самодостаточном индивиде приводит к продолжению дробления сообщества верующих. Отрицание таинств в протестантизме сводит общение верующих к ритуалам, не имеющим мистической составляющей. Поэтому жизнь Церкви после Христа не имеет значения, опыт общения с Богом в Церкви игнорируется и тем самым символически уничтожается. Так элиминируется Предание из живого опыта богообщения и остается только изложение событий в Писании.

Лютер и Кальвин требовали основывать богословие на одном Писании (принцип *Solo Scriptura*). Предание в раннем протестантизме отвергалось. Как показывает К. А. Матаков, принцип *Solo Scriptura* оказался самопротиворечивым. Радикальное толкование Евангелия разными сектами привело к тому, что протестантам также пришлось опираться на какие-то авторитеты в толковании Библии¹¹. Так, в Лютеранской церкви наряду с писанием используется Книга Согласия, куда входят лютеранские символические тексты XVI века, в том числе и произведения самого Лютера. Отвергая католическое Предание, лютеране конструируют свое предание, и в результате конфликт разных христианских конфессий — это не конфликт Писания и Предания, а конфликт разных преданий. Однако, как показывает К. А. Матаков, «в православном случае речь идет об опыте богообщения

⁹ Щипков А. В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 105–106.

¹¹ Матаков К. А. Принцип *Sola Scriptura* в раннем протестантизме // Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 181.

в течение 20 веков, а в лютеранском значительная часть этого опыта до XVI века — категорически отвергается, ибо истинный опыт богообщения они начинают с Лютера»¹².

Внутренняя логика развития протестантской теологии приводит к тому, что нет никакой причины останавливаться на Лютере. Лютер отверг несколько веков общения с Богом в рамках церкви и начал с себя, и аналогично может поступить любой верующий. Принцип самостоятельного толкования Библии без опоры на Предание и общение в Церкви остался достоянием радикальных протестантских сект, однако в настоящее время он широко распространен как в протестантском религиозном, так и в секулярном постхристианском мире.

Принцип *Sola Scriptura* в современном секулярном обществе выражает игнорирование и отрицание общения с Богом в рамках какой бы то ни было церкви. Писание становится сборником сведений о событиях двухтысячелетней давности, которые касаются каждого человека не в силу мистической связи людей в Церкви и не в силу общения с Богом, действующим и в Евангелии, а в силу своей моральной значимости и обязательности для человека в качестве образцов поведения. Эти образцы нужно изучить и реализовать в своей жизни по мере своих сил. Человек, сделавший это, может верить, что он спасется, потому что правильно понял текст Писания и выполнил все требования. Опыт общения с Богом полностью для него закрыт.

Итак, протестантская эkkлeсиология есть разрушение эkkлeсии. Для верующего важно его личное понимание Писания, потому что никаких человеческих гарантий правильного толкования он принять не может, а общение с Богом в рамках Церкви полностью отрицает. Тем самым он отрицает и возможность общения Бога с ним самим, поскольку он всего лишь один из людей, прочитавших Писание, и ничем не отличается от остальных, с которыми, по его мнению, никакого богообщения не было. Таким образом, протестант остается не просто один на один с Богом — он остается один в мире в тщетной надежде когда-то общаться с Богом, но всех путей и средств к этому он лишен. Такой одинокий верующий, не имеющий оснований для своих надежд, и представляет собой протестантскую церковь как логическую возможность.

¹² Матаков К. А. Принцип *Sola Scriptura* в раннем протестантизме // Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 182.

Экклесиология Рунеберга у Борхеса

Посмотрим, какая экклесиология реализована в богословии Нильса Рунеберга, персонажа Борхеса. В рассказе «Три версии предательства Иуды» Рунеберг рассматривает поведение Иуды, исходя из своего собственного анализа Писания, то есть следуя принципу *Sola Scriptura*, как радикальный протестант.

В своей первой версии Рунеберг анализирует и отвергает земные мотивы предательства Иуды. Он показывает, что его поступок был излишним, ведь для опознания проповедника, который ежедневно выступает перед тысячами людей, не нужно было дополнительных указаний. Поскольку практический мотив отвергается, остается мотив религиозный, который Рунеберг воссоздает следующим образом: в ходе Воплощения Слово стало плотью, умалилось до человека, и поэтому нужен был равноценный шаг со стороны человека, нужна была равновеликая жертва, показывающая, что поступок Иисуса принят и оценен. Именно такой жертвой стало предательство Иуды, единственного, кто понял во всей полноте миссию Иисуса и сделал шаг навстречу, пожертвовав своей человечностью, как Иисус пожертвовал божественностью при Воплощении.

Как пишет в рассказе Борхес, эта идея была раскритикована теологами, прочитавшими книгу Рунеберга. Суть возражений сводилась к тому, что человеческая природа Христа не менее реальна, чем Божественная, и дело искупления человека совершалось самим Христом, а не другим человеком, который представлял бы всё человечество. Человечество представлено в самом Христе, и никаких других жертв Божественный замысел не предполагает.

Рунеберг развил свои идеи, согласившись с тем, что Иисус не нуждался в другом человеке для Искупления, и проблематизируя нравственный момент в поступке Иуды. Он писал, что Иуда был одним из апостолов, избранных самим Христом, владел даром проповеди, исцеления и воскрешения мертвых. Немыслимо предполагать корыстные мотивы у такого человека, поэтому Рунеберг предлагает свой мотив — гипертрофированный аскетизм. Обычный аскет жертвует радостями плоти ради Царства Небесного, а Иуда, взошедший на следующую ступень, жертвует радостями духа, отказавшись от любви, доброты, благородства, чести. Он полностью уничтожает себя

как личность, разрушает собственную душу ради того, чтобы приблизиться к Господу с помощью этой жертвы.

Критика этой идеи у Борхеса не приводится. Автор далее показывает, как она переросла в третью концепцию Рунеберга. Развивая идею жертвы, Рунеберг ищет идеальную жертву, соответствующую тяжести грехов всего человечества. Раз ради человечества нужно было пожертвовать собой, эта жертва должна быть безупречна, это должна быть самая тяжелая жертва, не посильная никому, кроме Бога. Рунеберг считает кощунством ограничивать всемогущество Божие и совершенство жертвы. Бог спас мир, пожертвовав не только своей человеческой жизнью, но и своей посмертной славой. Рунеберг, приходит к выводу, что ради Спасения Господь воплотился в Иуду. Страдания Иуды продолжаются до сих пор, его ненавидят и проклинают те люди, ради которых он принес себя в жертву. Это и есть настоящая Крестная Жертва, искупающая человечество.

Критика этой идеи также не приводится. Рассказывается, как Рунеберг почувствовал, что раскрыл тайну Бога, и будет уничтожен за это, как был уничтожен Валерий Соран, раскрывший истинное имя Рима. Рунеберг сошел с ума и умер от нервного истощения.

Итак, сюжет рассказа исчерпывается тремя концепциями Рунеберга, в которых дается его версия Искупления и Воплощения. Характерной чертой всех трех версий является непроработанная идея жертвы и ее юридическая трактовка, а также элиминация Воскресения из истории Воплощения. Проанализируем эти моменты и покажем, к какой экклесиологии они приводят.

Во всех трех версиях Рунеберга центральное место занимает категория жертвы. Рунеберг ищет жертву, соразмерную грехам человечества, жертву, способную искупить всё зло, причиненное людьми, согрешившими против Бога за всё время истории. При этом Рунеберг понимает жертву юридически, а такое понимание жертвы, как показал Поль Рикёр, господствует в западной философии, теологии и психологии благодаря блаженному Августину¹³.

Августину как преподавателю риторики, необходимой в судебных выступлениях, было в высшей степени свойственно юридическое

¹³ Рикёр П. «Первородный грех»: исследование значения / Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 336–358.

мышление, характерное для римской культуры, и потому его понимание жертвы стало ведущим в западно-христианском мире. Юридическое понимание жертвы требует, соответственно архаичному римскому мышлению, возмещения ущерба чем-то равноценным. Первородный грех, согласно Августину, есть преступление перед Богом, передающееся по наследству, как показывает Рикёр, квази-биологическим путем¹⁴. Это настолько всеобъемлющее преступление, что в нем виновны даже грудные дети. Как пишет Августин, младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей. Они яростно требуют молока матери, отталкивая других детей, что доказывает их испорченность первородным грехом¹⁵. Для искупления такого греха, затронувшего всех людей, требуется, согласно Рунебергу, равноценная жертва.

Концепцию равнозначной жертвы Рунеберг вырабатывает в ходе своей теологической работы. В первой его версии Иуда приносит себя в жертву для демонстрации того, что жертва Иисуса понята и принята. Во второй версии Иуда жертвует своей душой, переходя на новый уровень самопожертвования. В третьей версии Иуда сам становится искупителем, чья жертва растянута на тысячелетия, и потому становится равноценным юридическим возмещением первородного греха.

Итак, искупительная жертва понимается юридически, как возмещение за ущерб, причиненный поступком Адама. В чем конкретно состоял этот ущерб и кому он был причинен, является предметом дебатов. Не оговаривая этого эксплицитно, Рунеберг считает, что равноценная жертва заключается только в страдании. Он не видит в истории Искупления иного смысла, помимо страдания Иисуса. Многократно увеличивая это страдание, Рунеберг приходит к своей концепции предательства Иуды как первого шага на пути к бесконечному страданию, которое должно искупить первородный грех.

Во всех трех версиях Рунеберга полностью игнорируются такие части евангельского сюжета как Воскресение и создание Церкви. Воскресение для Рунеберга не существует. Земная миссия Сына

¹⁴ Там же. С. 343–345.

¹⁵ *Блаженный Августин. Исповедь* / Научное издание. Серия «Литературные памятники». СПб.: Наука, 2013. С. 10.

Божия сводится к страданию, не имея других плодов. Живое общение верных между собой и с Богом элиминируется в его концепции, более того, даже догадка об успехе Воплощения является преступлением и карается смертью. Церковь как сообщество верных в мире отсутствует. Важно лишь индивидуальное общение с Богом, проявляющееся в односторонней догадке о сущности Воплощения, которая нарушает волю Бога и приводит к смерти.

Альтернатива экклесиологии Рунеберга в православии

Однако в восточном христианстве в то же время разрабатывалась и другая концепция первородного греха и соответственно искупительной жертвы, центральной категорией которой было именно Воскресение. Это учение о первородном грехе приводит к соответствующей экклесиологии, к которой мы сейчас и обратимся.

В восточном христианстве первородный грех означает не только моральное зло, но и физическую смерть. Причастность младенцев первородному греху выражается в том, что они тоже смертны. Как показывает А. В. Карташев на основании идей Игнатия Антиохийского, Иисус не просто учитель знания, он спаситель от смерти: «Сообщаемый Христом истинный *γνώσις* не есть только «учение о нетлении», но и самый факт нетления. Он свою плоть через смерть привел к нетлению и для верующих в это спасительное значение его смерти и воскресения преподавал евхаристию как «лекарство бессмертия». Евхаристия — это «лечебное средство, чтобы не умереть!» Вот как реалистически понимается искупление и спасение — это новое миротворение!!!»¹⁶. Эту линию святого Игнатия продолжали Ириней Лионский и Афанасий Александрийский, а окончательное воплощение она нашла в формулировках Вселенских соборов¹⁷.

Таким образом, Воскресение является важной частью Воплощения: это свидетельство того, что Иисус победил смерть, равную греху, и может дать бессмертие тем, кто в него уверует. Цель Иисуса — конкретное, живое, не только спиритуальное спасение всего человека в

¹⁶ *Карташев А. В.* Вселенские соборы. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselenskie-sobory/1_1 (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁷ Там же.

целом, как душевной, так и телесной его составляющей. Сообщество уверовавших и стремящихся к спасению и есть Церковь. Церковь возможна после Воплощения и Воскресения как живое общение верующих с Христом, даровавшим людям жизнь вечную.

Рассмотренное представление о Воплощении и Воскресении порождает православную еклесиологию, а отрицание этих моментов приводит человека к одинокому противостоянию с обезбоженным миром. Именно это и случилось с Рунебергом. В своих умозаключениях он использовал протестантский принцип *Sola Scriptura*, в своем толковании Писания он игнорировал идею Воскресения и понимал жертву только как бессмысленное страдание. Также Рунеберг символически уничтожил Церковь как живое общение верующих между собой и с Богом — эта идея совершенно не занимает его мысли и не играет роли в его интеллектуальных конструкциях. Отрицая опыт Церкви и опираясь только на Писание, Рунеберг не имеет никакого критерия для оценки своих построений, кроме логической возможности, вытекающей из его понимания жертвы.

Заключение

Таким образом, в рассказе Борхеса богослов Рунеберг развивает протестантские идеи об опоре только на Писание (принцип *Sola Scriptura*) и собственное понимание Писания. Принцип *Sola Scriptura* отрицает авторитет Церкви и возможность живого богообщения в рамках Церкви. Рунеберг понимает жертву Христа не как примирение человека с Богом и спасение мира от смерти, а как бессмысленное страдание, направленное на юридическое возмещение за первородный грех. Отрицая возможность богообщения в Церкви, Рунеберг лишает этой возможности и себя самого. В его концепции Бог не преобразовывает мир своим Словом и своей Церковью, а скрывает правду от людей, поскольку Искупление происходит не путем общения каждого человека к реальной зримой Церкви, дающей жизнь, а путем таинственных скрытых взаимозачетов за кулисами мироздания. Итак, Рунеберг в своих теориях о месте Иуды в истории Искупления символически уничтожил Воскресение и создание Церкви, а также живое богообщение в Церкви, утвердив тем самым радикальную протестантскую еклесиологию.

Источники

1. *Блаженный Августин. Исповедь* / Научное издание. Серия «Литературные памятники». СПб. : Наука, 2013. 376 с.
2. *Борхес Х. Л. Три версии предательства Иуды* / Собрание сочинений : в 4 т. / Хорхе Луис Борхес; [сост., предисл. и примеч. Б. Дубина]. Т. 2: Произведения 1942–1969 годов. 2-е изд., стер. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2011. С. 186–191.

Литература

1. *Антоний Сурожский, митрополит. Труды*. М.: Практика, 2002. 1002 с.
2. *Афанасьев Н. Н. Una Sancta*. Православная община. 1966. № 34. С. 62–112. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslav-naya-obshina.ru/1996/no34/article/protopresviter-nikolai-fanasevuna-sancta/> (дата обращения: 03.01.2022).
3. *Кагарлыкский А. Б. Евхаристический аспект единства церкви и критика абсолютизации ее иерархически-канонического принципа единства*. Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44(2). С. 312–317.
4. *Карташев А. В. Вселенские соборы*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vselsenskie-sobory/1_1 (дата обращения: 03.01.2022).
5. *Матаков К. А. Принцип Sola Scriptura в раннем протестантизме* // Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 179–182.
6. *Назмиева А. А., Несмелова О. О. Образ Иуды в мировой литературе конца XX – начала XXI века* (Э. Бёрджесс, Ж. Сарамаго, Н. Мейлер, Э. Шмитт). Филология и культура. 2017. С. 189–193.
7. *Никитина Е. С. Понимание и интерпретация на материале одного библейского сюжета*. Вестник МГЛУ. Выпуск 18 (704). 2014. С. 33–45.
8. *Рикёр П. «Первородный грех»: исследование значения* / Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М. : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 336–358.
9. *Флай В. Синдром Иуды. Мгновения жизни*. 2007. № 3. С. 179–184.
10. *Щипков А. В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия*. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021. 464 с.

Полина Павловна Ткачёва¹

Мотив иконы и света в диптихе Владимира Высоцкого «Очи черные»

В данной работе раскрывается принцип построения диптиха «Очи черные» (первая часть: «Погоня», вторая часть: «Старый дом»), основанный на противостоянии света и тьмы. Рассматриваются как исполняемые, так и черновые варианты, позволяющие проанализировать работу автора над текстом.

Ключевые слова: икона, свет, мотив, христианство, рукопись, творчество, Высоцкий

Введение

Объектом исследования данной работы является диптих В.С. Высоцкого «Очи черные». Предмет исследования – роль мотива света в «Погоне» (первой части диптиха «Очи черные») и роль мотива иконы и света в «Старом доме» (во второй части диптиха «Очи черные»).

Цель исследования — показать принцип построения диптиха «Очи черные», основанный на противостоянии света и тьмы. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать основные представления о свете, использованные В.С. Высоцким в данном произведении; 2) рассмотреть основные особенности использования мотива света и иконы в данном произведении; 3) оценить насколько соответствует представленный мотив поиска света в произведении «Очи черные» картине подобного поиска в литературном опыте прошлого (для чего проведена параллель между представлениями данного мотива в диптихе В.С. Высоцкого «Очи черные» и в произведении С.А. Есенина «Пугачев»).

Теоретико-методологическими основами исследования являются культурно исторический и типологический методы в сочетании с лингвопоэтическим анализом текстовой структуры.

Несмотря на то, что произведения В.С. Высоцкого относятся ко второй половине XX века, и говорить о мотивах тем или иным

¹ **Полина Павловна Ткачёва** – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-фондового отдела ГБУК г. Москвы «Государственного музея Владимира Высоцкого». Адрес для корреспонденции: polina.los@yandex.ru.

образом, ассоциирующихся с христианством в литературе данного периода довольно сложно, это связано с социально-политическими особенностями жизни СССР. Однако именно в творчестве В.С. Высоцкого данные мотивы активно присутствуют. Что отмечалось рядом исследователей, например, таких как С.В. Свиридов (««Райские яблоки» в контексте поэзии В. Высоцкого»), С.Г. Шулежкова (««Мы крылья и стрелы попросим у бога...». Библейские крылатые единицы в поэзии В. Высоцкого»), А.Б. Сёмин («О «Райских яблоках»»), Н.В. Волкова («В гости к Богу не бывает опозданий...») и др. Между тем актуальность данного исследования заключается в том, что именно тема мотива иконы и света в диптихе В.С. Высоцкого «Очи черные» не была разработана в научных исследованиях, посвященных христианской тематике в творчестве В.С. Высоцкого и на данный момент малоизучена.

Результаты исследования

В 1974 году В.С. Высоцкий на попавших под руку бланках югославской гостиницы «Святой Стефан» пишет вначале черновой вариант диптиха «Очи черные»², а затем переписывает набело³, разбивая при этом весь текст на десять частей, но не отделяя первую и вторую песни. В исполнении же произведение «Очи черные» делится на две песни: первая – «Погоня» и вторая – «Старый дом». Несмотря на то, что «Погоня» (с некоторыми правками) звучит в авторском исполнении в кинофильме «Единственная» (1975 г., режиссер И. Хейфиц), а часть «Старый дом» в 1976 г. «предназначалась автором в к/ф «Емельян Пугачев», в который Высоцкий пробовался на главную роль»⁴, обе части составляют единое целое и, судя по рукописным вариантам, были задуманы и написаны вместе. Вместе они прозвучали и на концерте в Москве в Издательстве «Мысль», который состоялся 3 октября 1974 года, вот, что В. Высоцкий говорит, предваряя исполнение: «Я спою вам новую песню, которая называется... Это в двух сериях песня. Первая серия называется «Очи черные, или Кони»...»⁵

² Архив Высоцкого РГАЛИ, ф 3004, оп. 1, ед.хр. 11, л.5, л 5 об., л. 6.

³ Архив Высоцкого РГАЛИ, ф 3004, оп. 1, ед.хр. 11, л.4, л 4 об.

⁴ *Высоцкий В. С. Сочинения* : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 624.

⁵ Архив ГКЦМ В.С.Высоцкого КП 8324/3

Исходя из вышесказанного мы будем анализировать две эти песни как единое целое.

Прежде чем приступить к анализу мотива иконы и света в творчестве В.С. Высоцкого, следует, на наш взгляд, дать определения мотива. Мотив — один из структурных элементов текста, повторяющаяся деталь, образный оборот, интонация, возникающие как способ характеристики персонажа, положения, переживания. Часто мы можем говорить об особой роли мотива в организации второго, «тайного смысла произведения, другими словами, – подтекста, подводного течения»⁶. Говоря о творчестве В.С. Высоцкого, следует отметить, что в его произведениях существует кроме основного смысла, еще целая серия подтекстов, явно и не явно выраженных мотивов, поскольку его произведения легки для восприятия, но сложны для понимания. Свет жизни для В.С. Высоцкого связан прежде всего с духовной жизнью, и икона один из основных символов этой жизни, мотив иконы и света звучит в произведении «Очи черные».

В первой части главный герой (имя которого неизвестно) «во хмелю слегка» правил лесом, бесшабашно прожигал жизнь, не задумываясь о последствиях. И даже когда кони несли его в неизвестном направлении, ему было все равно, он продолжал пить и петь «Очи черные»:

То плелись, то неслись, то трусили рысцой.
И болотную слизь конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу вместе с грязью слюну,
Штофу горло скручу — и опять затяну:
«Очи черные!»⁷.

Мрачные краски сгущаются: стена леса, дождь, напряжение растет, появляются волки, причем это все так неожиданно для героя и так логично и ожидаемо для читателя. Буря усиливается, нарастает, все закручивается в водоворот, и в этом черном водовороте уже трудно разобрать, где есть что:

Храп, да топот, да лязг, да лихой перепляс —
Бубенцы плясовую играют с дуги.

⁶ Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 594.

⁷ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 461.

Ах вы кони мои, погублю же я вас, —
Выносите, друзья, выносите, враги!⁸.

Сколько длится данное путешествие сказать сложно, в исполняемом варианте нет об этом упоминаний, но зато в черновике мы находим вариант, отброшенный в последствии автором:

Я семь дней сл деньков слегка
правил
7 дней, 7 ночей лесом ехал и я⁹

Как видно из процитированного, длилось путешествие в первоначальных замыслах автора неделю. Следует так же сказать, что отдано этот черновой текст напоминает Есенинские строки из монолога Хлопуши:

Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой
Слава ему! Пусть он даже не Петр!
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождей обмолачивал¹⁰.

Путешествие каторжника Хлопуши длится три дня и три ночи (у В.С. Высоцкого семь дней, семь ночей). Оба героя совершая свое путешествие сталкиваются со стихиями ветра, дождя.

Хлопуша пеший, его стихия нагоняет в дороге, и герой в нее погружается:

Ветер волосы мои, как соломѹ, трепал
И цепами дождей обмолачивал¹¹.

Герой «Погони» мчит на лошадях, сам подобен вихрю, дождь и волки сопровождают его:

⁸ *Высоцкий В. С.* Сочинения : в 2 т.. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 462.

⁹ Архив Высоцкого РГАЛИ, ф 3004, оп. 1, ед.хр. 11, л.5.

¹⁰ Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 27.

¹¹ Там же.

Дождь — как яд с ветвей —
 Не добром пропах.
 Пристяжной моей
 Волк нырнул под пах¹².

Оба путешествия объединяет и еще один мотив, мотив поиска света. Есенинский Хлопуша стремится к Пугачеву, как к спасению, в этой встрече он видит свет:

Проведите, проведите меня к нему,
 Я хочу видеть этого человека¹³.
 Герой В.С. Высоцкого тоже ищет свет:
 Лес стеной впереди — не пускает стена, —
 Кони прядут ушами, назад подают.
 Где просвет, где прогал — не видать ни рожна!
 Колют иглы меня, до костей достают¹⁴.
 И этот же текст, но в черновой рукописи:
 Лес стеной впереди, волчий вой на слуху
 Кони прядут ушами, назад подают
 Ни просветов кругом, ни прогалов вверху
 Колют иглы с ветвей меня, до костей достают¹⁵

Между черновым вариантом и исполняемым небольшое различие, фраза «где просвет, где прогал — не видать ни рожна» изначально выглядела «не просветов кругом, ни прогалов вверху», что же изменилось? Динамика, если в черновом варианте герой, то озирается кругом в поиске света, то подымает глаза вверх, в надежде увидеть хоть там свет, то в конечном варианте он так захвачен полетом, что в его сознании слилось воедино все, лишь бы свет был и уже не важно где.

Оба автора рисуют путешествия своих героев мрачными красками. Но в цветовом соотношении есть разница. У С.А. Есенина цветовая палитра разнообразна, здесь и серо-черный («Тучи с севера сыпались каменной грудой»), и соломенно-желтый («Ветер волосы мои, как

¹² *Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т.. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 462*

¹³ *Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 27.*

¹⁴ *Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т.. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 461.*

¹⁵ *Архив Высоцкого РГАЛИ, ф 3004, оп. 1, ед.хр. 11, л.5.*

солому, трепал / И цепами дождей обмолачивал») и красный с белым, причем именно эти два последних цвета видит герой перед встречей с Пугачевым:

Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека¹⁶.

Сквозь тьму герой желает видеть свет, рассвет красный и белый свет, цвет крови и молока, символов жизни.

У В.С. Высоцкого герой полностью погружен в черный цвет, он ищет свет, он жаждет его как спасение, но не видит. И лишь в песне героя ассоциативно есть намек на белое, потому что герой поет «Очи черные», и мы видим черное око, но глазное яблоко белое.

Интересен, на наш взгляд, и тот факт, что оба героя сливаются со стихией, перевоплощаются. Есенинский Хлопуша, рыщет в поисках дороги, в поисках истины, перевоплощаясь сначала в зверя:

Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу...

Затем и вовсе сливается с природой, с пшеничным полем:

Ветер волосы мои, как соломѹ, трепал
И цепами дождей обмолачивал¹⁷

Герой В.С. Высоцкого тоже прямо на глазах сливается со стихией дождя ветра, несущихся коней и волков. И все это вместе как единое целое летит по черному беспросветному туннелю. Причем полет настолько стремительный, что:

...От погони той	В хлопьях пены мы —
Даже хмель иссяк.	Струи в кряж лились, —
Мы на кряж крутой —	Отдышались, отхрипели
На одних осях,	Да откашлялись... ¹⁸

¹⁶ Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 27.

¹⁷ Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 27.

¹⁸ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 462.

Кони вихрем несутся во мраке и..., вдруг все стихает, перед нами — «Старый дом». Метаморфоза превращения. Погоня окончена, главный герой попадает не просто в «старый дом», который, кстати, «погружен во мрак». Здесь все напоминает саму преисподнюю:

Что за дом притих,
 Погружен во мрак,
 На семи лихих
 Продувных ветрах,
 Всеми окнами
 Обратись в овраг,
 А воротами —
 На проезжий тракт?¹⁹

Последние четыре строки «всеми окнами обратись в овраг, а воротами — на проезжий тракт» напоминают сказочное обращение: «избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом», и это опять-таки наталкивает нас на мысль о заколдованности, необычности этого места. Если в первой части (в «Погоне») главный герой один на один со стихией (и лишь кони и волки присутствуют в качестве символов этой же стихии), то во второй части (в «Старом доме») герой встречается не просто с людьми, а с «народишком», причем эту встречу вряд ли можно назвать удачной:

В дом заходишь как
 Все равно в кабак,
 А народишко —
 Каждый третий — враг.
 Своротят скулу,
 Гость непрошенный!
 Образа в углу —
 И те перекошены²⁰ [29, с. 164].

Но этого недостаточно: В. Высоцкий усиливает образ «народишка» при помощи введения образа «припадочного малого» (уже в самом этом определении данного героя заложен смысл — сделаю, что захочу, и отвечать не буду):

¹⁹ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. Песни — С. 462-463.

²⁰ Там же. С. 463.

И припадочный малый — придурок и вор —
Мне тайком из-под скатерти нож показал²¹.

Для самих обитателей «старого дома» вся их жизнь совершенно нормальная. Когда же главный герой начинает выяснять причину такой темной, мрачной жизни, он получает ответ:

Траву кушаем,
Век – на щавеле,
Скисли душами,
Опрыщавели,
Да еще вином
Много тешились, –
Разоряли дом,
Дрались, вешались»²².

Почему же такая жизнь? В чем причина? Ответ лежит на поверхности. Потому, что пол в этом доме «покат», здесь не поют, а «стонут», дерутся, вешаются, здесь душа «взаперти», здесь много «тешатся» вином. И все это — нормально для этого дома, его обитатели не понимают (или и не хотят понимать?), чего хочет главный герой, что он ищет! Их ответ: «Мы всегда так живем». Жили, живем, и будем жить:

Долго жить впотьмах
Привыкали мы.
Испокону мы —
В зле да шепоте,
Под иконами
В черной копоти»²³.

Но вот вопрос, в каком месте всегда темно, где это нормально? В темном мире преисподней. Для этого темного места это норма. Путь в преисподнюю лежит через действия, совершаемые или не совершаемые человеком (один из философских смыслов, заложенных в данное произведение). Если править страной «во хмелю слегка»,

²¹ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т.. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 463.

²² Там же.

²³ Там же. С. 464.

если лететь, не разбирая дороги, не задумываясь, что впереди, если все равно, что «пол покат», а драться и вешаться — это нормально, то станет темно, навсегда темно. Для изображения данного места автор пользуется только черной краской, герой ищет свет (неумолимое желание света), просит указать ему «край, где светло от лампад»²⁴ (лампада — еще один символ веры), но здесь нет такого места. Да и не может быть (на это автор указывает еще в самом начале второй части) — героя в старом доме встречает тень: «никого — только тень промелькнула в сеньях» (еще один штрих мрачного потустороннего мира).

Мотив дома, вернее избы есть и в «Пугачеве» С.А. Есенина, но выглядит все несколько иначе. Люди так сроднились со своими домами («вросли ногами крови в избы»), что им тяжело от них оторваться, хоть жизнь стала невыносимо тяжелой:

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого что стоит трава на корячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы²⁵.

Между тем мятеж неизбежен. Здесь тоже появляется оружие, если у В.С. Высоцкого в «Старом доме», как уже говорилось выше — это нож, то в «Пугачеве» и ножи, и пушки, и пистолеты:

²⁴ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 464.

²⁵ Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 8.

Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты²⁶.

Сам Пугачев сравнивает окружающих его людей со зверями:

Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной душой,
Тот медведь, тот лиса, та волчица,
А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки²⁷.

Таким предстает в «Пугачеве» измученный, доведенный до крайности (до мятежа) народ. Хлопуша добирается до стана бунтовщиков и вливается в его ряды, он предлагает хитроумный план:

Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки лют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откладывая,
Всех крестьян в том краю взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно медлить,
Гнев рабов — не кобылий фырк...²⁸

Но ни все старания Пугачева, ни смелость Хлопуши, ни отвага мятежников не помогли. Мятеж подавлен, Хлопуша гибнет. Он искал свет, но нашел гибель.

Герой В.С. Высоцкого тоже сталкивается с сложной ситуацией, понимая, что пришла гибель, он бросается к своим лошадям:

²⁶ Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 14.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Есенин С.А. Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – С. 31.

И из смрада, где косо висят образа,
 Я башку очертя гнал, забросивши кнут,
 Куда кони несли да глядели глаза,
 И где люди живут, и — как люди живут²⁹.
 Он пытается вырваться из темноты на свет.

В этом произведении икона не просто символ света, это, прежде всего, отношение к иконе в старом доме, а это отношение к иконе тьмы, здесь икона играет смыслообразующую и сюжетообразующую роль. Автор трижды подчеркнуто обращает внимание на иконы (причем даже уже в черновом варианте³⁰). Первый раз, когда герой попадает в дом:

В дом заходишь как
 Все равно в кабак,
 А народишко —
 Каждый третий — враг.
 Своротят скулу,
 Гость непрошенный!
Образа в углу —
И те перекошены³¹.

Второй раз, когда герой пытается выяснить, что же здесь произошло:

Долго жить впотьмах
 Привыкали мы.
 Испокону мы —
 В зле да шепоте,
Под иконами
В черной копоти»³².

Интерес представляет последняя фраза: «под иконами в черной копоти». Что означает она? В своем исследовании «Умозрение в красках» часть III «Россия в ее иконе» Е.Н. Трубецкой писал: «Наши предки не умели чистить икон, а потому, когда иконы покрывались копотью,

²⁹ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 464.

³⁰ Архив Высоцкого РГАЛИ, ф 3004, оп. 1, ед.хр. 11, л. 6.

³¹ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 463.

³² Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 464.

их «записывали», т. е. просто-напросто писали заново по старому рисунку, иногда даже меняя его контуры, или просто-напросто бросали как негодную ветошь. <...> Только недавно, лет пятнадцать тому назад, наши художники начали «чистить» иконы, т. е. освобождать древние краски от насевшей на них копоти и от позднейших записей.

Недавно мне пришлось быть свидетелем такой «чистки» у И.С. Остроухова. Мне показали черную как уголь, на вид совершенно обуглившуюся доску. Вопрос, что я на ней вижу, поставил меня в крайнее затруднение: при всем моем старании я не мог различить в ней никакого рисунка и был чрезвычайно удивлен заявлением, что на иконе изображен сидящий на престоле Христос. Потом на моих глазах налили немного спирта и масла на то место, где, по словам художника, должен был находиться лик Спасителя, и зажгли. Затем художник потушил огонь и начал счищать размягчившуюся копоть перочинным ножиком. Вскоре я увидел лик Спасителя, древние краски оказались совершенно свежими и словно новыми»³³.

Исходя из этого, иконы просто забыли, их не чистили, не записывали заново. Или это были иконы, выхваченные из горящего костра, в котором жгли иконы, и копоть взялась на них отсюда? Но если все же спасли, почему потом забыли?

Про иконы автор упоминает в третий раз, когда герой понимает, что это нечистое место нужно немедленно покинуть:

И из смрада, где **косо висят образа**,
Я башку очертя гнал, забросивши кнут,
Куда кони несли да глядели глаза,
И где люди живут, и — как люди живут³⁴ [29, с. 166].

Таким образом, автор трижды обращается к мотиву иконы: при появлении героя в «Старом доме», при его попытке понять этот «Старый дом», и наконец, когда герой вырывается из «Старого дома» в поисках света. То, что иконы есть в «Старом доме» говорит, на наш взгляд, о том, что «Старый дом» не всегда был таким. А вот состояние самих икон говорит о состоянии души обитателей данного дома.

³³ Трубецкой Е.Н. Россия в ее иконе. https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/rossija-v-ee-ikone/ (дата обращения 19.01.2022).

³⁴ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 464.

Заключение

Подведем итог сказанному. Две части произведения «Очи черные» составляют по авторской задумке единое целое, в первой части свет закрыт от глаз героя пеленой, он летит по совершенно темному тоннелю, «лес стеной» — все, что герой может даже не разглядеть, а лишь почувствовать («Где просвет, где прогал — не видать ни рожна... / Лес стеной впереди — не пускает стена... / Колют иглы меня, до костей достают»³⁵ или из другого варианта «Темень, как пелена застилает глаза»³⁶). Здесь у героя появляется желание увидеть свет, но даже когда наконец его путешествие завершается, и перед ним появляется старый дом, герой не находит и здесь света, а лишь отдаленное напоминание, что свет когда-то здесь был (это появляющиеся перед взором героя старые иконы). Мотив света и мотив иконы переплетаются во второй части, поиск света приводит героя к выводу, что нужно бежать из этого дома туда, «где светло от лампад»³⁷. Это сложное по философской наполненности произведение, написано автором о России. Он сам об этом говорил во время одного из своих выступлений³⁸: «Это вопрос хороший и очень серьезный — мое отношение к России, Руси, к ее достоинствам и, конечно, недостаткам. Это вопрос, в общем, это не вопрос — это тема, над которой я вот уже двадцать лет работаю своими песнями. Поэтому, если вы действительно хотите узнать мое отношение — постарайтесь как можно больше собрать песен. И вот сейчас я хочу вам показать одну песню, в которой, может быть, будет частично ответ на ваш этот довольно серьезный вопрос. Вот. Ну, если говорить примитивно — я люблю все, что касается ее достоинств и не принимаю все, ненавижу многое, что касается недостатков и так далее. Теперь я хочу вам спеть песню, которая называется «Песня о старом доме». Песня эта должна была звучать в фильме «Пугачев», в который я писал. Но так как я сегодня пошел вот по своим несостоявшимся вещам... Это вторая часть

³⁵ Там же. С.461.

³⁶ Архив ГКЦМ В.С.Высоцкого КП 8246/20.

³⁷ *Высоцкий В. С. Сочинения* : в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – С. 464.

³⁸ *Тюрин А.И. Владимир Высоцкий в МГУ: Воспоминания.* – 2-е изд., перераб. – М. : МАКС Пресс, 2014. – С. 49.

песни «Погоня», которая звучала в фильме «Единственная». Так она называется «Ба... Старый дом»³⁹.

Мы позволили себе провести параллель между двумя довольно разными произведениями («Пугачев» С.А. Есенина и «Очи черные» В.С. Высоцкого), написанными в разное время, но объединенными одной темой, темой России. Тема России в обоих произведениях перекликается с темой путешествия—поиска: поиска света, поиска истины, поиска будущего. Да и по напряжению, движению, слиянию с природными стихиями, по контрасту цветов эти произведения имеют общие грани соприкосновения. И в смысловом плане «Очи черные» как и «Пугачев» написаны, на наш взгляд, о стремлении к будущему, через сложности осмысления прошлого и настоящего. Как уже было сказано, произведения написаны в разное время, «Пугачев» в начале XX века (1922 год), а «Очи черные» это уже вторая половина XX века, отсюда, на наш взгляд, и разное цветовое представление действительности, у С.А. Есенина доминирующими цветами являются красный и белый (именно эти цвета (крови и молока — символов жизни), как уже говорилось выше, видит Хлопуша перед встречей с Пугачевым, а у В.С. Высоцкого черный и белый (цвета смерти и жизни). У С.А. Есенина нет ответа на вопрос: что же впереди? (Ведь произведение заканчивается подавлением восстания). А у В.С. Высоцкого есть: и ответ неутешителен — впереди мрак.

«Очи черные, скатерть белая?!» — этой фразой заканчивается произведение. Что хотел сказать этой фразой автор, поставив ее как заключительный аккорд? Черные очи, словно черные окна «старого дома», смотрят вслед главному герою. Все, что произошло с ним, отрезвило его. Главный герой, прошедший через черное (преисподнюю), уже не тот, каким мы его встретили в начале произведения, когда ему было все равно, что он глотает «вместе с грязью слюну». В его жизни появилось сильное желание света — он прозрел. Белая скатерть — новый путь героя, по которому надо идти (жить — писать с чистого, белого листа, писать набело). Главное теперь — не оставить черных следов на белой скатерти.

³⁹ Архив ГКЦМ В.С.Высоцкого КП7845

Источники и литература

1. Архив Высоцкого РГАЛИ, ф 3004, оп. 1, ед.хр. 11, л. 4, л. 4 об., л.5, л 5 об., л. 6.
2. Архив ГКЦМ В.С.Высоцкого КП 6274, КП 7845, КП 706/4 (Театр.1987. № 5), КП 8246/20.
3. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ-Пресс. Е.Н.Телия. 2008 . На сайте: phrase_dictionary.academic.ru, (дата обращения 07.11.2016).
5. *Высоцкий В. С.* Сочинения : в 2 т.. М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. Песни – 639 с.
6. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература. Т. 4 (книга 1). – М.: Христианская литература, 2004. – 512 с.
7. *Есенин С.А.* Пугачев. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1995. – 62 с.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
9. Мифология: энциклопедия. – М: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008. – 736 с.
10. *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов. – URL: <http://www.pushkinskijdom.ru> (дата обращения: 03.03.2016).
11. *Ткачева П.П.* Формирование инновационных сатирико-юмористических жанров. – Минск: БГУ, 2013. – 243с.
12. *Ткачева П.П.* В.С. Высоцкий – поэт: в творческой лаборатории мастера. М.: Летний сад, 2019. – 272 с.
13. *Трубецкой Е.Н.* Россия в ее иконе https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/rossija-v-ee-ikone/ (дата обращения 19.01.2022).
14. *Тюрин А.И.* Владимир Высоцкий в МГУ: Воспоминания. – 2-е изд., перераб. – М. : МАКС Пресс, 2014. – 216 с.

Елена Леонидовна Сузрюкова¹

Семантика образа хлеба в романе П.П. Дедова «Светозары»

В статье анализируется семантика образа хлеба в романе-трилогии сибирского писателя П.П. Дедова. Название текста произведения на смысловом уровне сопряжено с образом хлеба: «светозары» – это зарницы, появляющиеся тогда, когда зреет хлеб. Несмотря на то что в романе П. Дедова говорится о созревании хлебных колосьев в буквальном смысле, евангельский контекст по отношению к хлебу здесь присутствует в рассуждениях повествователя о том, что «не хлебом единым жив человек». Пшеница, как и хлеб, связана в сюжете романа-трилогии с нравственным испытанием для героев и со смыслом выживания в трудные военные и послевоенные годы.

Ключевые слова: П.П. Дедов, роман «Светозары», семантика, художественный образ, хлеб.

Введение

Цель настоящей работы — рассмотреть семантику образа хлеба на материале романа П.П. Дедова «Светозары». Методологию представленной статьи составляют аналитико-описательный, структурный и отчасти сравнительно-сопоставительный методы, что необходимо для системности и целостности исследования. Предметом изучения послужил текст романа-трилогии П.П. Дедова «Светозары». Материалы, касающиеся истории создания романа, в особенности черновики, мы не привлекаем к анализу в данной работе, поскольку отдельно они не были опубликованы. Актуальность исследования определяется малой степенью изученности творчества П.П. Дедова, которое вписывается в традицию как поствоенной литературы, так и «деревенской» прозы XX века, и в настоящее время может стать одним из источников осмысления процессов, происходивших в XX веке и получивших свое отражение в русской литературе. Кроме того, язык и образный мир в произведении сибирского писателя самобытны, а потому ввести их в обиход читателей и исследователей представ-

¹ **Елена Леонидовна Сузрюкова** – кандидат филологических наук (НГПУ); доцент кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии. Адрес для корреспонденции: Обь, ул. Военный городок, д.127, кафедра гуманитарных дисциплин, sellns@mail.ru.

ляется нам необходимым. Заметим, что работы, посвященные творчеству П.П. Дедова, весьма немногочисленны: это единичные статьи, в которых анализировались главным образом исторические темы, запечатленные в прозаических текстах писателя (депортация калмыков в Сибирь (Р.М. Ханинова²), а также одно из центральных исторических событий XX века, так или иначе коснувшееся жизни всего населения огромной страны, — Великая Отечественная война) (Е.Л. Сузрюкова³). Настоящее исследование представляет собой анализ именно художественного плана изображения, что, по нашему мнению, может стать одним из первых шагов на пути изучения поэтики дедовских произведений. Тема данной работы еще не становилась предметом отдельного изучения.

Результаты исследования

Петр Павлович Дедов (1933–2013) — писатель, в произведениях которого нашла отражение его малая родина — сибирское село, затерявшееся в просторах Кулундинских степей. Стихи — то, с чего начал автор свой творческий путь, затем он перешел к прозе, в которой, однако, в достаточной мере ощутимо присутствие лирического начала. Основная тема его книг — детство, юность и взросление героя в военное и послевоенное время. В романе «Светозары», занимающем важнейшее место в творчестве П.П. Дедова, эта тема воплощена в полной мере.

В трилогии П.П. Дедова «Светозары», посвященной детству, отрочеству и началу молодости главного героя — Сергея Прокосова, от лица которого ведется повествование и в котором проступают автобиографические черты самого прозаика, изображается, как пишет Н. Яновский, «жизнь сибирской деревни, жизнь крестьянства за десятилетие сороковых годов»⁴. Первые две части трилогии были опу-
 б-

² Ханинова Р.М. Калмыцкое детство в ссылке глазами ребенка: рассказы П.Дедова и Л. Кошиль / Филологическая регионалистика. Тамбов, 2015. №1–2 (13–14). С.16–21.

³ Сузрюкова Е.Л. Тема Великой Отечественной войны в романе П. Дедова «Светозары» / Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редкол.: А.А. Николаев (отв. ред.), М.А. Семёнов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: Изд-во «Параллель». 2020. С. 82–89.

⁴ Яновский Н. Трилогия Петра Дедова «Светозары» / П.П. Дедов Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 3.

ликованы в книге под названием «Страда», и такая номинация отражает вехи деревенского быта, связанного, помимо всего прочего, с севом и уборкой пшеницы, из которой потом будет выпекаться хлеб.

Название «Светозары», кроме световой семантики, сопряжено со смыслом поры созревания хлебов: «<...> В такое время, когда живыми соками земли наливается хлебный колос, и начинают ночами полыхать над степью далекие зарницы, или светозары, как называют у нас. Слово-то какое: све-то-зары! Само собою, ничего не обозначая, и то алмазом светится. А ведь оно, видно, вобрало в себя и понятие зрелость (зреют хлеба), и озарение (сплохи в ночи), и зарницу, и саму зарю»⁵. Сопряжение образов света и хлеба присутствует в христианской культуре. Слово «светозарный», к которому, по-видимому, восходит название описываемого природного явления и заглавие романа, церковнославянское. В «Полном церковнославянском словаре», составленном прот. Гр. Дьяченко, «светозарный <...> — светлый, блистательный, цветущий»⁶. Последнее значение объединяет растительную семантику и световую, что важно для анализируемого здесь текста. Интересно, что в рассказе В.А. Никифорова-Волгина «Тайнодействие» упоминается «волжское определение зарниц — хлебозарь»⁷, перекликающееся со «светозарами» П.П. Дедова⁸ с более явственным обозначением связи между хлебом и светом на небе. Хлеб и Свет — традиционные метафоры-символы Христа. Несмотря на то что в романе П.П. Дедова говорится о созревании хлебных колосьев в буквальном смысле, евангельский контекст по отношению к хлебу здесь все же обозначен в рассуждениях повествователя: «Хлеб — основа основ. Хлеб — всему голова. Но справедливо и то, что не хлебом единым жив человек»⁹. Цитата обрывается, ибо к вере христианской герой еще не пришел. Для него человек жив трудом, повседневной

⁵ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 196.

⁶ Дьяченко Г., прот. Полный церковно-славянский словарь. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. С.581.

⁷ Никифоров-Волгин В.А. Ключи заветные от радости. М.: ДАРЬ, 2015. С.137.

⁸ См. также об этом: Сузрюкова, Е.Л. Язык образов в рассказе В.А. Никифорова-Волгина «Молнии слов светозарных» / Е.Л. Сузрюкова // Культура и текст. Барнаул, 2021. №3 (46). С. 187.

⁹ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 152.

крестьянской работой: «А одеться, обуться, нагреть жилище в долгую сибирскую зиму, добыть воду, выкормить скотину, вырастить детей — сотни и тысячи дел. Крестьянину ведь ждать помощи неоткуда, подворье его — что корабль в бушующем море жизни. Зорек и трудолюбив капитан, налажен корабль, надежны снасти — значит, выживешь, не пойдешь ко дну. / Вот и надо уметь: построить избу и сложить в ней печь, сшить шубу и скатать валенки, вырыть погреб, выкопать колодец (для этого каким-то запредельным чутьем выбрать для колодца такое место, где бы водица была питьевой, то есть не соленой, не жесткой, не вонючей, а в самый раз — мягкой и вкусной)»¹⁰. И в этом контексте, связанном со сферой деревенского быта, вновь возникают аллюзии, относящиеся к церковным богослужебным текстам и Священному Писанию: «бушующее море жизни» напоминает о «житейском море», колодец и вода — о беседе Христа с самарянкой. По-видимому, несмотря на реалии советской жизни с появившимися колхозами православное мировоззрение еще не утрачено до конца в народной среде, оно проявляется неосознанно, инстинктивно.

Дальше повествователь в этой же главе повторяет свою прежнюю мысль, дополняя ее: «Да, если были бы живы только хлебом единым, то жить, может, и остались бы, да не сохранили душу живу...»¹¹. «Единый хлеб» для П.П. Дедова — только материальные ценности, и их недостаточно человеку для полноценной жизни. А «живая душа» полна «человеческим достоинством, состраданием, милосердием к ближним и дальним»¹², в ней есть «святая вера в свой народ», «широта духа, бескорыстие, великое терпение и трудолюбие русского крестьянина»¹³, и любовь к родине. Среди перечисленного присутствуют и христианские добродетели (милосердие, терпение, бескорыстие, трудолюбие), только вместо веры в Бога упомянута «святая вера в свой народ», а также говорится о «человеческом достоинстве», понимаемом, очевидно, не в религиозном ключе. Но патриотизм автора, его любовь как к малой, так и к великой родине ощутима не только здесь, но и на протяжении чтения всего текста.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 162.

¹² Там же. С. 161.

¹³ Там же. С. 162.

Когда у рассказчика пробуждается поэтический дар, он сочиняет небольшое стихотворение, в котором упоминается хлеб:

В заботах о насущном хлебе,
Заполнив будни суетой.
Мы очень редко взглянем в небо
Полюбоваться красотой¹⁴.

Хотя выражение «насущенный хлеб» восходит к молитве «Отче наш», здесь оно синонимично суете земной жизни, по сути оно означает то же, что в сочетании слов «не хлебом единым...». Библейская глубина осмысления этого образа здесь снята, а хлеб сопрягается исключительно со сферой материального. Сравним, к примеру, отмеченное, с семантикой, которой наделяется хлеб в Священном Писании: «Он воплощает и образ духовного питания, выступая эталоном необходимого жизненного ресурса. В Священном Писании хлеб, вместе с вином и маслом, символизирует метафорическую пищу для внутреннего развития человека. <...> Хлеб представляет собой и средство, открывающее путь к вечной жизни <...>»¹⁵. Подобного осмысления в произведении П.П. Дедова нет.

Хлеб в то же время — один из символов России в этом произведении. Подобная символика явственно выражена и в рассказе современной православной писательницы О. Николаевой «Борьба ангелов» из сборника «Грузинская рапсодия»: «Россия — поля пшеницы — зерно — мука — хлеб»¹⁶. И здесь же у нее: «Грузия — вино, Россия — хлеб. / Россия и Грузия — хлеб и вино, приносимые за Божественной Евхаристией и претворяемые в Тело и Кровь Христовы...»¹⁷. У П.П. Дедова подобный смысловой параллелизм с Грузией, наделенный литургической символикой, отсутствует, но традиционное соотношение России с образом пшеницы есть.

Хлеб в романе Петра Дедова сопряжен со смыслами сытости, выступает в качестве атрибута благополучной жизни. Поскольку речь

¹⁴ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 287.

¹⁵ Юрина Е.А., Помаролли, Дж. Библейская символика хлеба в образных средствах итальянского и русского языков / Язык и культура. Томск, 2017. №39. С.99.

¹⁶ Николаева О. Грузинская рапсодия: рассказы. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. С.12.

¹⁷ Там же. С. 12.

в произведении идет преимущественно о военном и поствоенном времени, недостаток хлеба особенно ощутим. Необходимых для жизни продуктов становится все меньше: «Зиму пробились с горем пополам — на картошке да отрубях, уже и лебеду, и молотое березовое корье в хлебушко подмешивали»¹⁸. Примечательно, что в первую очередь упоминается здесь картофель, а не хлеб: хлеба уже не хватало. Возникает образ хлеба, испеченного не только из пшеничной муки, но с различными растительными добавками. Семье Прокосовых пришлось пережить и голод: «<...> перед весной, когда вышли все припасы и голод навалился на нашу семью всей своею чугунной тяжестью, слегла в постель мама, мы, ребятишки, начали пухнуть — водянисто вздулись и стали сизыми наши лица, больно было глядеть на свет и все время клонило ко сну <...>»¹⁹. Из сложившейся ситуации спасает семейство бабушка Федора, которая «из ничего, казалось, — из обметков по сусекам, из сухих листьев от березовых веников, из картофельной ботвы и сорной травы-лебеды — умела она сварить бурду-похлебку, не для сытости, но лишь бы голодного червячка заморить»²⁰. Спасает, правда, бабушка еще и тем, что просит подаяние, и ей дают «кусочки хлеба, картофельные оладьи, черные сухари»²¹. Здесь хлеб — источник выживания. Неслучайно дети и подростки, вынужденные много и тяжело работать во время войны, мечтают о хлебе: «Эх, когда же доживем до такой жисти, штобы хоть хлеба можно было вдоволь налопаться, — издалека начинал Ванька, мечтательно облизывая почему-то всегда потресканные губы. — Счас бы пару буханок умял — как за себя забросил»²². Этот же персонаж продолжает: «Мне и во сне снится кажну ночь одно и то же. Будто залез я ночью в пекарню... Выставил в окно шибку и залез. А там — огромная куча хлебных буханок. Ну, прямо как скирда. А мне надо достать тую, шо на самом верху. Карабкаюсь вверх на всех четырех, булки спод ног посыпятся — и я с имя вниз. И опять сызнава... А жрать хотца — пупок к спине прирос. И главное — та булка, наверхуто которая, —

¹⁸ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 82.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 154.

точь-в-точь такая же, как все другие...»²³. В реальности приходится есть хлеб с сорной травой. Так, дед Курило приготовил ребятам, выгоняющим быков в ночное, лепешку, которая «была замешана пополам с лебедою, воняла прогорклым маслом и рассыпалась, как из песка»²⁴.

Трагическое звучание трудных военных лет смягчает лиризм повествования. Женщины, вынужденные взять на себя мужскую работу в это время, способны петь и плясать, придавая своим тяготам юмористическую окраску. Так, сеяльщицы — тетка Мотря и Дунька Рябова — поют, даже «приударив гопака» при этом. Матрена в своей частушке обыгрывает недостаток хлеба в военное время:

Пошла плясать,—
Дома нечего кусать:
Сухари да корки,
На ногах — опорки!²⁵

Впрочем, и до войны многодетная семья Мотри и дяди Якова Гайдабуров (повествователь упоминает «двенадцать душ» детей в этом семействе) нередко голодает: «И часто случалось, что даже куска хлеба у них в избе не было. Тогда тетка Мотря брала мешок и отправлялась в подворный обход. Переступая порог чьей-нибудь избы, она начинала «колядовать» мужским баском:

Колядин, колядин,
Я у батьки один,
Меня батька послал,
Шоб я мучки достал.

Допев до конца, она заливалась звонким смехом:

— Нет, кроме шуток, одолжите до завтра мисочку.

Ей охотно давали взаймы, хотя знали, что ни завтра, ни, может быть, через год долг отдать она не сможет. Зато, когда Гайдабуры разжились деньгами или мукой, в доме их наступал праздник»²⁶. Инте-

²³ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 154–155.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ Там же. С. 119.

²⁶ Там же. С. 31.

ресно, что здесь упоминается слово «колядовать», связанное традиционно со святками. Необходимость кормить детей и образ Младенца-Христа оказываются рядоположенными в этом контексте. Обряд, хотя и не приуроченный к определенному календарному времени, все же совершается по основным правилам: есть просящий, осмысляемый в народной культуре как «Божий посланец», исполняется обрядовый текст, вместо ряжения используется нетипичное звучание голоса («мужской басок»), наконец, есть одаривание, причем в качестве дара здесь выступает именно хлеб/мука. Как пишет Л.Н. Виноградова, «содержательную основу колядования составляет идея дарообмена, т.е. выделения обрядовой пищи для сакральных гостей («божественных посланцев») в расчете на их помощь и опеку. <...> самым традиционным (а в ряде мест и строго обязательным) даром был обрядовый святочный хлеб»²⁷. Именно муку как основу для хлеба Мотря и получает, т.е. все необходимые элементы обряда, кроме календарного времени, тут присутствуют. Муку дают, зная, что ее, скорее всего, не смогут вернуть, а потому это именно дарение. А сакральный характер обряду сообщает предназначение просимого: мука нужна для голодных детей, это подаяние неимущим, акт милосердия.

Противоположным образом ведет себя Прасковья, жена Илюхи Огнева, в голодную пору войны. Повествователь с горечью говорит: «В ту пору впервые познал я горечь унижения перед теми, кто имеет власть, а главное — хлеб, за который можно было купить все. <...> За кусок хлеба она выменивала у односельчан все, что попадалось ей на глаза: пуховые перины и зеркала, нехитрую домашнюю утварь, праздничную одежду, которая людям теперь была вроде бы ни к чему, даже не брезговала древними старушечьими нарядами, которые те свято берегли про свой смертный час. / Изба Огневых была набита всей этой рухлядью и напоминала кладовую старьевщика. В ней пахло нафталином и мышиным пометом»²⁸. Здесь доминирует уже не тема детства, как в предыдущем фрагменте, а тема ветхости/старости,

²⁷ Виноградова Л.Н. Колядование / Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5т. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.1: Д-К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. С.574.

²⁸ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 85.

упоминается даже «смертный час». Из-за стяжательства Параньки страдают окружающие, да и вещи, старательно ею собираемые, залеживаются, портятся, судя по запаху от них. Для Параньки владение большим запасом муки не становится душеспасительным состоянием, но, скорее, наоборот. Стяжательство — признак духовной омертвелости персонажа.

Вспоминает повествователь и довоенную традицию, которую не удалось воплотить в жизнь в первую осень по окончании Великой Отечественной войны: «В нашем селе до войны была традиция: всем миром печь хлеба с новины, то есть из только что обмолоченного и смолотого зерна нового урожая. Это был своеобразный праздник первого каравай»²⁹. Есть в тексте и описание такого хлеба: «— Спробуй, попробуй, как оно у меня получилось, — ласково скажет бабушка и возьмет самый пышный и румяный каравай, обеими ладонями придавит его к столу так, что превратится он в лепешку, а потом начнет с легким вдохом подниматься, пучиться, обретая прежнюю форму. Бабушка отломит руками (ножом такую буханку не возьмешь, только изомнешь, как губку), отвалит огромную горбушку с хрустящей коричневой корочкой наверху и с прожилками от капустного листа с исподу и торжественно протянет на ладонях:

— Хлебушко подовый — что пряничек медовый!..

И вопьешься зубами в это душистое тепло, от которого хмельно закружится вдруг голова, и будешь глотать куски, почти не жуя, безо всякой приправы, а бабушка выжидательно, даже чуточку тревожно заглядывает тебе в глаза, ждет твоей оценки. Как же, для нее это праздник — сколько хлопот и беспокойства надо, чтобы выпечь такой вот каравай!»³⁰. Заметим, что традиция преломления хлеба (не нарезания) связана еще и с календарными обрядами. А.А. Плотникова пишет, что «у восточных славян существовал запрет резать хлеб на большие годовые праздники: Рождество, Новый год, Пасху, Благовещение»³¹,

²⁹ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 232.

³⁰ Там же. С. 233.

³¹ Плотникова А.А. Преломление хлеба / Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – М.: Международные отношения, 2009. С. 255.

а «бытовой этикет предполагает запрет ломать хлеб руками»³². Испеченный из зерна нового урожая хлеб обретает здесь сакральный характер: он легко восстанавливает форму, его невозможно разрезать, в отличие от обычного хлеба, он сладок (отсюда — сравнение с пряником), наделен «душистым теплом».

Завершается произведение грустными размышлениями повествователя об уходе старой жизни. Вторит ему и дядя Яков, всю жизнь проработавший в селе: «Вырождается на земле хлебороб, ясно море. Раньше-то, когда от куска хлеба зависел, так и робил — аж пуп трещал. А теперичка куском крестьянским распоряжается не той, хто пашет, а той, хто руками машет... Да и техника появляться стала. Як ее, землю-то, сквозь железные колеса почуять, га?»³³. В этом проблематика трилогии сближается с «деревенской прозой», сожалеющей о судьбе уходящей деревни.

Оптимистичные ноты, тем не менее, звучат в финале книги: рассказчик говорит о том, что он осознал: «Нет, не прошло для меня даром горькое от слез и соленое от пота время. Оно научило меня главному на земле ремеслу — выращивать хлеб наш насущный. Как самым ценным обретением своим горжусь я, что умею пахать землю, сеять хлеб, плотничать, косить траву и много еще делать разных дел, которыми жив человек. И этому умению я должен научить ребятишек. <...> ... я должен научить их не только разным наукам, но и пахать пашню, сеять хлеб, — всему, что умею сам. А еще — бескорыстно любить свою землю, порой неласковую, не балующую роскошью деревьев и буйством трав, но, может быть, потому-то и дорога здесь мне каждая былинка...»³⁴. Любовь к родине, к земле, умение выращивать хлеб признаются героем самым ценным из его прежнего жизненного опыта. Здесь духовные и материальные ценности соединяются: любовь к детям, ответственное отношение и к традициям своего рода, и к труду, и владение навыками, свойственными крестьянину — все это весьма важно для формулирования жизненной установки, долга героя.

³² Там же.

³³ Дедов П. П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 523.

³⁴ Там же. С. 525–526.

Выводы

Итак, хлеб в данном произведении, — многогранный образ, с которым связано представление как лишь о материальной стороне жизни (посредством евангельской цитаты «не хлебом единым»), достатке, так и о душевном «вложении» человека в выращивание хлеба, о нелегком труде, а также деревенской традиции праздновать день «первого каравая». Радость жить и трудиться — один из важнейших смыслов, которым наделен в семантическом сюжете романа образ хлеба. Хлеб, кроме того, символизирует здесь саму Россию.

Источники и литература

1. *Виноградова Л.Н.* Колядование / Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5т. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.1: Д-К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. С. 570–575.
2. *Дедов П. П.* Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990, 528с.
3. *Дьяченко Г., прот.* Полный церковно-славянский словарь. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013, 1120с.
4. *Никифоров-Волгин В.А.* Ключи заветные от радости. М.: ДАРЪ, 2015, 432с.
5. *Николаева О.* Грузинская рапсодия: рассказы. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016, 192с.
6. *Плотникова А.А.* Преломление хлеба / Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5т. Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. – С. 255–257.
7. *Сузрюкова Е.Л.* Тема Великой Отечественной войны в романе П. Дедова «Светозары» / Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научнопрактической конференции с международным участием / редкол.: А.А. Николаев (отв. ред.), М.А. Семёнов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: Изд-во «Параллель». 2020. С. 82-89. URL: http://www.history.nsc.ru/publications/books/vovmemori.htm?Page=1&Category=selected_publications
8. *Сузрюкова Е.Л.* Язык образов в рассказе В.А. Никифорова-Волгина «Молнии слов светозарных» / Е.Л. Сузрюкова // Культура и текст. Барнаул, 2021. №3 (46). С. 185–195.
9. *Ханинова Р.М.* Калмыцкое детство в ссылке глазами ребенка: рассказы П.Дедова и Л. Кошиль / Филологическая регионалистика. Тамбов, 2015. №1-2 (13–14). С.16–21.
10. *Юрина Е.А.* Помаролли, Дж. Библейская символика хлеба в образных средствах итальянского и русского языков / Язык и культура. Томск, 2017. №39. С.84–106.
11. *Яновский Н.* Трилогия Петра Дедова «Светозары» / П.П. Дедов Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. С. 3–8.

Лола Уткировна Звонарёва¹

Православная составляющая в отечественной прозе XXI века

Анализируется умение отечественных писателей творчески жить внутри бессмертных опорных образов и символики русского Православия, сохраняя художественную оригинальность. Эти прозаики уделяют особое внимание православной вере, духовный опыт и жизненный путь их персонажей способны помочь формированию нравственного вектора в душе молодёжного читателя. Предлагается ввести в круг семейного чтения перечисленные книги, способные содействовать патриотическому воспитанию наших юных современников.

Ключевые слова: *пасхальность, соборность, христианские символы, православная вера, Дева Мария, нравственная оценка.*

Введение

Сегодня нередко забывают: русская литература рождалась в монастырях и кельях, у её истоков стояли монахи и священники, именно они чаще всего становились авторами и переписчиками летописей, житий, вдохновенных поэтических проповедей. «Из некогда разрозненных восточнославянских племён Русь с момента своего Крещения в 988 г. становится в подлинном смысле слова целостным народом. С принятием христианства начинается созидание Святой Руси, русский народ становится частью христианского мира. Важную роль в этом духовном рождении Руси сыграла церковнославянская книжность. В это время на Руси создаются первые школы при храмах и монастырях, закладываются основы образования и духовного просвещения»². Историзм и чёткая нравственная оценка деятельности князей, сильных мира сего, рядовых дружинников, иноков и митрополитов — традиции, идущие от древнерусской литературы, пронизывающие большинство значительных текстов русской литературы с XII по XXI столетие.

¹ **Звонарёва Лола Уткировна** – доктор исторических наук, профессор Института мировых цивилизаций и Московского международного университета. Адрес для корреспонденции: lzvonareva@mail.ru.

² Митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий. Нравственно-ценностные аспекты русской литературы (на материале басен И.А. Крылова). Учебное пособие по предмету «Нравственное богословие» для 3 курса бакалавриата Тобольской духовной семинарии. // Труды Тобольской духовной семинарии. Выпуск 5. Тобольск, 2020. С. 4.

Один из первых профессиональных восточнославянских писателей белорусский иеромонах Симеон Полоцкий, учитель детей царя Алексея Михайловича, уже в середине ХУП века доказал возможность выражения при помощи виршей (в монументальных поэтических сборниках «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», в «Псалтыри рифмотворной», по которой учился «стихотворить» М.В. Ломоносов), проповедей (собранных в пространные сборники проповедей «Вечеря душевная» и «Обед душевный»), пьес великого многообразия богословских, общественно-политических, педагогических и эстетических проблем. Именно иеромонах Симеон Полоцкий стал первым писателем, взявшим на себя роль советника царей, употребившим слово «тиран», стал первым российским литератором, позволившем себе поучать власть и российское общество. Вслед за ним явились другие учителя российской власти — А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.И. Солженицын³.

«В России Православие оплодотворило русскую культуру. Ставя и решая вопросы развития культуры, вера помогает постижению смысла творчества, развивает способность ориентироваться в противоречиях общественной жизни, позволяет правильно сделать выбор в обосновании ценностей, идеалов, ориентиров. Великие русские мыслители, писатели, композиторы, художники были глубоко верующими людьми: М. Лермонтов, Ф. Достоевский, Д. Менделеев, И. Павлов, Ф. Глинка, М. Мусоргский, Г. Свиридов, В. Суриков, А. Иванов, П. Корин и др. своими произведениями они утверждали преемственность, непреходящее значение прошлого для настоящего и будущего. Наше великое славное прошлое, соединённое с христианским настоящим и есть прообраз будущей России»⁴.

В исследованиях «Категория соборности в русской литературе»⁵ и «Пасхальность русской словесности»⁶ И.А. Есаулов доказал: от не

³ Звонарёва Л.У. Открывающий врата учёности: жизнь и творчество Симеона Полоцкого. — М.: Academia, 2020. — 400 с.

⁴ Ломакин С. Созвездие русских мыслителей. Тюмень: 384 с. Вектор Бук, 2019. С. 266.

⁵ Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995.

⁶ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ. 2004.

знакомому с христианским вероучением читателя ускользают подтексты и скрытые символы, а то и главные идеи, рассыпанные в произведениях отечественных писателей-классиков как XIX, так и XX столетия. Литературовед исследовал только классические тексты — Золотого и Серебряного века, не обращаясь к современной литературе. Также с точки зрения христианской составляющей не исследовались тексты А.С. Грина (в монографии А.Н. Варламова только констатируется, что атеизм прозаику был чужд), делался упор, например, кировскими исследователями на античную символику. О прозе А.А. Лиханова, П.Г. Кренёва, А. Коваленковой также существует большое количество отзывов, но в целом это, чаще всего, рецензии-эссе писателей (В.Н. Крупина, В.А. Личутина, В.А. Бахревского, Т. Толстой, З. Прилепина), в которых не уделяется должного внимания православной составляющей, она не анализируется подробно, на текстуальном уровне.

Результаты исследования

В годы советской власти, период культивируемого атеизма писатели нередко зашифровывали в тексте важные для себя христианские символы. А.С. Грин в таинственном образе «Бегущей по волнам» спрятал образ Девы Марии. Гриневские персонажи часто размышляют об отношениях с Богом, любят поговорить о религии, о материи и духе. Упоминается Христос и в рассказе «Канат». Герой рассказа «Отравленный остров» читает молитвы и отрывки из Библии. Герой рассказа «Преступление отпавшего листа» (1918) боится умереть, не узнав радости воскресения, лишаясь радости воскресения мёртвой души (рассказ «Зурбаганский стрелок»). В новелле «Дьявол Оранжевых вод» (1913) повествователь обсуждает отношения человека с Богом. Для писателя-христианина очевидно: мир прекрасен, всё на своём месте; всё божественно стройно и многозначительно (рассказ «Канат»)⁷.

Внимательное чтение романа «Бегущая по волнам» (1925—1926), убеждает: в нём немало аллюзий, связанных с культом Девы Марии.

⁷ Звонарева Л.У., Алькаева З.Ю. Межкультурные парадигмы в отечественной и европейской литературе: от Серебряного века до новейшего времени. Монография. – М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021. – 496 с.

Тому, кто помнит о ходящем по водам на глазах потрясённых апостолов Христе, легко представить бегущую по волнам Деву Марию, оберегающую благочестивого человека в минуту смертельной опасности, предрекая ближайшее будущее, а затем исчезающую как таинственное видение. Названная её именем шхуна — «Бегущая по волнам» — включается в ряд названий кораблей типа «Санта Мария». В рассказе Грина «Зурбаганский стрелок» упоминается пароход «Святой Георгий», в новелле «Истребитель» — крейсер «Ангел бурь». Знакомый будущего писателя Малецкий устроился на пароход «Мария» («Автобиографическая повесть»). В центре многих европейских городов — и в сельских районах западной Украины и Белоруссии — можно увидеть статуи Девы Марии. Г.Д. Гачев отмечал: «...вечно молодая-юная Мать-Пани-Жена-Дева-Королева. Недаром Марию-Богородицу почитали «королевой польской». «Запрещено было молиться Богородице под именем КОРОЛЕВЫ ПОЛЬСКОЙ, как её в Польше назвали уже целых два века. Значит, не только божественный и домашний сан у Матери-Девы, но и Социумный: царский: Владычица — и светская она. ...Во всяком случае, Мария — сверхмного значит в Польше. Не только святыня религиозная (Матка Боска Ченстоховска), но и Королева, но и Молодая Мать-Жена, возлюбленная вечная...»⁸. Как и Дева Мария в различных житиях и апокрифах, Бегущая по волнам, предсказав будущее и спасая героя, просит никому не говорить о встрече с нею. Если проанализировать гриновский портрет Бегущей по волнам, в нём явно проступают иконописные черты: глубокая печаль в голосе и на лице, ореол святости, нимб. Бегущая по волнам прощается благословляющим жестом, делая движение, напоминающее то, которое совершают желающие перекрестить на прощание покидаемого человека. Популярный в России французский поэт А. Рембо в знаменитом стихотворении «Пьяный корабль» (1871) также упоминает бегущую по волнам Пречистую Деву.

Отзвуки христианской культуры слышны и в символическом эпизоде из романа «Бегущая по волнам», когда возникшая из воздуха рука спасает не только жизнь герою, но и статую от разрушения. Вспоминается легенда об иконописце: его от смертельного падения с высоких лесов спасла рука Богородицы. Симеон Полоцкий переложил

⁸ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России. Польша. Литва. Эстония. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С.45-46.

её силлабическими виршами в первой в истории восточных славян поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный». В атеистическую эпоху спрятать намёк на христианскую святыню за полуфантастическим образом морской Богини в золотых туфельках для верующего писателя было вполне естественно. В 1930 г. Грин отказался дать интервью молодому журналисту Ю. Домбровскому для журнала «Безбожник», пояснив, что верит в Бога⁹.

В романе «Бегущая по волнам» мраморная статуя Бегущей подвергается нападкам и поношениям со стороны сильных мира сего. Её хотят разрушить влиятельные в городе люди. Горожане охраняют статую от этих вандалов. Эта статуя — скульптурный портрет таинственной девы, считающейся покровительницей города. В финале романа «Бегущая по волнам» брошенная одноимённая шхуна, осквернённая разгулом и драками, бесславно разрушается, как разрушались в то время в СССР тысячи храмов. И.А. Есаулов напоминает: «...душу (России — прим. Л.У.З.)... пытались убить..., взрывая православные храмы, вытряхивая из усыпальниц мощи русских святых, а потом там же «организуя» либо дома для умалишённых, либо общественные уборные»¹⁰. Но финальная сцена романа звучит светло: главный герой нашёл подтверждение своей веры в любимой девушке Дези, согласившейся с его объяснением невозможного (двойное подтверждение бытия всего святого — вспомним многочисленные доказательства бытия Божия).

Радует, когда писатель и в своей деятельности отстаивает православные ценности. А.А. Лиханов, возглавив первый в СССР Советский детский фонд, учредил орден Святого Благоверного царевича Димитрия «За дела милосердия», реставрировал домовый храм во имя великомученика Димитрия в усадьбе Тютчева в Армянском переулке, установил памятную табличку о первом освящении митрополитом Филаретом, возобновил в нём богослужения, а в своём родном городе Кирове дарит монументальные паникадило городскому храму. Писатель инициировал выпуск с 1997 г. детского православного журнала «Божий мир», посвящённого православному воспитанию и

⁹ Цит. по: Варламов А.Н. Александр Грин. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 394

¹⁰ Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015. С. 128.

просвещению, в увлекательной форме рассказывающему о тысячелетней истории РПЦ, о нашем Отечестве — его духовной основе, культуре, искусстве и предназначенному для использования на уроках «Основы православной культуры» в школах, для чтения в семейном кругу и получил на него благословение Святейшего.

В прозе А.А. Лиханова последних лет тема веры стала одной из центральных: в романе «Слётки» действуют два брата — Борис и Глеб, в сказке для невзрослых «Мальчик, которому не больно» парализованного подростка излечивает священник. Непрост путь к вере героев писателя. Мася из романа «Сломанная кукла» в двенадцать лет впервые ставит свечку в храме, но спустя несколько месяцев, оказавшись в Лондоне, в драматическую минуту жизни чувствует потребность помолиться тайно от всех на коленях перед тумбочкой, на которую установила иконку Богородицы размером с открытку. Христианская позиция писателя проступала уже в названиях повестей «Голгофа», «Благие намерения», впервые изданных в 1987 году, когда атеизм ещё оставался нормой для миллионов советских людей. Размышляя над причинами крупнейшего за все эпохи кризиса Детства в России и во всём мире, А.А. Лиханов приходит к мысли: одна из глубинных причин этого — бездумный атеизм, неумение увидеть свою жизнь и жизнь своей семьи в масштабных координатах христианской культуры.

А.А. Лиханов принадлежит к тем писателям, кто мягко подводит ребёнка к христианским духовным ценностям. Православным святым и подвижникам посвящены многие книги В.А. Бахревского, В.М. Воскобойникова. Ещё в советское время начал возрождать жанр православной сказки художник и писатель Г.Н. Юдин (1943-2022), автор исторического романа «Птица Сирий и Всадник на белом коне», сборника повестей «Муромское чудо», книги-путешествия «Сокровенная Каппадокия», первой исторической повести о Георгии Победоносце, о его удивительных подвигах и чудесах, о почитании Георгия на Руси, о государственных праздниках и наградах, связанных с его именем — «Смиренный воин». «Любимый святой России» — так озаглавил Г.Юдин последнюю главу книги, объясняющей, почему Георгиевский зал для россиян — пантеон воинской славы, самопожертвования и героизма бесчисленных сынов Отечества, в грозные годы встававших на защиту Родины. На мраморных лентах Георгиевского зала имена

георгиевских кавалеров — А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова. Благоговейная торжественность зала создаёт впечатление присутствия покровителя воинов и неусыпного стража Отечества — духа Георгия Победоносца. Незримый сонм положивших «душу свою за други своя», за Родину, призывает и нынешнее поколение самоотверженно служить Отечеству.

Владимир Крупин, возглавлявший литературный журнал «Москва» и создавший в нём специальную православную рубрику «Домашняя церковь», преподававший педагогику в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, одну из книг назвал «Православная азбука»: он объясняет ребёнку — в телевизоре водятся бесы и как с ними бороться.

Словарь школьника «Православие» священника и писателя Я.А. Шипова возвращает педагогам проверенный веками православный взгляд на отечественную историю. Авторы одного из новейших школьных учебников отечественной истории сочли необходимым реабилитировать государственного деятеля К.П. Победоносцева. Озабочен этим и автор словаря школьника «Православие», считающий его человеком глубокого ума и твёрдых религиозных убеждений, хорошо понимавшим, к чему может привести расшатывание духовных основ Отечества, и всей своей деятельностью активно противостоявшим разрушительным действиям либеральной идеологии. Легкомысленно-хлёсткая блоковская поэтическая характеристика на долгие годы заслонила от нас подлинное лицо этого талантливой и мудрого человека, а трагическая личная судьба Блока, вполне достойная стать иллюстрацией к тезисам Победоносцева, мало кем из педагогов до сих пор правильно понимается. Словарь Я. Шипова развенчивает советский миф о «декабристах, разбудивших Герцена». Непросто выпускникам советской школы посмотреть на это историческое явление с православной точки зрения. Автор словаря «Православие» пытается им в этом деле помочь, рассматривая декабристов, членов тайных обществ масонского толка, намеревавшихся совершить государственный переворот: свергнуть царя и захватить власть и предпринявших 14 декабря вооружённое выступление на Сенатской площади в Петербурге, где декабрист Каховский убил героя Отечественной войны губернатора Петербурга генерала Милорадовича, выехавшего на площадь на коне, чтобы успокоить мятежников. Ещё

одна проблема молодёжной среды — сквернословие, ставшее заразной болезнью среди отечественных школьников. Шипов напоминает: использование в разговоре ругательных грязных и грубых слов, один из самых распространённых грехов среди неверующих, человек верующий, привыкший к молитвенному общению с Богом и знающий, что Бог слышит все, что мы говорим, и ведаёт все наши мысли, не может оскорбить мерзким словом слух Господа или Богородицы. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших», — назидал апостол Павел.

Увлечение теософией и книгами Рериха в педагогической среде привело к тому, что у менее склонных к модным увлечениям учителей возник специальный термин для темпераментных энтузиастов, энергично навязывающих свои взгляды более мудрым, спокойным коллегам и доверчивым, послушным детям — «рерихнутые». Я.А. Шипова разъясняет: теософия (гр. — богопознание) — антихристианское философское учение о возможности непосредственного постижения «бога» с помощью мистической интуиции, доступной избранному кругу «посвящённых». Признание возможности непосредственного общения со сверхъестественными потусторонними силами сближает теософию со спиритизмом и оккультизмом. С особенным усердием насаждало теософские воззрения «Теософское общество», созданное в 1875 г. Е. Блаватской. Базируясь сначала в России, потом в Англии, Америке, Индии, общество развернуло деятельность во многих странах мира. Не скрывая сатанинской сущности исповедуемого учения, Блаватская издавала журнал «Люцифер» (одно из имён сатаны). Пагубные идеи теософии развивали Николай Рерих и его жена Елена, жившие в Индии. Тяжёлое впечатление остаётся у посетителей поместья Рерихов в посёлке Нагар в Гималаях — комнат, украшенных статуями Будды и иконами, выполненный сыном художника парадный портрет Николая Рериха в золотых одеждах далайламы, гигантская каменная кумирня у входа в центральный из пяти домов. В качестве секты, понимаемой Я.А. Шиповым как организованная группа людей, замкнувшихся в рамках теории, противоречащей учению господствующей Церкви, разрушительной для духовного мира их последователей рассматривается в словаре популярный у отечественной гуманитарной интеллигенции Фонд Рериха.

В словаре присутствует православное толкование двух ключевых слов для современного учебного процесса — уныния и терпения.

Вселить в сердца школьников и учителей веру, надежду, любовь к Отечеству были призваны серии книг православной редакции издательства «Росмэн», к сожалению, сегодня прекратившей существование: «Святыни России», «Твоё святое имя», «Душа России», «Отчизны верные сыны», «Наши православные святые». Они сыграли достойную роль в истории нашей детской литературы. Г.Н. Юдин, А. Карпов, И.П. Токмакова, Е. Григорьева, В.М. Воскобойников писали в этих сериях книги, призванные помочь школьнику и учителям сквозь призму истории православья взглянуть на историю Отечества. Отказ от такого взгляда в прежние годы заставлял советских детских писателей произвольно адаптировать и подправлять российскую историю, давая окарикатуренное изображение правителей огромной империи из династии Романовых. Об этом писал московский детский писатель Л.Г. Яковлев, обильно цитируя исторические повести С.П. Алексеева. В советских детских книгах про великого Суворова замалчивалось, какое место в сознании полководца занимало православье. Лишь недавно стали полностью цитироваться его знаменитые слова: «Потомство моё прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божиим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть моим символом».

Уже с начала 90-х годов прошлого века православные литераторы пытались объединиться — на Рождественских чтениях, инициированных поэтом, сотрудником издательского отдела Патриархии, ныне покойным членом Союза писателей России В.А. Никитиным. В Петербурге прозаик Н. Коняев, также уже ушедший из жизни, в это же время создал Ассоциацию православных писателей.

Никогда не расходилось слово с делом в жизни и творчестве писателя-помора П.Г. Кренёва, внука православного священника Васильевского, построившего в родной деревне Лопшеньга Архангельской области православный храм во имя святых Петра и Павла и отважно, несмотря на угрозы и непонимание новых собственников, возвращавшего Православной Церкви незаконно изъятые у неё в советское время строения — он в 90-е годы XX в. возглавлял Управление государственного имущества Московской области. Цитаты из Библии,

названия православных праздников и икон выносит прозаик в заглавие повестей и рассказов: «И на земли мир...», «Поздней осенью, на Казанскую», «Нечаянная радость».

Любимые герои П.Г. Кренёва нередко начинают размышлять о Боге на пороге смерти, в пограничной ситуации: возвращаясь к нему после долгих блужданий как пожилой пулемётчик Силантий или открывая Его для себя как юная Аня Матвеева.

Хранит веру в душе как самую большую ценность лишь бабушка Парасья (рассказ «Поздней осенью, на Казанскую»), к ней ночью перед смертью приходит Николай Угодник: «Он стоял у неё в ногах, худенький, невысокий седой старичок с добрым лицом. Стоял и тихонько ей улыбался»¹¹. Смерть бескорыстной деревенской подвижницы бабушки Парасьи — смерть праведницы, на таких испокон веков держался крестьянский мир: «Когда гроб лежал на поперечинах над вырытой могилой, от него исходил еле видимый тихий, туманный свет. Многие видели его и удивлялись: откуда взялось это чудное свечение?»¹².

Обращается к Богу в минуту смертельной опасности шестнадцатилетняя Аня Матвеева из повести Кренёва «Беляк и Пятнышко», забытая на льдине в зимний мороз взрослыми членами зверобойной бригады, в которой она — самая младшая. Трогательно звучит её исповедальный шёпот: «Я тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть ты или нет на белом свете. Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в тебя. Но в Тебя верит моя мама, а я ей доверяю больше всех на свете... Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет жить, я это точно знаю»¹³.

В повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова» оставшийся в живых Силантий обнаруживает на груди у младшего погибшего напарника маленький серебряный крестик и решает похоронить его по-православному — сделать из молодой берёзы крест: «Русские люди, несмотря на угрозы и запреты, во все времена советской власти хоронили своих покойников по православному обычаю. Этому

¹¹ Кренёв П.Г. «А на земли мир...» М.: У Никитских ворот, 2020. С. 323.

¹² Кренёв П.Г. «А на земли мир...» М.: У Никитских ворот, 2020. С. 350.

¹³ Там же. С. 55.

почему-то не противились даже коммунисты»¹⁴. Да и сам Силантий возвращается к Богу в последние часы своей жизни, перед героической гибелью, каясь за совершенные когда-то недостойные поступки: «...вспомнилось ему вдруг, как ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святые мощи яреньгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святые иконы...»¹⁵ Неумело молясь, Силантий чувствует перед неизбежной скорой гибелью надёжную опору и настоящую поддержку: «С ним остался только Тот, которого он когда-то позабыл, бросил, отрёкся от него. Силантий отчётливо осознавал, чувствовал всем своим телом, как Он внимательно и заботливо смотрит на него и сопереживает ему в этой последней смертельной схватке, глядит из небесной выси, как лицом к лицу с врагом воюет рядовой двадцать третьей стрелковой дивизии Батагов Силантий Егорович. И осознание того, что он всё же не один в этом карельском лесу, что он не брошен, придало ему спокойствия и уверенности»¹⁶.

Решают для себя вопрос веры и герои исторической прозы Александра Кердана в его новом «Романе с фамилией». Воспитанный вне православной традиции, писатель никогда не забывал о прадедушке, строившем храмы в Курганской области. Может быть, именно поэтому полковник Кердан посвятил кандидатскую и докторскую диссертацию размышлению над проблемами офицерской чести и пониманием нравственности в разные эпохи, и герои его прозы, посвящённой советскому времени (роман «Караул»), даже будучи неправославными, стараются поступать по-православному. Возвращение к вере отцов — единственное отрадное явление в современной реальности, дарующее надежду на будущее, с точки зрения А.П. Кердана, переживающего изменение на карте очертаний родной страны, которую поэт-воин призван был охранять.

¹⁴ Кренёв П.Г. Огневой рубеж пулемётчика Батагова. // Путеводная звезда. 2020. № 1. С. 45

¹⁵ Там же. С. 47

¹⁶ Там же. С. 57.

В историческом романе «Берег отдаленный...» А.П. Кердан, как и Я. Шипов, предлагает читателям иной взгляд на события 14 декабря 1825 года и государя императора Николая Первого, убеждённого — «русским людям не нужны все эти конституции и парламенты, а нужен заботливый Государь и своя вера. Они одни и могут сделать народ счастливым!»¹⁷. Писатель разрушает миф, изучавшийся в советской школе, и справедливость его исторических домыслов подтверждают недавно опубликованные в России документы: автор упоминает записки Дм. Завалишина, который «...войдёт в историю как последний «декабрист», увидевшие свет только за рубежом. Прочитав их, дальний родственник Завалишина и Толстого-Американца — Лев Николаевич Толстой откажется от своей затеи написать роман о деятелях двадцать пятого года: очень неприглядными покажутся они знаменитому писателю»¹⁸. В романе «Берег отдаленный» Дм. Завалишин обращается к потомкам: «Правила, которыми руководствовались главные деятели тайного общества, были личные цели на первом плане, совершеннейший хаос в понятиях, непонятное легкомыслие людей, взявшихся за важное дело, отсутствие какой-либо подготовки к нему, какого-либо понятия о необходимости её для успеха, каких-либо соображений о последствиях. Всё предпринималось наобум, всё предоставлялось случайности. Четырнадцатого декабря действовали внешние обстоятельства, независимые от деятелей, которые, напротив, только портили все, что само давалось в руки. За дело исправления зла взялись люди фраз, а не дела...»¹⁹ Похожую картину на Сенатской площади рисует и великий князь Александр Михайлович в мемуарах, основанных на свидетельствах очевидцев, с которыми ему довелось беседовать: «...их (декабристов — Л.У.З.) план, если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить императора принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из

¹⁷ Кердан А.Б. Берег отдаленный... // А.Б. Кердан. Сочинения в шести томах. Т. 2. Екатеринбург: АсоПиР, 2021. с. 326.

¹⁸ Там же. С. 328.

¹⁹ Там же. С. 327.

Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова «конституция». Солдаты спрашивали, не была ли «Конституция» имя польки, супруги великого князя Константина Павловича»²⁰. Эту не придуманную деталь, выразительно демонстрирующую, какая пропасть отделяла сотню мечтателей-офицеров, свободно и красиво рассуждавших на нескольких иностранных языках, от миллионов не владеющих элементарной грамотой простых людей, ставивших вместо подписи крест, использовал в романе уральский писатель.

Всё чаще наши современники словно проверяют день сегодняшний историческими сюжетами, объединяя в рамках одного произведения два исторических пласта, сопоставляя наше противоречивое сегодня с событиями давно минувших эпох. В новом романе Д.А. Лиханова «Звезда и крест» также действие разворачивается сразу в двух временах, но движутся главные его герои в одном направлении — к принятию монашества и к жертвенному служению Господу. Автор сопрягает два исторических пласта: действие стремительно разворачивается в 80-е и 90-е гг. XX века в Шадринске (Курганская область), в Афганистане и в Москве, и параллельно — в середине 3 столетия нашей эры в античной Антиохии и на горе Олимп. Эпиграфами к главам, посвящённым превращению главного героя романа юного Киприана из жреца Аполлона в ревностного христианина, стали кондаки и икосы — жанры церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, с похвалой святому мученику.

Роман состоит из двух книг: «Звезда» (путь полковника к получению звезды Героя и Киприана к титулу главного чародея) и «Крест» (воцерковление и уход в монастырь бывшего советского офицера, принимающего постриг под именем Киприан, и приход к христианской вере и гибель за неё на плахе бывшего могущественного чародея). Медленно, шаг за шагом, приближается юный Киприан к пониманию сути и смысла христианского учения: ещё мальчиком он услышал рассказы молодой антиохийской христианки: в Иудее появился, был распят и воскрес новый Бог. Подростком внимал он рассказам

²⁰ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. – М.: Современник, 1991. с. 10.

о Христе — царе Иудейском — одноглазого раба Феликса, переживал чудо внезапного Божественного благоухания, и не понимал, как можно пойти на смерть и возрождение ради людей совсем простых, рабов даже. Почему-то сразу запомнил чародей Киприан и афоризмы неистового Тертуллиана: «Душа по природе своей христианка», «Верую, потому что абсурдно». Шаг за шагом рисует Д.А. Лиханов путь ко Христу юной красавицы Иустины, услышавшей от одноглазого каторжника великую истину: кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог — это любовь. Иным путём приходит к вере другой герой Дмитрия Лиханова — наш современник, окончивший Челябинское высшее военное командное училище штурманов, он ещё во время учёбы внезапно ощутил «абсолютную уверенность в Божием промысле, который не допустит его гибели в этой первозданной, ангельской лазури»²¹. Впервые о Боге он задумался в десятом классе, когда случайно попал на литургию в сельский храм и испытал острую радость очищения. А в 1985 г. нашёл дома, в Шадринске, на задворках берёзового шкафа зелёный том Библии с пометками покойного отца.

Нижегородская писательница Е. Крюкова в прозе обращается к православной тематике, как к неоспоримому источнику жизни, созидания, любви (во многих канонических православных текстах ко Христу обращаются: «Жизнедавче», а Его слова о Себе самом давно стали духовным ориентиром для многих христианских народов: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь»). Создавая художественные тексты, где темы религии, образы православной веры занимают немалое место, писательница опирается на формат молитвы, ставит эпиграфами к фрагментам своих книг цитаты из канонических церковных текстов. Такая опора нужна автору, чтобы вечное начало отчётливее просвечивало сквозь всё преходящее, сиюминутное, сквозь беглые впечатления жизни и времени.

В романе «Серафим» писательница поднимает жгучий не только для православия, но и для всех людей, для земной культуры, вопрос греха, безгрешия, покаяния. Молодой сельский священник полюбил юную прихожанку. Как быть? Любовь свята, но есть нерушимый обет, и нарушить его — грех. Где спасение, избавление? Как сделать выбор

²¹ Лиханов Д.А. Звезда и крест: роман. // Наш современник – 2021 - № 7. - С. 67.

пути? «И рядом тот же грубый голос режет мороз вокруг меня, как ветхую верёвку:

— Ну полоумная, дык конечно. И мать ейную за полоумство убили. Ржёт, лошадь!

Я хочу обернуться и посмотреть, кто это. Голова моя тяжёлая, как бутылка с водой. Шея не гнётся. Где нагой мой Господь, оросивший святой водой свой народ? Отец Серафим встал у Ключа со второй, тяжёлой бутылкой в руках, выпрямился гордо и жёстко, как на военном параде, и строго сказал мне:

— Не смотри на зло. Смотри всегда туда, где свет.

И широко, радостно перекрестил меня»²².

Роман «Солдат и Царь» посвящён последнему времени жизни последней русской Царствующей Семьи, расстрелянной в Екатеринбурге летом 1918 года. Автор создал настоящий русский исторический роман-эпопею, и эта работа впечатляет — не только масштабами изображённого в книге, но и обращением к вопросам веры: одна одна помогает героям пережить трагичнейшие дни их жизни, и, приняв мученическую гибель, уйти в бессмертие. Царская Семья постоянно обращается к молитве, к Писанию, к святым тропарям, ирмосам, кондакам; по их просьбе в Ипатьевский дом приходит священник. Е. Крюкова живописует последнюю общую молитву Августейшей Семьи:

«Дьякон глубоко, как в опере, вздохнул и запел:

— Со святыми упокой!

Отец Иоанн вздёргивал и тряс кадилом, оно тихо позванивало, сладко дымило, и глядел на иконы. Первыми на колени опустились дочери. Потом встала мать и тоже колени подогнула. Отец обернулся к сыну. Подхватил его под мышки.

— Осторожней, сыночек... вот так, так, давай...

Алексей, морщась, согнул больную ногу. На колени — встал. Отец встал на колени рядом с ним. Они все стояли на коленях и пели заупокойную молитву, и девушки, в белых кофтах и тёмных юбках, подносили щепоть ко лбу, и тихо переливались русыми и сливовыми, парчовыми нитями их отросшие волосы в красном, неверном свечном свете; и царь в старой рубашке и старых штанах, и старая его жена,

²² Крюкова Е. Серафим. М.: Эксмо, 2013. - С. 232.

и слуги, и врач, и малый поварёнок, — и цесаревич, бледный и гордый, и, чем сильнее толкалась боль в его ноге, тем выше он поднимал голову — ведь его так учил отец: тебе больно, а ты терпи и не подавай виду! Он и не подавал. А молитва плыла и томила, и она была сейчас на весь мир одной, единственной»²³.

Роман «Иерусалим» — своеобразное открытие традиционного православного древнего жанра хождения, паломничества. Паломница Вера Сургут пускается в путь из Красноярска и достигает Иерусалима. Крюкова изображает рождение современной святой; и, быть может, на молитвах именно таких людей, прозорливых, щедрых душой, и держится, пока ещё, наш сложный и многострадальный мир:

«Кому нужен был Ангел — Вера была Ангелом. Кому нужна была строгая мать — Вера была строгой матерью, с невидимой розгой в руке. Кто приходил, измученный жизнью, за небесным утешением — Вера щедро, изобильно давала ему это утешенье. Кто брал у неё благословения — самые разные: на постройку храма, на взятие к себе в семью приёмного ребёнка, на паломничество к святыне, на венчание, на то, чтобы плод в утробе матери рос крепеньким и здоровеньким, на сложную хирургическую операцию, на малевание картины или пение песни, и Вера всем давала благословение такое, а иногда и не всем: перед нею вставал человек с грязной душой, и она советовала ему: отмойся сначала, молись и постись, и уверуй истинно, и очистишь, а потом проси благословения!»²⁴

Поэт Ю. Кублановский, уделяя особое внимание христианской составляющей в современной литературе, среди книжного потока выделяет «повествование в портретах» московского художника и писателя Анастасии Коваленковой «Хорошие люди»: «Для меня наша литература — ...Белкин, и Девушкин, и Мышкин, и Платон Каратаев, и лесковский Левша. Это литература, растущая именно на христианских дрожжах. И несмотря на русскую беду XX века — эта традиция возродилась и продолжилась сразу, как только такое стало возможно Солженицын, Шукшин, Распутин, Астафьев — всё это литература именно о хороших людях. Ценю прозу А. Коваленковой за дух, насле-

²³ Крюкова Е. Солдат и Царь. - Т. 2. - Екатеринбург: Ridero. - С. 297.

²⁴ Крюкова Е. Иерусалим. Chicago: Kontinent Publishing, 2019. - С. 208.

дующий данной живоносной»²⁵. В книге писательницы «Хорошие люди» портреты персонажей перемежаются лирическими пейзажными зарисовками, утверждая глубинную погружённость самых чутких из нас в созданный Господом совершенный мир природы. Писательница называет их «интерлюдиями», характерно признание автора-повествователя в интерлюдии «Простор»: «Пробежишь вот так и там уж, в полях, встанешь, потом ляжешь тихо в траву. Никто не знает теперь, где ты. Только Бог тебя видит. Хорошо»²⁶. В портретах Коваленкова открывает читателям духовное совершенство и благородство деревенской женщины «Маши Капустки», местной убогой, как выясняется в финале истории, не позволившей трагическим обстоятельствам и собственной случайной травме сломать жизнь любимому человеку: «У Бога всего много. На всякую деревню хватит. В любом селении есть свой доброхот, свой злыдень, и пьяница, и бой-баба, и убогая душа»²⁷.

Заключение

Ещё в 20-е годы XX века философ С. Франк в работе «Духовные основы общества» предупреждал: сочетание духовного безверия с шаткостью и бурностью стихийного исторического движения образует характерное трагическое своеобразие эпохи — при безверии история должна остановиться, ибо она творится верой; потерявшие способность творить историю люди находятся во власти её мятежных сил; мутные яростные потоки стихийных страстей несут людскую жизнь к неведомой цели: попавшие во власть не просветлённого мыслью хаоса стихийных исторических сил гибнут: самая многосведущая из всех эпох приходит к сознанию полного бессилия, неведения и беспомощности.

В докладе мы постарались доказать, насколько органично образы православных святых (рассказы П.Г. Кренёва, В.Н. Крупина), Богородицы (повести А.С. Грина, А.А. Лиханова), образы священников и пра-

²⁵ Цит. по: Коваленкова А. Хорошие люди. Повествование в портретах. – М.: Никея, 2021. – С. 333.

²⁶ Там же. С.116.

²⁷ Там же. С. 156.

вославный взгляд на происходящее, цитаты из Библии (романы А.Б. Кердана, Е. Крюковой, Д.А. Лиханова) включаются в прозу как ведущих писателей Серебряного века, так и в тексты современных авторов.

Конечно, нельзя ограничиваться только перечисленными мною прозаиками. Среди современных писателей немало зрелых мастеров, которые сердечно и глубоко пишут о своём пути к вере, им не грозит дешёвое искушение экскурсионным православием, в которое нередко впадают неофиты. Добавлю к уже названным ещё несколько имён: это писатели Дм. Мизгулин из Петербурга, В. Бакин из Кирова, С.С. Козлов и Л.К. Иванов из Тюмени, А. Расторгуев и А. Титов из Екатеринбурга. Каждый из них в меру своего таланта убедительно отстаивает и утверждает в книгах истинность и плодотворность христианского мироощущения, столь необходимого сегодня нашему гибнущему миру. Характерно убеждённость Дм. Мизгулина: «Нас спасёт литература. Литература формирует человека изнутри — так что никакая пропаганда не в состоянии его перевербовать. Слово вживается в душу, формирует мышление и воображение человека. Пропаганда формирует из народа стадо, а литература формирует народ из индивидуальностей — более прочного состава не существует»²⁸.

Мы попытались показать на конкретных текстах умение некоторых современных писателей творчески жить внутри бессмертных опорных образов и символики русского Православия, что придаёт их книгам не только духовную силу, но и художественную оригинальность. Авторы анализируемых книг уделяют особое внимание православной вере и отношению к ней героев, духовный опыт и жизненный путь многих персонажей способен помочь формированию нравственного вектора в душе молодёжного читателя.

Актуальной нашей работы мы видим в том, что, если сегодня в круг школьного чтения, вместо «Гарри Поттера», удастся ввести хотя бы некоторые из перечисленных книг, о патриотическом воспитании перестанут говорить в сослагательном наклонении.

²⁸ Мизгулин Д.М., Козлов С.С. *Pro et Contra*. – СПб.: Литературный фонд «Дорога жизни», 2021. – С. 202.

Источники и литература

1. *Варламов А.Н.* Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. 452 с.
2. *Великий князь Александр Михайлович*: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.
3. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Соседи России. Польша. Литва. Эстония. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 384 с.
4. *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с.
5. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ. 2004. 560 с.
6. *Есаулов И.А.* Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: академия, 2015. 616 с.
7. *Звонарёва Л.У., Алькаева З.Ю.* Межкультурные парадигмы в отечественной и европейской литературы: от Серебряного века до новейшего времени. Монография. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021. 496 с.
8. *Звонарёва Л.У.* Открывающий врата учёности: жизнь и творчество Симеона Полоцкого. М.: Academia, 2020. 400 с.
9. *Кердан А.Б.* Берег отдаленный... // А.Б. Кердан. Сочинения в шести томах. Т. 2. Екатеринбург: АсоПиР, 2021. 600 с.
10. *Коваленкова А.* Хорошие люди. Повествование в портретах. – М.: Никея, 2021. 334 с.
11. *Кренёв П.Г.* А на земли мир... М.: У Никитских ворот, 2020. 352 с.
12. *Кренёв П.Г.* Огневой рубеж пулемётчика Батагова // Путеводная звезда. 2020. № 1. 120 с.
13. *Крюкова Е.* Иерусалим. Chicago: Kontinent Publishing, 2019. 398 с.
14. *Крюкова Е.* Солдат и Царь. В двух томах. Екатеринбург: Ridero, 2016, 490 с., 526 с.
15. *Крюкова Е.* Серафим. М.: Эксмо, 2013. 512 с.
16. *Лиханов Д.А.* Звезда и крест: роман // Наш современник. 2021. № 6. С. 33–131.
17. *Лиханов Д.А.* Звезда и крест: роман // Наш современник. 2021. № 7. С. 6–101.
18. *Ломакин С.* Созвездие русских мыслителей. Тюмень: Вектор Бук, 2019. 384 с.
19. *Мизгулин Д.М., Козлов С.С.* Pro et Contra. СПб.: Литературный фонд «Дорога жизни», ИП Сайфуллин Т.А., 2021. 208 с.
20. *Митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий.* Нравственно-ценностные аспекты русской литературы (на материале басен И.А. Крылова). Учебное пособие по предмету «Нравственное богословие» для 3 курса бакалавриата Тобольской духовной семинарии // Труды Тобольской духовной семинарии. Выпуск 5. Тобольск, 2020. 142 с.
21. *Шипов Я.А.* Православие: слов. Школьника / свящ. Ярослав Шипов. М.: РОСМЭН, 2004. 319 с.

Екатерина Александровна Скоробогачева¹

Природа человека: возможности и границы ее модификации в произведениях искусства рубежа XIX–XX вв. и современности

В данной статье автор, опираясь на фундаментальные труды отечественных искусствоведов, культурологов, философов, исследует возможности и границы модификации природы человека в произведениях искусства рубежа XIX–XX вв. и современности. Кризисное состояние современной культуры, искусства как ее части, по убеждению автора, очевидно, что вызвано, во-первых, утратой духовных содержаний; во-вторых, отсутствием школы мастерства. Данная тенденция присуща значительной части произведений современного творчества. Актуальность исследования определена необходимостью осознания духовных смыслов, выраженных в произведениях рубежа XIX–XX вв., которые во многом они эквивалентны смыслу современного творчества. Используются методы сравнительного и искусствоведческого анализа, а также комплексный системный подход. В исследовании сделано заключение о значимости в настоящее время развития классической школы, основанной на традициях, в том числе реалистического искусства. Автор также приходит к выводу, что понятие «верующий разум» является основой, определяющей сущность духовного смысла русского национального искусства. Исходя из обозначенного понятия, следует детерминировать возможности, границы модификации природы человека в произведениях искусства.

Ключевые слова: *искусствоведение, философия, верующий разум, русская национальная культура, классические традиции, реализм.*

Введение

Обращаясь к исследованию заявленной темы, обозначим ее актуальность, которая определена, во-первых, необходимостью осознания духовных смыслов, выраженных в произведениях рубежа XIX–XX вв. — времени одного из ярчайших расцветов национально-православного искусства, во многом эквивалентного современному творчеству, во-вторых, значимостью развития классической школы, основанной на традициях, в том числе реалистического творчества. Раскроем более подробно оба положения.

¹ **Скоробогачева Екатерина Александровна** – доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусств, директор музея Российской академии и живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова. Адрес для корреспонденции: Skorobogacheva@mail.ru

Произведения, экспонируемые на современных выставках, нередко демонстрируют явное отрицание классических, в том числе реалистических традиций. Доминирование перформансов, инсталляций, так называемых арт-объектов, как правило, приводит к забвению духовных и профессиональных ориентиров классического искусства, следовательно, происходит нивелирование и художественного мастерства, и школы, позволяющей его приобрести. Кроме того, все более расширяется сфера не искусства как такового, а неких около художественных общностей, как, например, «селфи-культура». При этом следует отметить, что заявленные тенденции особенно распространены в молодежной среде, для которой, в частности, — «проблема насаждения идеологии консьюмеризма, в которой ...духовное развитие человека отходит на второй план, как нечто архаичное и ненужной».² Так формируются субкультуры, некоторые из которых весьма опасны отрицанием духовных устоев общества.

Развитие цифровых технологий, «мировой паутины», всевозможных социальных сетей, виртуальной реальности во всем многообразии проявлений, с ее несколько другим восприятием окружающего и этико-нравственных ценностей, а нередко и при полном их отрицании, ведет к опасности утраты духовного здоровья нации. В кризисные эпохи развития культуры, к которым приходится отнести и современность, исключительно важно осмысление происходящих процессов. При этом необходимы их объективные оценки, в том числе через гуманитарную научную и творческую сферы, при этом особенно актуально сохранение школы мастерства отечественного искусства. Обратимся к словам знаменитого живописца А.А. Иванова, автора монументального полотна «Явление Христа народу»: «У нас, в России, есть много людей с прекрасными талантами к живописи. Но великих живописцев не выходит из них потому, что они не получают никакого образования. Владеть кистью — этого еще очень мало для того, чтобы быть живописцем. Живописцу надо бы быть вполне образованным человеком».³

Но не менее важно сберечь те духовные основы — православные ценности, которые на протяжении столетий составляют «фундамент»

² Маркова Н.С., Бычкова А.М. Криминальная субкультура молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности. // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 43.

³ Анисов Л.М. Александр Иванов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 335.

художественного профессионализма в отечественном искусстве. И только имея такой «фундамент», произведения искусства будет, действительно, полноценно, актуально, не сиюминутно, но сохранит суть духовного содержания в веках и сможет не только отражать свое время, но воздействовать на него — преобразовывать душу человека, влиять на самосознание народа, значит, и на духовную сущность эпохи. Вновь обратимся в качестве подтверждения к лаконичным словам А.А. Иванова о том, что искусство «стремится преобразовывать жизнь».⁴ К последовательному анализу обозначенных проблем обращаемся в данном исследовании.

Эрих Фромм, немецко-американский психолог XX столетия, писал о неизбежном нарастании кризиса духовных ценностей, о превалировании коммерциализации, о неизбежности при этом самоотчуждения человека, потери им своей гуманистической сути, следовательно, и веры, и принадлежности к той или иной религии. «Человек превращается в служащий экономической машине инструмент, который заботится об эффективности и успехе, а не о счастье и развитии души».⁵

Результаты исследования

На основании проведенного исследования, как в теоретической, так и в практической сферах, используя, прежде всего, системный подход и комплексный метод анализа, констатируем ряд результатов.

В настоящее время усиливаются процессы дезинтеграции, межэтнические конфликты, проявления национализма, экстремизма, а в культурной сфере экспансии западных образцов. По заключению А. Вебера, «...культура динамична, но в ее бытии неизбежно наступит момент остановки, когда все начинают переосмысливать».⁶ Его рассуждение словно продолжены в выводах П.А. Сорокина, который заключает, что культуре свойственен переход из одной формы в другую.⁷

Полагаем, что современная культура, как западная, так и отечественная, переживает подобный кризис. Современное искусство —

⁴ Анисов Л.М. Александр Иванов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 335.

⁵ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1990. С. 12.

⁶ Казин А.Л. Событие искусства. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. С. 7.

⁷ Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 27.

это искусство синтеза традиций, о чем позволяет судить обзор едва ли не каждой выставки настоящего времени, где можно видеть реплики реализма, импрессионизма, модерна, абстракционизма, постмодернизма и т. д. Современные художники, словно оглядываясь назад, пытаются осмыслить путь, пройденный искусством в течение столетий. В результате приходят либо к синтезу, либо к отрицанию традиций. При этом нередко превалирует внешняя художественная или антихудожественная форма, а не духовный смысл. Отсюда возникает объективный вопрос — не тупик ли это, каков путь развития искусства далее? По нашему убеждению, выход из кризиса современного искусства заключается в сохранении вневременных духовных ценностей, в неотделимой от православия отечественной традиции, в выражении их в искусстве.

Россия сможет достойно преодолеть этот кризис, грозящий доминированием «антиискусства» («контрискусства»), благодаря приверженности православию и сохранению традиций национального искусства — со времен Древней Руси до классической школы XIX в. и реализма. При этом следует подчеркнуть, что реалистический стиль трактуется нами как многогранное духовно-стилистическое направление, являющее изображение человека как образ и подобие Божие. Следует отметить, что древнерусская изобразительная традиция и художественный язык XIX— начала XX в. не противопоставляются. Напротив, очевидна их частичная преемственность, основанная на единых духовных основах православного учения.

В отечественном творчестве в настоящее время ярко выражен антагонизм между направлениями православного искусства и так называемым современным творчеством — «антиискусством» или «контискусством». Современный философ, культуролог, критик искусства А.Л. Казин отмечает: «Искусство сегодня *назначается* сообществом кураторов, критиков и хозяев арт-рынка»,⁸ с чем нельзя не согласиться. Лишь недоумение вызывает те проявления и русофобии, и антиправославной направленности, которые явно выражены в превалирующих темах многих столичных выставок, в направленности деятельности ряда общественных объединений, в критериях оценок работ детских и юношеских конкурсов, в программах достаточно об-

⁸ Казин А.Л. Событие искусства. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. С. 4.

ширного ряда учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, многих других городов нашей страны, в том числе художественных ВУЗов.

Констатируем, что крайний субъективизм в оценке произведений искусства и «антиискусства» ныне прогрессирует, стирая все грани между подлинным и подделками под него, между профессионализмом и дилетантизмом, а главное, между миром духовным, Божьим и миром бездушия, духовного вакуума. Данная тенденция видится нами как крайне опасная, в том числе на фоне современной геополитической обстановки.

По заключению современного писателя Миутин Никовича (Черногория), современный мир и современная культура стремятся «сократить» человека, глубину его духовности. И насколько важно в наши дни не допустить этого «сокращения» в России, когда совершаются многочисленные попытки подрыва духовных устоев государства не только из вне, но и изнутри страны. Добавим, что сокращение духовного мира человека происходит посредством отказа его от традиций — религиозных, этических, эстетических, культурных, исторических. Происходит утрата патриотизма, понимания духовной жизни народа, что приводит к «размытости» национальной самоидентификации. По нашему убеждению, обозначенные тенденции современной культуры имеют очень тревожный характер, сильно выраженные негативные последствия, которые проявляются уже сегодня, но намного более явно могут быть выражены в будущем.

Следовательно, все большую актуальность приобретают контрастные тенденции, благодаря которым, через сохранение нравственных ценностей, возможно остановить прогрессирование разрушающих процессов. Исключительно важна при этом миссия искусства, поскольку в нем посредством школы мастерства, профессиональных навыков, можно раскрыть вневременное звучание духовных, религиозно-философских, исторических смыслов. Для русского национального искусства данные смыслы всегда были заключены в воплощении основ православия, как части мирового христианского учения.

Неопровержимым доказательством выше обозначенного тезиса в отношении эпохи рубежа XIX—XX вв. являются реалистические произведения православных художников России: И.К. Айвазовского, В.М. Васнецова, М.В. Врубеля, К.А. Коровина, И.Н. Крамского, Б.М. Кустодиева, И.И. Левитана, М.В. Нестерова, И.П. Рябушкина, А.К. Саврасо-

ва, В.И. Сурикова и др. при всем многообразии, являющих духовное единство в выражении основ православной веры. Одной из основ для них в сфере живописи служили полотна их выдающихся предшественников — живописцев классицистического, романтического, академического стилей: Ф.А. Бруни, К.П. Брюллова, А.Г. Венецианова, А.А. и А.И. Ивановых, О.А. Кипренского. Их язык также в той или иной степени имеет синтезированный характер, как и в современном творчестве. Но при этом не форма превалирует над содержанием, а, напротив, содержание над формой, и в этом содержании заключены глубинные религиозно-философские смыслы, заложенные в православии, — отражен верующий разум. По заключению А.Л. Казина, «высший принцип русской философии — это верующий разум».⁹ По нашему убеждению, верующий разум — это и высший принцип отечественного искусства.

Заключение

Подводя итог, исследованию, исходя из обозначенных положений, следует поставить вопрос, каким образом достигается воплощение верующего разума в произведениях искусства? Актуально ли данное положение для наших дней? И возможна ли при этом трансформация природы человека и, если возможна, какая именно? Создавать произведения, соответствующие выше сказанному, отражающие в себе верующий разум, художникам-реалистам позволяли и глубинная приверженность православному учению, и воцерковленность, и школа мастерства, без которой невозможно достичь убедительности трактовок, выражающих духовную жизнь народа, ее религиозно-философские смыслы, ее понимание и приобщение к ней.¹⁰ И только при таких условиях трансформация природы человека имела место в их произведениях, была направлена всегда и неизменно на акцентирование духовной сущности персонажа. К подтверждающим примерам следует отнести и сказочных царевен В.М. Васнецова — хранительниц традиций русской старины, и его богатырей —

⁹ Казин А.Л. Событие искусства. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. С. 203.

¹⁰ Скоробогачева Е.А. Мотивы Русского Севера в генезисе неорусского стиля // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор: научное издание, коллективная монография по материалам XIV международных Панаринских чтений. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт Наследия, 2017. С. 327–328.

неустрасимых воителей со злом, защитников родной земли, и смиренных монахов и монахинь М.В. Нестерова — воплощений души Святой Руси, и восставших стрельцом, и самозабвенную боярыню Морозову В.И. Сурикова. Даже метущиеся демоны М.А. Врубеля обращены к тому же понятию «верующий разум», также выражают трансформацию природы человека, но трансформацию иного свойства, ибо в его произведениях раскрывается мучительный путь сомнений, терний и гибели, на который обречен каждый, отвернувшийся от Господа, от светлого образа Божьего мира, не причастный верующему разуму.

Е.Н. Трубецкой писал, что в иконописных памятниках «сказывается во всей своей поразительной силе то высшее творчество религиозного искусства, которое низводит огонь с неба и освещает им изнутри весь человеческий облик...»¹¹ К пониманию и достижению истинного высшего творчества должно стремиться современное искусство. Именно оно является наиболее сильным противодействием бездуховному вакууму, именно оно ясно и предельно четко обозначает разницу между созиданием искусства и разрушением антиискусства, между творческой деятельностью и профанацией. И только истинное высшее творчество ведет к созданию полноценных произведений искусства, только оно способно сохранить и приумножить духовные ценности великой России.

Источники и литература

1. *Анисов Л.М.* Александр Иванов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 343 с.
2. *Казин А.Л.* Событие искусства. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. – 243 с.
3. *Маркова Н.С., Бычкова А.М.* Криминальная субкультура молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности. // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. – С. 43–53.
4. *Скоробогачева Е.А.* Мотивы Русского Севера в генезисе неорусского стиля // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор: научное издание, коллективная монография по материалам XIV международных Панаринских чтений. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт Наследия, 2017. – С. 317–332.
5. *Сорокин П.А.* Человек Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
6. *Трубецкой Е.Н.* Трубецкой Три очерка о русской иконе. – М.: Лепта, 2003. – 317 с.
7. *Фромм Э.* Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М., 1990. – 160 с.

¹¹ *Трубецкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе. М.: Лепта, 2003. С. 14.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Труды ППДС» публикует научно-исследовательские статьи, доклады, рецензии, обзоры литературы и материалы конференций.

Отправляемая в редакцию статья должна иметь следующую структуру:

имя автора – имя, отчество, фамилия без сокращений (для священнослужителей – сан, имя и фамилия);

сведения об авторе – все учёные степени, основные занимаемые в данный момент должности;

название статьи;

аннотация – 3–4 предложения объёмом примерно 500 знаков, в которых изложены основные идеи и важные аспекты исследования;

ключевые слова – до 10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Имя автора, сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова направляются в редакцию на русском и английском языках.

Текст статьи – не должен превышать объёма 40 тысяч знаков (с пробелами); набор текста осуществляется шрифтом Times New Roman, 14-м кеглем с межстрочным интервалом 1,5; сноски оформляются тем же шрифтом и интервалом, но 12-м кеглем;

источники и литература – список использованной литературы, оформленный в алфавитном порядке;

список иллюстраций – приводится в случае необходимости; каждая иллюстрация подписывается, и отдельным списком иллюстрации отправляются в формате jpg.

Материалы и иллюстрации отправляются по электронной почте на адрес **trudy@ppds.ru** (в копию добавить адрес **ppds@ppds.ru**). После получения файла с текстом статьи редакция высылает подтверждение. Рассмотрение материалов занимает около 1 месяца, после чего автору отправляется решение редколлегии.

Статьи, не имеющие указанной структуры, дублирующие, а также материалы, в которых будет обнаружен плагиат, к публикации не принимаются. Авторам, чьи статьи приняты редколлегией для публикации, выплачивается жалование.

**Труды Перервинской православной
духовной семинарии**

Научно-богословский журнал

№ 23/2022

**Издание одобрено к распространению в церковных магазинах
Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.**

Свидетельство № 171 от 06 октября 2011 г.

Журнал включён в РИНЦ (контракт № 406-12/2011R)

Корректор
С. В. Феликсов

Вёрстка
Л. Н. Петрова

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ПЕРЕРВИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ**

109383, г. Москва, ул. Шоссейная, д. 82

Тел. +7 (495) 354-15-83

Эл. почта: trudy@ppds.ru, ppds@ppds.ru

Подписано в печать: 10.12.2022 г.

Формат 70х100/16

Объём журнала: 11,5 п. л.

Тираж: 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Типография «Миттель Пресс».

127254, г. Москва, ул. Руставели, 14, стр. 6.

Тел./Факс +7(495) 619-08-30, 647-01-89.

E-mail: mittelpress@mail.ru

ISSN 2220-9530

Содержание предлагаемого вниманию читателей
очередного выпуска журнала
«Труды Перервинской православной духовной семинарии»,
подготовленного кафедрой филологии
Перервинской духовной семинарии,
составляют научные труды
участников II Зимней всероссийской
научно-практической школы-конференции
с международным участием
«ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ»
имени митрополита Григория (Постникова),
секция «Православие и литература».

ПЕРЕРВИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ